

Как я стал

Вместо предисловия

Годам, наверное, к пятидесяти или, может быть, даже ещё позднее я, сам не знаю почему, вдруг стал задумываться о том, что у меня было совсем немного шансов, чтобы родиться... Как минимум, по двум причинам точно.

Моя бабушка по отцу Мария Петровна, родившаяся ещё в девятнадцатом веке и прожившая почти до конца века двадцатого, рассказывала, как через их сибирскую деревню проходил с карательным отрядом сподвижник Колчака атаман Анненков, отличавшийся бешеной жестокостью ко всем, кто качнулся в сторону советской власти, чем, кстати, немало навредил и Верховному правителю России.

В новосибирской Чубаровке, где жили и мои будущие дед с бабушкой с малыми детьми, атаман казнил всех, кого так или иначе уличил в сочувствии к Советам. Деда же моего, ходившего чуть ли не в активистах, бабушка успела спрятать в заброшенном колодце. Там он просидел несколько дней, а по ночам бабушка тайно его подкармливала.

Атамана Анненкова годы спустя сумеют арестовать и будут судить в Семипалатинске, публиковать отчёты о судебном процессе в газетах. Его расстреляют по приговору суда.

Дед же мой уцелеет, и 28 февраля 1922 года родится мой отец. Ему будет уготовано судьбой пройти через самую страшную в истории человечества войну – Великую Отечественную (или вторую мировую, как её чаще называют за рубежом). Свой фронтный путь отец начнёт под Москвой в самом конце 1942 года, а закончит в 1945-м в Восточной Пруссии. Он был сначала автоматчиком, а потом – всё время сапёром батальонной разведки: сопровождал группы разведчиков, которые добывали «языков»; делал проходы в минных полях, обеспечивая продвижение войск. Можно сказать, постоянно рисковал жизнью до самой Победы. О том, как воевал, свидетельствуют и его главные боевые награды – медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», ордена Красной Звезды и Славы третьей степени.

Уже после войны будет подсчитано: мужчин его года рождения осталось в живых три процента. Можете представить себе: на фронте сложили головы каждые 97 его ровесников из ста. Я это подчёркиваю, чтобы ещё раз напомнить о том, как немного было у меня шансов появиться на свет.

Родился я в 1953-м году, за несколько дней до смерти Сталина. И моя мать не столько радовалась моему рождению, сколько убивалась из-за кончины вождя народов, жизнь без которого тогда казалась невыносимой не ей одной. Выходит, мы были со Сталиным, хоть и очень недолго, современниками, жившими в одну эпоху.

К счастью, не только с ним... Мне повезло не только родиться, но и жить совсем в другое время. Точнее – в разных временах. Я чуть-чуть помню своего прадеда Алексея – седого до белизны и почти бесплотного, которого мой дед по материнской линии носил в баню на спине – как тогда говорили, на закукорках... Деду уже тогда было лет шестьдесят, если не больше. Стало быть, прадеду – под девяносто как минимум, или даже больше того. Это я к тому, что он мог родиться ещё при крепостном праве или, во всяком случае, вскоре после его отмены в 1861 году.

Моя уже упоминавшаяся бабушка по отцу пережила за свой век столько, что уму непостижимо, захватив времена Российской Империи и закончив свой земной путь в разгар горбачёвской перестройки.

Но раз я жил вместе с ней, значит хотя бы отчасти жил в её временах тоже, а потом ещё в двух эпохах – развитого социализма и недоразвитого капитализма. Не только в двух веках, но и в двух тысячелетиях. И если я всё-таки родился, если стал, значит, это было зачем-то нужно? Значит, я должен рассказать о временах, выпавших на мою долю.

Это будут воспоминания, но не мемуары. Это будет мозаика жизни в разных её проявлениях. Сохранившиеся в памяти мгновения и события. Радости и разочарования, подарки судьбы и невозвратимые утраты. Это будет моя и не только моя жизнь. Попытка ещё раз рассказать о том, как я был...

КАК Я БЫЛ ВНУКОМ

Мне очень повезло в жизни: у меня были две бабушки и один дед. Второй дед, по отцовской линии, Пётр Петрович, умер, когда я был совсем маленьким, и в моей памяти не сохранился. Осталась их с бабушкой общая, как сегодня бы, наверное, сказали, огламуренная большая фотография, на которой дед почему-то смахивает на чеченца, а бабушка – на цыганку.

Поминовы (во всяком случае, бабушка точно) были тульские, а Чурсины (по материнской линии) – пензенские. И те, и другие оказались в Сибири во времена Сталинских реформ. Искали лучшей доли, а выпали им вместо неё революция, гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война... Так что обе ветви моей фамилии хватили лиха, а не то что хорошей, но и сносной жизни, можно сказать, не видели вовсе. Но – жили, не гневили судьбу...

У деда с бабушкой Чурсиных в небольшой – в одну длинную улицу – сибирской деревне Чубаровке я проводил каждое лето. И память хорошо сохранила их всегда чисто выбеленную избушку с плоской пластяной крышей и глиняным полом (время от времени бабушка его обязательно подмазывала); наполовину вросшую в землю крошечную баньку; ветхий плетёный сарай с крутобокой коровой и обязательным ласточкиным гнездом на столбе,

державшем крышу сарая; нежнейшую траву-мураву, расстилавшуюся от самого порога, и огород с цветущей картошкой, сбегающий вниз, к пересыхающему озеру...

Помню немудрёные бабушкины угощения, вкусный терпкий запах дедова самосада – он сам растил табак, рубил в деревянном корыте, сушил.

Помню, как басовито, тревожно и гулко гудели провода в Чубаровке, когда приложишь ухо к высушенному до звона, нагретому солнцем столбу.

Помню посвист любопытствующих сусликов и то, как смешно, подбрасывая зады, они улепётывали к себе в норы.

Помню развалины старых саманных домов – где-то позади единственной чубаровской улицы. Меня почему-то тянуло к этим полуразрушенным, заросшим травой саманушкам. В их щелястых выветренных стенах селились воробьи и трясогузки, они очень тревожились из-за каждого моего прихода.

Хорошо было у деда с бабушкой. Но я всё равно скучал по дому. Я находил открытое место и часами смотрел – не идёт ли в сторону Чубаровки с Хомичевой гривы машина. Машины шли редко – и всё мимо...

Мне кажется, то были не худшие годы для деда с бабушкой. Дети выросли, худо-бедно определились, вот уже и внуки наезжают на лето. Наверное, мы им, оставшимся вдруг вдвоем, нужны были в ту пору не меньше, чем они нам... Но и мы выростали и всё реже навещали к ним, не понимая, как дорог им каждый такой приезд...

В последний раз мы навещали деда Тимофея втроём: старший брат Шурка, я, оба уже взрослые, и младший Петька – ему было лет десять-одиннадцать.

Строговатый, не очень ласковый дед, не привыкший выставлять напоказ свои чувства, был искренне рад нашему приезду. И не скрывал этого – наверное, чувствовал, что больше с нами тремя ему вряд ли доведётся побыть.

Иногда, желая обратиться к одному из нас, он окликал другого, но, поправляясь, снова ошибался, и тогда у него выходило:

– Шурк-Юрк-Петьк!

Он смеялся:

– Совсем запутался с вами...

И мы смеялись: нам очень нравилось это наше тройное имя.

...Я не помню каких-то обстоятельных разговоров с дедом и бабушкой об их прежней жизни – тогда ещё был мал, а потом они умерли – сначала бабушка Акулина Семёновна, а потом и дед, Тимофей Алексеевич. Хотя дед даже после выхода на пенсию оставался по-мужски силён и вынослив в работе. На лето он нанимался в совхозе чистить овечьи кошары, в которых за два-три года нарастала спрессованная в несколько слоёв, плотно утоптанная подушка из овечьего навоза и остатков притоптанного корма. И дед на пару с сыном, моим дядькой Николаем, вилами поднимали этот пласт, грузили на телегу и вывозили. Это была по-настоящему тяжёлая работа, но за неё хорошо платили.

О том, как прежде жили дед с бабушкой Чурсины, мне что-то рассказывала моя мать. Когда началась война, она в тринадцать лет оставила учёбу и пошла работать в колхозную бригаду поварихой и тем самым во многом спасла всю семью от голодной смерти: бабушка всю жизнь болела и работать не могла. Болела и старшая её дочь, Зоя, умершая от туберкулёза. Деда с началом войны призвали, и он все годы прослужил на Дальнем Востоке, при лошадях. Писать сам не умел, поэтому письма от него приходили очень редко, и родные после окончания войны даже не знали – жив ли он вообще. Бабушка потеряла сознание, когда он объявился однажды утром...

Моя мать, отвыкшая от него, тоже не могла вымолвить ни слова.

– Что же ты молчишь, дочь? – спросил дед Тимофей.

– Да вот собралась на базар в Купино, – невпопад сказала она и пояснила: – Денег собрали на фуфайку – купить хочу.

– На, возьми мою, – сказал дед, он домой не в солдатской шинели, а в фуфайке пришёл.

...Мне не довелось проводить в последний путь ни бабушку, ни деда. Приходил к ним потом на кладбище.

Теперь Чубаровка, что находится всего-то за сотню с небольшим километров от нашего целинного совхоза, – за граница. В свой последний приезд, по случаю, с оказией, я не смог отыскать некоторых могил Чурсиных и Поминовых – так сильно заросло травой кладбище. А у земли травы переплелись так, что её самой не видно. Но я знал, что все они здесь: и Пётр Петрович, которого я совсем не помню, и их с бабушкой Марией Петровной дети, умершие в младенчестве или погибшие при разных трагических обстоятельствах. Наша старшая сестра Люба, умершая в раннем детстве от скарлатины... Дед с бабушкой Чурсины...

А Чубаровка жива и во многом всё та же – в одну длинную улицу. И самые юные её жители похожи на моих «когдашних» сверстников – почти сплошь белоголовые, с всё тем же неповторимым выговором, ласкающим мой слух, как сладчайшая музыка.

* * *

История жизни другой моей бабушки, Марии Петровны, достойна романа. И у меня есть небольшой очерк о ней, её такой долгой, почти в целый век, жизни; выпавших на её долю тяжчайших испытаниях и невосполнимых потерях.

Какое-то время бабушка жила вместе с нами, меня почему-то из всех внуков выделяла, всюду таскала за собой, что-то рассказывала о своей жизни, о чём-то я, уже много позже, успел её расспросить...

В своём раннем детстве бабушка даже могла видеть Льва Толстого, ведь она тоже тульская, а их семья перебралась в Сибирь уже в начале двадцатого века. Понимаю, что возможность такой встречи маловероятна, но мне почему-то хочется в это верить...

Из бабушкиных рассказов помню, как она работала в прислугах у купцов Красноусовых, в девочках, до замужества в 16 лет. Кажется, это были её самые яркие впечатления из всей жизни и, складывалось ощущение, – её счастливая пора.

У деда с бабушкой родилось 14 детей. Тринадцать из них бабушка пережила. Большинство умирали в младенчестве и раннем детстве. Но многие из смертей были трагическими. Взрослый сын заболел в дороге, был снят с поезда, умер и неизвестно где и как похоронен. Бабушку угнетало более всего именно то, что она не может прийти и поплакать на его могиле. Другой сын работал на молотилке, оступился, упал сверху, ударился головой, поболел и умер. Третий сын помогал освежевывать зарезанную корову, тушу подтягивали для этого к перекладине, она переломилась, ударила его по голове. Поболел, умер. Четвёртый сын утонул в озере Чаны, спасая товарища, под которым проломился лёд. Утонул осенью, а удалось его найти только весной. Каково было всё это время его матери? Дочь-красавицу задавила грузовая машина, едва ли не единственная во всей округе... Тринадцатым ребёнком, которого потеряла бабушка, был мой отец. Его мы хоронили вместе с ней. В живых к тому времени оставалась лишь её младшая дочь, которую бабушка родила, кажется, в 44 года. Она единственная из 14 братьев и сестёр пережила мать.

Удивительно было слушать, как бабушка рассказывала о своих детях. В этих рассказах они оставались для неё ещё живыми. Она говорила о них и будто разговаривала с ними.

Помню наши с ней поездки: ближние – в Купино и по окрестным деревням, к её многочисленной родне; и дальнюю – в город Дивногорск Красноярского края, где она какое-то время жила с дочерью. Помню наши с ней походы за грибами – наверное, с той поры во мне пробудилась и до сих пор жива страсть к этой «тихой охоте».

Бабушка была неграмотной и не без труда расписывалась печатными буквами, когда получала пенсию по утрате кормильца (утонувшего сына); сначала это было 14, а уже под конец жизни что-то около 30 рублей. Но, не имея никакого школьного образования, она говорила – как пела. Это был чистейший, не замусоренный никакими суррогатами и заимствованиями язык, которого теперь совсем не услышишь. Иногда я писал под бабушкину диктовку письма её родне и, каюсь теперь, временами хитрил, что-то «спрямляя» и опуская некоторые из персональных приветов родным и знакомым.

До 96 лет бабушка жила одна, в своей избе, и как могла сама управлялась по хозяйству. Наша городская квартира, где она провела два с небольшим последних года жизни, конечно, её тяготила. Но она крепилась, не показывала вида. Пережив всех своих сверстников и 13 из 14 детей, она до последних дней сохраняла ясный ум, острую память и даже интерес к жизни. Не изменяла привычкам: нюхала табак, предпочитала на Рождество рюмку водки вместо предлагаемого ей фужера вина.

Умерла бабушка, лишь немного не дожив до 98 лет, можно сказать, на ногах, не доставив нам, её родным, почти никаких хлопот.

КАК Я БЫЛ СЧАСТЛИВЫМ

Отчего человеку бывает хорошо в детстве? Оттого, что просыпаешься утром под запах блинов, которые затеяла мать... Оттого, что скворцы уже, оказывается, прилетели... Оттого, что в совхозном клубе сегодня обещано кино про шпионов... Да мало ли отчего ещё, когда радость бывает и вовсе как будто беспричинной...

Я помню, например, как впервые почувствовал себя абсолютно счастливым, хотя повод кому-то может показаться совершенно ничтожным.

Меня взяли в сборную школы, которая должна была поехать на районные соревнования. И вот как это произошло. Я тогда учился в шестом классе и особыми спортивными данными, увы, отмечен не был, особенно по части лёгкой атлетики. Несколько лучше у меня обстояли дела со спортивными играми – волейболом и баскетболом, которые входили в обязательную программу соревнований. И я страстно мечтал быть включенным в заветную шестерку счастливых, которым доверяют отстаивать честь родной школы... Однако «не поглянулся» тренеру. Его звали Курмет Жусупов, он был на три класса старше нас и на общественных началах готовил «спортсменчиков» к олимпиаде районного значения.

Мне сразу было дано понять, что на основной состав могу не рассчитывать, но я все равно ходил на все тренировки. На таких, как я, те, на ком Курмет остановил свой выбор, оттачивали игровое мастерство. Обычно мы играли пару таймов в баскетбол, после чего основная команда оставалась еще на свою собственную тренировку, а все остальные переходили в разряд болельщиков или отправлялись домой.

И вот однажды после одной из наиболее жарких схваток, в которой мы, дублёры, разумеется, проиграли, мне, единственному из них, велено было остаться на площадке с основным составом.

– Побросай в кольцо, – неопределенно сказал Курмет, как бы давая понять, что у меня появился шанс, но также и то, что он еще ничего не решил.

Я был готов бросать в кольцо истрепанный футбольный мяч (им мы пользовались за неимением баскетбольного) не только весь вечер – всю ночь... И не поверил собственным ушам, когда услышал курметовское:

– Завтра на тренировку – как штык...

Последнее было лишним. Я и в «вольноиграющих» не пропустил ни одной.

На следующий день был праздник. Первое мая. Мы с соседскими пацанами ходили за совхоз в поле. Леса стояли еще полные воды от недавно растаявшего снега, но на опушках, в низинах, кое-где уже проклёвывался густо-зелёный дикий чеснок. Мы щипали его и ели – как гуси щиплют травку. Пахло оттаявшей землёй, от березовых колков тянуло прохладой и свежестью. И куда бы ни посмотрел, о чем бы ни подумал, всё время, каждую минуту помнил: «Теперь я в команде, сегодня на тренировку...». Или наоборот: «Сегодня на тренировку. Теперь я в команде...».

И я пришёл на ту тренировку. Кажется, один-единственный из всей команды... И был горд тем, что наш суровый Курмет не отправил меня по этому случаю домой. Мы с ним тренировались вдвоем...

Жизнь нас свела потом в Алма-Ате: я учился на журфаке КазГУ, а он работал на тогда знаменитом Алма-Атинском хлопчатобумажном комбинате. Курмет приходил к нам в общагу, давая понять мне, что я и теперь перед ним в ответе, а другим – что есть человек, который не даст меня в обиду.

Потом жизнь нас развела очень надолго, и увиделись мы лет через сорок, на вечере встречи выпускников нашей школы. Конечно, Курмет вспомнил меня, но когда я стал ему рассказывать о том, как он когда-то сделал меня счастливым, он только руками развёл и рассмеялся:

– Ты знаешь, не помню! – помолчал и добавил: – Нашёл тоже о чём вспоминать!

* * *

И другие мгновения счастья...

...Студёное зимнее утро. Матовое солнце равнодушно висит над горизонтом, как будто ему лень подняться выше. Оно хоть и светит, но не греет... И я начинаю приплясывать, пытаюсь согреться...

Мне одиннадцать лет, и я жду открытия нашей совхозной библиотеки. Вчера я помогал таскать в неё новые книги и высмотрел среди них Аркадия Гайдара. Он мне уже знаком: «РВС», «Школу» читал сам, «Чука и Гека» слушал по радио... Все детские книжки из совхозной библиотеки я давно перечитал, а тут такая удача! Или неудача – Гайдара же могут перехватить, жди потом своей очереди...

– Ты чего здесь мёрзнешь? – слышу, наконец, знакомый голос – это библиотекарьша.

– Вас жду...

– Так я сегодня новые книжки не выдаю, – она, конечно, знает, что именно они мне и нужны, и поясняет: – Их зарегистрировать надо.

Потом она бросает взгляд на мою жалкую полуокоченевшую фигуру и смягчается:

– Ладно, заходи – хоть погреешься.

Заходить после услышанного не хочется, но надежда ещё теплится во мне, и я через тёмный коридор пробираюсь за ней в тесноватую, всего из двух комнатшек, библиотеку.

Новые книги сложены на двух столах и на полу. В одной из стопок и желанный том Гайдара в твёрдой синей обложке.

Библиотекарьша не раздеваясь усаживается за стол, подносит ко рту замёрзшие ладони, дышит на них. Я безмолвно стою у двери чуть дыша. Жду, пока на меня обратят внимание.

– Вообще-то не положено, – она говорит будто сама себе возражает, – но ладно уж – вчера таскал, сегодня мёрз... Какую тебе?

– Вот эту! – нужный мне том где-то в середине стопки.

И пока она его вытаскивает, у меня сердце останавливается: вдруг я ошибся – и книжка не та... Ворошить заново всю грудку она, конечно, не будет...

– Гайдара? – уточняет она.

Я радостно киваю.

Ещё несколько мгновений – она записывает книжку в мою читательскую карточку – и наконец отдаёт её мне.

Я на рысях устремляюсь домой. Я ещё не знаю, что там, в этом томе, но душа моя уже сладостно поёт в предвкушении чтения.

...Моё любимое место – в спальне, у окна. Сквозь двойные заледенелые стёкла льётся солнечный свет. Солнце успело подняться выше и, кажется, даже чуть греет сквозь окно. Твёрдая, с шершавинкой обложка приятно холодит

пальцы. Стараясь не спешить, открываю плотные (ещё никем не тронутые!), слегка потрескивающие страницы, читаю название – «Дальние страны».

Проходит какое-то мгновение, и я погружаюсь в удивительный мир, бесконечно загадочный и далёкий и вместе с тем такой мне близкий и понятный – родной. Я будто растворяюсь в нём и плыву – вместе с его героями...

Дома тепло, тихо, уютно. Прекрасные мгновения счастья – такого в детстве многогранного и многоликого.

* * *

...Моим детям, которые росли в другое время да и в другую эпоху, кумир моего поколения – миллионов девчонок и мальчишек – был уже неинтересен. И купленный для моих сыновей трёхтомник Гайдара остался не востребуемым. Впрочем, что там мои дети... Собственный внук Гайдара, внешне чем-то напоминавший героя, придуманного дедом-писателем, – Мальчиша-Плохиша, рьяно взялся строить буржуинское царство-государство. Но это уже совсем другая история, мало что общего имеющая с моим детским счастьем.

А было ещё и юношеское – в белых нейлоновых рубашках с узкими чёрными, тоже нейлоновыми, галстуками на наших тонких шеях. Танго с одноклассниками на Новый год под Сальваторе Адамо: «Падает снег... Ты не придёшь сегодня, я знаю...». И вальс – под «Вальс о вальсе» – с ними же... И первое шампанское под новогодний бой курантов из радиоприёмника (телевизоров ещё не было) – с верой в то, что все мы и всегда будем счастливы...

КАК Я ДРУЖИЛ С ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ И ЕЗДИЛ НА МОТОЦИКЛЕ

На подворье у нас всегда было полно живности: корова, овцы, свиньи, куры... Хозяйство это требовало постоянного внимания. Когда корова телилась, обычно зимой, телёнка мать приносила домой. На кухне, около печки, ему соорудили простенькую загородку, где он несколько дней и обитал. Сперва едва держался на дрожащих ногах, которые к тому же всё время разъезжались на деревянном полу, и его водило из стороны в сторону, как пьяного. Потом, окрепнув, он уже бодро стучал копытцами, взбрыкивал и сам тянулся к матери, когда она подносила ему чашку с молоком и крошенным в него хлебом.

Возникали, однако, и неудобства, связанные с отправлением им своих естественных надобностей. Нашей с сестрой задачей было не прозевать момент, когда он начинал пускать струю, и тут же подставить заранее припасённую посудину. Когда-то мы успевали, когда-то нет... К тому же ничего нельзя было сделать, когда он «ходил по-крупному»... Так что ароматы на кухне, пока он квартировал в ней, наверное, с неделю, витали ещё те, даже после того, как телёнка переводили в сарай.

Одного из них – шустрого, покрытого атласной шёлковой шерстью, я надолго запомнил. Я тогда учился в пятм-шестом классе и, когда он подрастал, мерился с ним силой – тыкал рукой в лоб, крутил туда-сюда его голову. Давал понять – кто из нас двоих главный. Мне нравилась эта забава, а телёнку не нравилась. Но что он мог поделаться?

Мать предупреждала, что подобные игры могут выйти мне боком. Но это меня не останавливало, тем более что мы уже почти сравнялись с моим напарником в силе, и он перестал мне уступать. На его голове стали проклёвываться рожки. А я пытался ездить на нём верхом.

И пришёл час возмездия... Я стоял во дворе, он был где-то сзади. Разбежался и так поддал мне пониже спины, что я на ногах не устоял. Он же этим моим унижением не удовлетворился и покатал меня лобастой головой по двору, вываляв заодно в пыли.

Самое обидное, что свидетелем моего позора оказалась мать, не предпринявшая ни малейших попыток помочь сынку, чтобы отбить его у противника.

С тех пор я больше не мерился силой с телёнком и даже по двору начал ходить с оглядкой...

* * *

Сколько себя помню – у нас всегда были собаки. И все почему-то Шарики. Один Шарик как-то даже оценился...

Наши собаки были безалаберны и незлобивы, никогда не сидели на цепи, бегали – где хотели, иногда шкодили, получая трёпку от матери.

Мой отец имел в совхозе славу человека, умевшего поладить с самой свирепой овчаркой. Не то чтобы он их укрощал – просто не боялся, мог запросто подойти к любой, даже не знавшей его и сидевшей на цепи. Но он, впрочем, никогда этим не козырял.

Одно время мне казалось, что я тоже обладаю этим даром. Но я ошибался... И отчетливо это понял, когда меня сильно покусал соседский Букет. А было так. Наши соседи Шарубины его взяли щенком и сразу посадили на цепь. Он хорошо знал меня и даже когда подрос свободно подпускал к себе. А потом я уехал на месяц в деревню к деду с бабушкой. И когда вернулся, Букет меня решительно не узнавал – забыл начисто. Разумеется, я с этим не мог примириться и пытался приручить его заново, считая, что чем больше буду находиться в непосредственной близости от него – тем лучше. Так в один из дней я прохаживался по соседскому двору с прутиком перед сидящим на цепи Букетом, невзирая на его упреждающий рык. Когда я оказался совсем близко, Букет прыгнул и, порвав ошейник, укусил меня сбоку-сзади, чуть пониже спины... Надо отдать ему должное: одного укуса оказалось вполне достаточно для удовлетворения его собачьего самолюбия. После этого он отошёл назад к будке и спокойно лёг.

Всё произошло так быстро, что сначала я даже испугаться не успел. Только потом ноги стали ватными, а руки затряслись. Боялся, что ещё и мать поддаст, ведь не раз предупреждала: не дразни Букета – укусит.

...Лечили меня способом своеобразным: у Букета состригли клочок шерсти, затем мать с тётёй Верой Шарубиной жгли её и пеплом присыпали мне рану, приговаривая: «Зарастай, как на собаке, зарастай, как на собаке!».

Заросло, конечно... А отец, узнав о случившемся, усмехнулся, глянул тяжело и сказал: «Я знаю, как подходить к собаке – и подхожу. А ты не знаешь – и не лезь». Было не совсем понятно, но зато перед глазами ещё стоял практический урок...

С тех самых пор собак я не то чтобы боюсь – побаиваюсь...

* * *

Одно время отец работал бригадиром в животноводстве, и по должности ему полагалась служебная лошадь. Это был конь по имени Мальчик. Когда он только достался отцу, на него жалко было смотреть – худой, облезлый, плешивый. Но отец его жалел, холил, к тому же сильно не гонял, и скоро Мальчика стало просто не узнать. Он был так хорош, что мне всё время хотелось подойти и погладить его. При этом он всегда вздрагивал кожей, косил глазом, изгибая шею, – к ласке, как я теперь понимаю, приучен не был.

В качестве приложения к Мальчику отцу полагались летом лёгкие дрожки на резиновом ходу, а зимой кошева – красивые вместительные сани на деревянных полозьях, подбитых железными планками.

Мальчик оказался очень резвым конём. «Как пуля», – заметил как-то наш сосед дядя Саша Черняков, следя за его стремительным бегом. А дядя Саша понимал толк в лошадях. Около них он провёл едва ли не всю свою жизнь. Я сам не раз ездил вместе с его детьми Колькой и Сашкой пасти (они произносили это слово с ударением на «а») совхозный скот. Кстати сказать, особо дяди Сашина любовь к лошадям передалась одному из его детей и стала причиной его отчаянных распрей с роднёй. Изрядно поддав, он изливал мне душу: «Юра, я коней (упирая на «о») люблю, – чуть не плакал он, – а они говорят: я их позорю...». Родня никак не хотела мириться с тем, что он надумал быть конюхом...

Но я, впрочем, отвлёкся...

Отец, по-моему, был весьма горд тем обстоятельством, что располагает именно (а никому другому в совхозе Мальчика эксплуатировать не позволялось) лошадью. Всё же какой-никакой транспорт. В мою обязанность входило распрячь Мальчика после рабочего дня и отогнать в конюшню. С этим делом я научился справляться довольно быстро, а вот запрягать его самому долго не удавалось. Отец, когда добродушно посмеиваясь, а когда и злясь, показывал: он был нетерпелив и с трудом переносил непонятливость... Лошадь теперь сразу вряд ли запрягу, а все элементы упряжи помню – уздечку, хомут, вожжи, чересседельник, сбрую, оглобли... И даже что такое супонь знаю.

Тогда же учился ездить верхом. Притом без седла, что куда сложнее. Какое-то время ходил со сбитым задом, а потом ничего – приновился. Много неприятностей на первых порах доставлял мне и сам Мальчик, потому что он оказался не только резвым, но и довольно норовистым конём. Для того, чтобы лошадь была более послушной и управляемой, в уздечке есть одно приспособление – стальные удила. Это мундштук – металлический стержень, который заправляют коню в рот, а к обоим его концам через специальные кольца крепятся ремни уздечки – поводья. Дёргая за правый или левый повод, всадник даёт животному знать, в каком направлении двигаться; натягивая поводья, он заставляет его останавливаться.

Увидев в первый раз Мальчика, грызущего зубами удила, я сразу же его пожалел и решил для себя, что буду ездить на нём только разнузданном (то есть в уздечке, конечно, однако освободив его от удил). Но не тут-то было. Уже во второй раз, примерно в середине пути, Мальчик вдруг отказался мне повиноваться, а когда я попытался слегка пришпорить его ногами в валенках, он слегка кинул задом – и я оказался на снегу. Коварство было столь неожиданным, что я даже растерялся. Оглянувшись по сторонам – не видел ли кто моего позора, я подвёл Мальчика к ближайшему забору и с его помощью вновь взгромоздился на лошадиную спину. Но ситуация тут же повторилась – Мальчик вовсе не желал слушаться. Так я наглядно, на собственном опыте узнал, что означает на самом деле разнузданность.

– Ах, ты так, – разобиделся я, – не хочешь по-хорошему? Ну ладно...

Минуту спустя Мальчик был мною решительно взнуздан и безропотно доставил меня на конюшню. О своём позоре я, разумеется, никому не сказал...

Иногда отец отправлял меня за Мальчиком и на конюшню. Мне это не совсем нравилось. Дело в том, что на конюшне содержался не один десяток совхозных лошадей. И нужно было заходить прямо в табун. Я этого побаивался, а особенно боялся Лысана – злого и коварного совхозного жеребца, который, предупреждали мужики, может и ударить задом, и укусить... Хорошо, если в конюшне оказывался кто-нибудь из взрослых. В таком случае я просил – и мне ловили моего Мальчика. Но однажды, никого не дождавшись, я отважился сделать это сам. Мне удалось отбить Мальчика от остальных лошадей, оттеснить его в угол и накинуть уздечку, после чего он уже не сопротивлялся. Домой на этот раз я возвращался особенно гордым. И с Мальчиком с тех пор у нас установились отношения какого-то доверия: я всегда старался угостить его чем-то лакомым – дать кусок хлеба, посыпанный солью, подбросить дроблёнки или хорошего сена, а он давался мне в руки в конюшне и уже не сбрасывал по пути, даже если я забывал его взнуздывать...

Вспоминаются наши нечастые поездки на Мальчике вместе с отцом – на телеге в лес за дровами или на двуколке за совхоз, к дойным гуртам.

Весна, ярко, но не жарко светит солнце, всё кругом зелено, благодать! Двуколка на резиновом ходу мягко катит по просёлку, а Мальчик в такт неторопливому бегу временами ещё и попукивает.

Так бы ехать и ехать, далеко-далеко...

Но, пожалуй, самые яркие впечатления тех лет остались после нашей с отцом зимней поездки на ближайший от совхоза железнодорожный полустанок «Осенний». Отец куда-то уезжал, и именно мне почему-то было доверено сопровождать его, чтобы обратно пригнать Мальчика.

Помню морозный день – уже на склоне к вечеру. Слегка возбужденный от скорого путешествия отец (а ездить он всегда любил и ездил много) наказывает мне бросить в кошеву пахучего житнякового сенца (чтобы мягче и теплее было в дороге). Сам он выносит из дому огромный овчинный тулуп, примеривает. Тулуп даже на рослом отце стелется лапами по снегу, а приподнятый роскошный воротник скрывает отцовскую голову в кожаной шапке. Я в теплом пальто-«москвичке», подшитых валенках, шапке с опущенными ушами, тёплых рукавицах. Мальчик, предчувствуя дорогу, грызёт удила, нетерпеливо перебирает ногами.

Отец поправляет в кошеве принесённое мною сено и садится первым, подстилая под себя одну полу тулупа. Вторая предназначена мне. Я сажусь на неё, ею же запахиваюсь. Таким образом, одного тулупа вполне хватает, чтобы укрыться нам обоим. (Этому тулупу была уготована долгая жизнь. Он не один год служил отцу, потом из него вышла роскошная дублёнка для моей жены, которую отец выделял из других снох; и, наконец, позднее из неё выкроили полушубок для нашего младшего сына Пашки...).

...Красное, как будто настывшее за день солнце ещё парит над землей, когда мы трогаемся. Мальчик стрелой проносит нас улицей – только кошеву подбрасывает на ухабах – и, направляемый отцом, устремляется по санному следу в заснеженную степь. Отец не торопит Мальчика, тот сам бежит резвой рысью. Натруженно поскрипывают в морозном воздухе полозья, летит в нашу сторону из-под копыт снег; обжигает лицо, перехватывая дыхание, встречный ветер. Хорошо!

Но исподволь начинает точить душу мыслишка. Туда-то хорошо – с отцом, а как обратно? Одному, да еще к ночи...

– Ничего, доедешь, – как будто прочитав мои мысли, вдруг говорит отец, – только воли ему не давай – держи покрепче вожжи.

На разъезде в ожидании поезда греемся у раскаленной докрасна печки. Отец, купив билет, спешит отправить меня домой, потому что уже наступают сумерки. Сам усаживает меня, заворачивает в тулуп, вручает вожжи.

– Ну, езжай, с Богом!

Мальчик с места берет рысь и, явно почуяв облегчение, стремглав несёт кошеву по знакомому следу домой. Я, вцепившись в вожжи, думаю только о том, как бы не вывалиться на одном из поворотов. Мне немножко жутковато оттого, что я вечером в поле один, мне мерещится что-то тревожное. Но к этим чувствам стремительная езда в надвигающейся ночи добавляет какого-то непонятного, отчаянного веселья. Мне страшно и хорошо одновременно...

Кажется, домой я приехал куда быстрее, чем ехали с отцом на разъезд. Сам распрягаю Мальчика – он весь закуржавел: в инее круп, ноздри и даже грива; и хлопаю на прощанье по спине: «Ну, а теперь сам на конюшню». Он будто в раздумье проходит несколько шагов и вдруг ложится и начинает кататься по снегу. Я испугался, что это с ним? Но оказалось, ничего страшного: лошади иногда любят устраивать сами себе подобный моцион.

Не очень долго побыл у нас Мальчик. Кажется, отец сменил работу... Я без Мальчика скучал, говорили, что новый хозяин относился к нему плохо, довёл до ручки. Но я Мальчика больше не встречал – не довелось. Может, это и хорошо...

* * *

Я учился в шестом или уже в седьмом классе, когда у нас появился собственный мотоцикл. Это был одноцилиндровый красавец «Иж-Планета». По тем временам довольно дорогая вещь, стоимостью рублей 500 или даже 600. Вряд ли родители могли скопить такую сумму за год и даже, наверное, за два. И не потому, что мы жили бедно – жили как все. Личных машин не было тогда в совхозе ни у кого, за исключением, пожалуй, «инвалидки» совхозного одноногого киномеханика дяди Васи Бурдакова. Редкостью были даже мотоциклы с колясками. Наш считался на пару ступеней ниже, потому что выпускались и более мощные «Ижи» – двухцилиндровые. Словом, для нашего семейства мотоцикл стал очень значительным приобретением, и логично было бы предположить, что отец станет им единолично распорядиться. Тем более у нас было другое транспортное средство – еще не старый велосипед. Но – нет. Брат Шурка, а он учился в девятом или десятом классе, сразу стал пользоваться мотоциклом почти на равных с отцом.

Мне было впервые позволено сесть за руль в седьмом классе. Правда, иезуит Шурка поставил условие: только если сдам на «отлично» переходные экзамены. А когда это произошло, он доверил мне руль, сам перебравшись на заднее седло. Перед этим был короткий инструктаж: левой рукой надо выжать муфту, левой ногой включить первую скорость и, добавляя газу правой рукой, плавно отпустить муфту. Я устно повторил последовательность операций, и мы приступили к практическому вождению.

Кажется, я сделал всё, что полагалось, но вместо того, чтобы плавно тронуться, мотоцикл почему-то взревел и прыгнул с места, как горный козёл. Шурка оказался на земле, а я – что удивительно – ехал, отчаянно газуя и думая только о том, как теперь остановиться... А ведь ещё предстояла расплата...

Но всё как-то обошлось. В конце концов я догадался нажать на муфту и на тормоз одновременно, мотоцикл остановился, а когда я сбросил газ, он, дёрнувшись, и вовсе заглох... В тот раз мне даже не попало...

...Ездить я всё же научился. И без ложной скромности скажу: неплохо. Во всяком случае, мать предпочитала, чтобы её отвозил в поле на летнюю дойку (она в то время работала ветеринарным техником) именно я. На мотоцикле я исколесил всю совхозную округу, выискал все грибные и ягодные места.

Мотоцикл стал ещё одним членом нашей семьи. Отец строго следил за тем, чтобы мы его не перегружали во время обкатки, и он нам служил верой и правдой почти десять лет. Отец совершал на нём и дальние поездки – в Железинку, в Купино, километров за 100-120.

У большинства людей от детства всегда остаётся в памяти немало приятных страниц. И мои собственные детство и отрочество не были бы такими яркими, не будь у нас мотоцикла. Пишу эти строки и вижу: едем летом из леса; Шурка за рулём, я сзади, но не держусь, потому что нечем – в руках у меня по полному ведру грибов.

Или ещё... Раннее сентябрьское утро... На улице прохладно – до лёгкого озноба. Собираемся в «Весёлую Рощу», к проходящему автобусу, на котором я доеду до райцентра, где после окончания школы начал работать в местной газете. Отец заводит мотоцикл, и мы знакомой улицей Абая, влажноватым после росистой ночи просёлком, мимо осыпающих последние листья колков – едем... Серебрится инеем трава по обеим сторонам просёлка, стелется вслед за нами над землёй голубоватый мотоциклетный дым (мне даже запах его приятен!)... Передо мной плотная широкая отцовская спина в старой фуфайке. Он едет небыстро. Мне за отцовской спиной спокойно, уютно-надёжно... Только не хочется уезжать из дома...

КАК Я БЫЛ «РАЙОНЩИКОМ»

«Районщиками» называли в пору моей журналистской юности корреспондентов районных газет. И определение это носило не столько адресно-территориальный, сколько отчасти скрытый, но и явный тоже, уничижительный оттенок: что, мол, с них взять – «райончики»...

Я же мою «районку» – Железинскую районную газету «Ленинское знамя» Павлодарской области – всегда вспоминаю с пронзительными чувствами теплоты и благодарности. Кто-то может сказать при этом: не её ты помнишь и любишь, а себя тогдашнего и всё, что с тем временем связано. Не знаю, не думаю, что это так, хотя зачем теперь спорить: главное – «районка» была в моей жизни и осталась в памяти по преимуществу светлой полосой. А это гораздо важнее.

В газету я попал благодаря Владимиру Мартыновичу Калиновскому – заместителю редактора. Он обратил внимание на мои заметки из школьной жизни, прислал ободряющее письмо (на фирменном бланке – что производило особое впечатление), предложил приехать в редакцию для знакомства. Правда, в мой первый приезд мы не увиделись – он был в командировке. Но мне тогда надавали заданий, которые я старался выполнять. А после окончания школы меня взяли на работу на единственную свободную ставку фотокорреспондента с окладом 85 рублей в месяц. Фотографировать я не умел, да это от меня и не требовалось – я должен был писать...

Моя первая командировка была в родной совхоз – с заданием написать о ремонте комбайнов – приближалась уборка урожая. Как же я комплексовал, отправляясь на своё первое интервью! Мне казалось, что заведующий совхозной мастерской Николай Васильевич Зинин видит меня насквозь – всю мою никчемность... Хорошо ещё, что заведующий своё дело знал, рассказывал обо всём обстоятельно, толково, и от него я летел домой, как на крыльях: будущий материал у меня в кармане!

Вечером даже в клуб на танцы не пошёл – сел писать. И теперь помню первую фразу: «Совхоз «Михайловский» – хозяйство крупное»... Она показалась мне весомой, значительной. Ну и далее стал строчить в том же духе...

Вернувшись в редакцию, отдал рукопись машинистке – секретарше редактора, весь извёлся, пока она её напечатала (я же у неё был не один), и понёс редактору – Александру Сергеевичу Державцеву... Надеялся: он наскоро пробежит текст и если не похвалит, то скажет: «Ну что ж, неплохо для первого раза...».

Он же сразу зацепился за столь нравившуюся мне первую фразу, заметив: «Ну, какое же крупное, есть и покрупнее, скорее, среднее... Так что давай оставим только посевную площадь... А вот тут – зачем уводить читателя куда-то в сторону от основной темы... Давай уберём это...». В итоге от моей роскошной корреспонденции в три страницы под заголовком «Методы и результаты» осталась расширенная заметка, над которой редактор собственноручно начертал – «Комбайны в готовности». Зато напечатана она была на первой полосе газеты, в самом её центре.

Нешадно править меня будет редактор и позже. Вполне справедливо и профессионально, как я понял много позже. Но угнетало тогда не только это, а, может, более того то, что тексты всякий раз приходилось перепечатывать заново. И машинистку – маленькую, худую, остроносую, ни разу мне не высказавшую своего недовольства, я всё равно боялся. Мне казалось, что она думает, наверное: «Тоже мне журналист выискался – писать не умеет, а туда же!».

Я пытался хитрить: стал отдавать рукописи на прочтение журналистам поопытнее меня, но мне быстро дали понять, что это – не дело, надо изначально самому строже относиться к тому, что пишешь...

Правиль со временем меня начали меньше. Может, писать стал лучше, но, может, и потому ещё, что я усваивал некий усреднённый стиль письма, со штампованными оборотами. И это была, без всяких оговорок, плохая школа: прожорливая как кукушонок газета постоянно требовала материалов – тут не до творчества, лишь бы хоть чем-то забить полосы. От районных штампов той поры мне пришлось извлекаться потом многие годы.

Но была и хорошая школа: «районка» приучала к ответственности, всеядности (из командировок надо было привозить материалы на разные темы). Газета с твоими материалами приходила три раза в неделю едва ли не в каждый сельский дом, то есть ты жил и работал на виду у своих читателей. Тут не соврешь, а соврешь – сам быстро об этом пожалеешь. И ещё «районки» той поры были зубастыми, печатали критику, не в пример нынешним. А значит, действовало правило – семь раз отмерь...

В те годы – начала 70-х – в «районки» уже пришли линоотыпы, но я бывал в нашей типографии и видел, что некоторые из моих материалов набирались ещё вручную, по буковке, из специальных деревянных касс...

Два года я неустанно колесил по району, объезжая по очереди одиннадцать его совхозов. Завершив один круг, повторял его заново. Пытался быть своим среди механизаторов и доярок, бригадиров тракторных и строительных бригад, агрономов и зоотехников... С совхозным начальством общался куда реже, чем с теми, кто работал на полях и фермах. И это тоже была очень хорошая школа жизни и будущей профессии.

Зимой я приходил в сопровождении кого-нибудь из конторских, а нередко и сам, на утреннюю дойку, ещё затемно, расспрашивал доярок о надоях, проблемах. Женщины, что были помоложе, на меня смотрели не без интереса, а те, что постарше, случалось, ворчали: ну ладно мы встаём ни свет ни заря – у нас работа, а этому чего неймётся? А их Зорьки, Майки, Белянки, Пеструшки тянулись ко мне своими доверчивыми мордами.

Работа доярки была в то время одной из самых тяжёлых: две обязательных дойки в каждый день, почти без выходных; и хоть в большинстве сёл дойка была уже механическая, кое-где коров доили по старинке вручную, а их было до пятнадцати и больше у каждой доярки. Правда, и зарабатывали они неплохо, но оставляли на фермах своё здоровье.

Мне нравилось часто бывать в совхозных мастерских с их особыми запахами – машинного масла, дымка от кузни – и с их особыми рабочими шумами.

Я любил писать о сенокосе и уборке потому ещё, что сам работал школьником в эту страдную пору на подборщике-копнителе сена и на заготовке кукурузного силоса. Мне было приятно чувствовать себя своим среди механизаторов.

За два года я не раз объехал весь район, побывав не только на центральных усадьбах совхозов, но и во всех отделениях, даже в самых маленьких сёлах. И почти всегда и всюду я был своим среди своих. Меня охотно брали на ночлег, люди, бывшие много старше моего, доверяли мне истории своих судеб, делились самым сокровенным, ничего при этом не требуя взамен.

Как-то я приехал зимним вечером в совхоз «Советский Казахстан». Контора уже была закрыта, а столовая ещё нет. Я зашёл туда, представился, спросил – нельзя ли позвонить кому-нибудь из начальства – мне же надо было где-то переночевать. Меня провели к телефону, нашли домашний номер парторга совхоза, я позвонил. На другом конце провода возникло явное замешательство. Потом парторг сказал:

– Я сейчас техничку pošлю, чтобы она в гостинице печку затопила... А вы там пока в столовой поужинайте... Дайте трубку – кто там есть?

Вскоре мне принесли тарелку с толчёной картошкой и здоровенной котлетой сверху, крупными ломтями порезанный хлеб, стакан чаю.

Я ещё не закончил ужинать, когда меня позвали к телефону. Звонил парторг.

– С гостиницей ничего не получится, – услышал я, – её с начала зимы не топили... Вы вот что... Идите к молодожёнам, – прозвучала фамилия, – они недалеко от столовой живут... Скажите, что я послал... А завтра с утра жду вас в конторе.

Предложение было столь необычное, что я даже не нашёлся что сказать в ответ.

– Вот, говорит, чтобы шёл ночевать к молодожёнам, – обескураженно пояснил женщине из столовой.

Она покачала головой и решительно сказала:

– Ладно. Сама провожу.

Отвела, представила, объяснила ситуацию. К счастью, мы с молодожёнами оказались немного знакомы: с новобрачными встречались на первенстве района по футболу – он играл за свой, я за свой совхоз; а с его избранницей общались на смотре художественной самодеятельности – я писал об их концерте.

Мне отвели отдельную комнату с диваном, на котором я провёл две ночи, а с хозяевами мы даже подружились. Парторгу же я много лет спустя, когда мы случайно встретились в Павлодаре, припомнил ту историю и слегка попенял: что же, мол, тогда не нашли ничего лучше, как послать к молодожёнам на постой? Он отшутился: «А что, лучше было вас заморозить в гостинице?». А я сказал, что воспоминания о том случае остались самые хорошие.

Случалось попадать в разные переделки. Однажды, отправившись, как обычно, в командировку, из-за бурана больше чем на неделю застрял в совхозе имени XIX партсъезда. Повезло ещё, что жил у знакомых. Входная дверь в их дом открывалась наружу, утром её заметало так, что мы оказывались замурованными снегом. Мне приходилось вылезать на улицу через небольшое оконце в холодной кладовке, откапываться и откапывать соседей... Буран был такой, что, казалось, никогда не закончится. Позднее я написал об этом небольшую новеллу.

...Много чего было в те годы, притом не только хорошего. Но плохое выветрилось – будто улетучилось из памяти. А хорошее помнится. И мне всегда будет дорог хлеб «районки» – газеты, с которой начиналась моя журналистская судьба.

* * *

В редакции было восемь творческих работников. Редактора и его зама я уже называл. Должность ответсекретаря занимал Леонид Павлович Кишкунов (с ним мы потом общались и дружили многие годы); отделом писем заведовал Володя Рогатин, пришедший в газету со стройки; сельскохозяйственным – Юра Маковенко, человек, бесспорно, талантливый, но уже потрёпанный жизнью и, увы, подверженный традиционному русскому недугу. Были и другие журналисты, которые, однако, в редакции по разным причинам не задерживались. И поэтому одна-две ставки часто оставались вакантными. Снимки, кстати сказать, если и появлялись в газете, то лишь несколько недель спустя после того, как были сделаны фотографии. Их отправляли в Москву, в фотохронику ТАСС, где из них изготавливались клише, которые по почте возвращались в редакцию.

В штате редакции числился и радиоорганизатор. У нас это была женщина – Лидия Григорьевна Уманец, читавшая по районному радио новости из нашей газеты и даже готовившая, правда, очень редко, свои – с помощью допотопного тяжеленного магнитофона.

Кроме журналистов, в штат редакции входили секретарша редактора, она же машинистка, корректорша, водитель и уборщица. Квартировали мы сначала в двухэтажном капитальном здании райисполкома, а затем в отдельном уютном домишке из нескольких комнат с пристроенной верандой и печкой... Дом этот не сохранился, похоронив многие тайны его временных обитателей, в том числе и мои. Но не о них сейчас речь.

Редакцию мы именовали меж собой конторой. Люди в ней подобрались настолько разные, что нас вряд ли можно было назвать одной семьёй. Я, во всяком случае, за те два года так и не разобрался в хитросплетениях отношений одних с другими, причинно-следственных связях, мотивах поступков, симпатиях-антипатиях, тайных и явных обидах, скрытых пружинах конфликтов. Всё это по большей части было мимо меня, и поэтому я просто благодарен этим людям, у которых так или иначе набирался житейского ума-разума, профессиональных навыков. Относились ко мне в конторе, можно сказать, по-отечески, но без сверхзаботы. Поэтому нащупывать свою дорогу, держаться на поверхности в водовороте жизни всё равно приходилось самому. И я пытался это делать – как мог, как умел, как получалось. По части будущей профессии больше, чем кто-либо из редакции, мне дал Владимир Мартынович Калиновский, которого в конторе именовали Мартынычем.

Худой, нескладный, слегка сутулый, неухоженный, с некогда голубыми, а тогда будто уже выцветшими глазами, он мало на кого мог произвести впечатление с первого раза. Но он будто был создан для газеты, в которую попал насколько по воле случая, настолько и закономерно. Работал трактористом в дальнем совхозе, много читал, стал пописывать заметки в районную газету. Как-то покритиковал в ней совхозное начальство. Директор совхоза этого не забыл, и когда самого Калиновского уличили в огрехе на полях, сказал ему: что же ты, мол, начальство критиковать горазд, а сам портачишь, про себя написать слабо? И Калиновский-тракторист написал критическую заметку про себя... Потом его позвали на штатную работу в Иртышскую районную газету, а к нам он пришёл на повышение, учась заочно или уже закончив пединститут.

У нас Калиновский тащил на себе едва ли не весь редакционный воз: много писал сам, правил других, выискивал толковых нештатников и держал их в поле своего зрения.

Меня он звал по имени, лишь находясь в хорошем расположении духа, а обычно – «молодь». Иногда мы с ним играли в шахматы, и он, проиграв пешку или сделав неудачный ход, тут же признавал поражение – одно, второе. Зато выиграв, потирал руки и, довольный, констатировал:

– Играть надо уметь, молодь!

Случалось, мы с ним оставались в редакции вдвоём (двое журналистов-заочников уезжали на сессию, редактор – в отпуск, кто-то болел), но газету надо было делать, и Калиновский говорил:

– Ты иди в совхоз, бери полосу по животноводству, а я – на телефоне.

Что означало: я должен набрать в конторе совхоза «Железинский», которая находилась в райцентре, материала на целую страницу, выскочить, если удастся, с кем-то из специалистов на ферму в ближайшее отделение. А Калиновский в это время обзвонит несколько других совхозов и насобирает информации сам. Так мы с ним вдвоём что-то наскребали, что-то перепечатывали из других газет – выкручивались.

Примерно через год я совершенно для себя неожиданно получил повышение по службе – меня назначили завсельхозотделом с окладом уже в 130 рублей. Приличные по тем временам деньги – примерно средняя зарплата по стране. Я же был не столько горд, сколько обескуражен: за какие заслуги? Не понимал, что не в них было дело – просто «пропадала» ставка (Юру Маковенко, в очередной раз загулявшего, уволили). Когда же я стал делиться своими сомнениями с Калиновским: потяну ли, справлюсь ли – он снисходительно и грустно взглянул на меня и сказал:

– Запомни, молодь, расти надо по газетам, а не по отделам.

Калиновский уже тогда давно перерос «районку» с её извечной беспросветной круговертью. Его охотно печатала «Звезда Прииртышья», на него давно положил глаз её тогдашний редактор Владимир Семёнович Молотов. Может, даже приглашал на работу...

«Звезда» для нас, «районщиков», была авторитетом, мы знали всех её журналистов, почитали за честь публиковаться в ней. Но это были, как правило, информации, заметки, в лучшем случае небольшие зарисовки о людях. Калиновский же опубликовал однажды большой очерк об агрономе совхоза «Мирный» Михаиле Ивановиче Трусове, ставшем позднее героем и моих публикаций на многие годы.

По совету Мартыныча я тоже стал посылать заметки в «Звезду Прииртышья». Помню одну из первых – про световую газету в родном совхозе – чудо из чудес того времени, когда в совхозном клубе через кинопроектор односельчане могли увидеть на киноэкране своих чем-то отличившихся на производстве земляков.

Мою зарисовку о сельской учительнице напечатала республиканская газета «Учитель Казахстана». Ничего, конечно, особенного, в ней не было, но больше чем через 40 лет мне написала по электронной почте её дочь, давно перебравшаяся на Украину: она до сих пор хранит эту пожелтевшую вырезку из газеты, хотя матери уже нет в живых. Сколько раз потом в жизни я убеждался, насколько был прав поэт, написавший: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся...».

Однажды в редакцию позвонили с областного телевидения, и – так уж вышло – в ней никого из журналистов в тот момент не оказалось, поэтому именно мне было доверено дважды в неделю передавать им информации для телевизионных новостей. И я из кожи вон лез, чтобы не ударить лицом в грязь, ждал у телефона назначенного часа, диктовал... Хотя ни разу не слышал с телеэкрана ни одного из своих сообщений: телевидение в ту пору в Железинку ещё не пришло. Но какое это имело значение, когда я был его полпредом! А ещё приходили изредка гонорары – невеликие, конечно, но тоже не лишние.

Судьба моего первого газетного учителя сложилась трагически. Из Железинки Калиновского перевели в Экибастуз – редактором районной газеты. Он мне писал оттуда, когда я учился в КазГУ, жаловался: район хоть и большой, но отсталый, кадров для газеты нет, работать некому... Звал поработать на каникулах, хотя бы пару месяцев, обещал ставку, повышенный гонорар... Но я, конечно, поехал на практику в свою Железинку.

А Владимир Мартынович (ко всему прочему ещё и не очень здоровый человек) свалившихся на него тягот не перенёс. К тому же стал попивать... Болел, лежал в больнице, работу пришлось оставить. Жил у брата в совхозе, где когда-то сам начинал трактористом. Однажды вышел из дома и не вернулся – сгинул, будто его и не было.

Не могу сказать, что мы были так уж близки с ним, да и работали вместе совсем недолго. Но думаю теперь: не было бы Калиновского – не было бы и меня нынешнего...

* * *

За редакцией числилась машина – старый, потрёпанный, но всё ещё резвый пятиместный легковой вездеход ГАЗ-69. Незаменимое транспортное средство той поры для большинства «районков» Советского Союза. Кто из нас, тогдашних «районщиков», не живописал, как «наш юркий «газик» пылит по дороге...»! Деревенские мальчишки именовали его ещё бобиком.

Редких достоинств была машина – неприхотливая, высокопроходимая, простая в управлении, надёжная и безотказная, как автомат Калашникова. Мне казалось, что в её внешнем облике присутствовала даже известная доля некоего изящества. Будь моя воля, я бы поставил этой машине памятник.

Под брезентовым тентом ГАЗ-69 у хорошего водителя даже зимой было тепло и по-своему уютно. Во всяком случае, у нашего водителя – весельчака и неисправимого бабника в молодости по кличке «Блин-Самара» (его присказка на все случаи жизни) всегда было именно так, потому что машину эту он любил, знал как свои пять пальцев и всегда держал в готовности номер один.

ГАЗ-69 был, без всякого преувеличения, ещё одним полноправным членом нашего коллектива. Вот только ездить мне на нём приходилось нечасто – это была привилегия редактора, реже – других журналистов, больше, чем я, имеющих такое право. Моим же обычным средством передвижения были рейсовые автобусы, попутные машины, а в сёлах случалось добираться куда надо и на тракторах, и на санях, запряжённых лошадьё.

Как-то зимой из своего совхоза «Михайловский» в соседнюю «Весёлую рощу», куда дороги не было, пошёл за десять километров на лыжах. И когда завалился в кабинет главного зоотехника с лыжами в руках, был весь в мыле. Он смотрел на меня, как на ненормального. Пока мы с ним ездили по фермам, разыгрался буран, пришлось заночевать. А мать дома чуть с ума не сошла, меня ожидаючи. Позвонить тоже не мог – связи не было. Домой попал лишь на следующий день – подвезли уже на машине, кружным путём...

...Вспоминая теперь, правда, всё реже и реже, свои нечастые поездки на редакционном бобике, вижу всегда зиму, ночь, заснеженную дорогу в свете фар, по которой змейё струится-извивается позёмка... И снежинки летят навстречу машине, как будто из общего центра...

* * *

Два года я проработал в Железинке, к которой по-настоящему так и не привык. Мне казалось, что она и вообще-то не слишком охотно принимает чужаков. В рабочие дни – ещё куда ни шло, а в выходные отчаянно тосковал по дому. Тем более что развлечений особых тогда не было, телевидение ещё не пришло, разве что кино по вечерам в местном клубе, и то не каждый день... Набирал книжек в районной библиотеке, но выбор там был не особенно велик. Знакомства заводились, но не близкие...

Из светлых воспоминаний навсегда осталось совместное житьё с бабой Шурой Потапкиной, у которой квартировал. Как попал к ней – не помню. Найти жильё оказалось большой проблемой. Помню, как я полдня, если не больше, слонялся по Железинке, переходя от дома к дому, пытаюсь встать на постой, пока меня, наконец, не согласилась взять женщина с тремя детьми.

Старшему её сыну было лет десять-одиннадцать, дочери примерно пять, а младшего хозяйка ещё не отняла от груди. Муж при этом отсутствовал, его, как доступно объяснил мне старший сын, «черти с квасом съели».

Дом был вроде и не маленький, но несуразный, поделённый на две неравные половины: небольшую кухню и просторную жилую комнату, в которой мы все пятеро у трёх стен спали. А питался я в райцентровской столовой неподалёку, где всё было невкусно и дорого.

Месяца через полтора-два меня по знакомству устроили, можно сказать, с комфортом, в отдельную комнату, к деду с бабкой – хозяйственным, но нелюдимым. Своим для них я не стал, и расставались мы без сожаления.

Зато моя третья хозяйка была как подарок судьбы. Рано оставшаяся без мужа, погибшего на войне, она всю жизнь посвятила семье сына и внукам. Жила баба Шура в небольшом то ли камышитовом, то ли саманном домишке, уже слегка покосившемся, больше напоминающем избушку. Со мной если и строжилась, то лишь сначала, недолго; относилась – как к родному, и жилось мне у неё как у Христа за пазухой. Добрейшая душа, она чем-то напоминала мне мою бабушку Акулину Ивановну, но была поживее, шустрее. Ни минуты не сидела без дела: кашеварила, стирала, вязала, штопала.

Столовались мы вместе. Я привозил продукты из дома: картошку, муку, крупы, солёное сало, квашеную капусту. Она была мастерицей готовить. За прожитьё брала с меня сущую мелочь. Я сказал, что готов платить, как и предыдущим своим хозяевам, 15 рублей в месяц.

– Это много, – сразу сказала она, – у тебя же всё своё – постель, продукты...

– Но вы же готовите, – напомнил я.

– Ну и что? – не соглашалась она, – на себя тоже ведь сразу варю, а не отдельно.

Сторговались в итоге на десяти рублях. Наверное, это была самая низкая цена за постой в Железинке.

Хозяйкой баба Шура была выдающейся – сверхэкономной, привыкшей довольствоваться малым; ничего у неё не пропадало, и самые простые блюда получались вкуснейшими. У неё я впервые попробовал уху из стерлядки. Попросил купить в соседней Моисеевке, откуда она была родом и где жила семья сына, и она привезла три рыбины по килограмму – за три рубля, то есть едва ли не даром.

Она мало хорошего видела в жизни: оставшись смолоду вдовой, замуж больше не вышла, но судьбу не гневилась, ниоткуда не ждала помощи, полагаясь лишь на себя. А если и жаловалась изредка, то лишь на сноху, которая не празднует сына, не умеет вести дом, да и к свекрови не шибко ласкова, почему той и пришлось перебраться в Железинку.

По части житейской мудрости баба Шура могла дать фору кому угодно, но учиться ей вовсе не довелось, и она даже читать не умела. Узнав про это, я вознамерился её научить хотя бы этому. Мне казалось, что при её природной сметливости это не составит труда.

Я добыл потрёпанный букварь, и мы приступили к занятиям. Но то ли учитель из меня оказался никудышный – очень уж нетерпеливый, то ли время подобного ученичества для бабы Шуры ушло... Словом, дело у нас не заладилось.

– Баба Шура, но это же так просто, – уговаривал я, – вы же знаете эти буквы... А это – слоги... Ну, читайте их – и будут слова.

У неё не получалось, она, обычно собранная, деловитая, почему-то терялась, даже плакала... И однажды решительно заявила:

– Всё, хватит, поздно мне учиться. Жила как-то без этого семьдесят лет, а теперь чего уж...

Жалею теперь, что не настоял на продолжении наших занятий... Правда, и обстоятельства изменились: жить мы стали втроём, с младшим внуком бабы Шуры Володей, переехавшим в Железинку из Моисеевки продолжать учёбу – там была только восьмиклассная школа. Передо мной замаячила перспектива лишиться жилья: троим в домишке из маленькой кухоньки и отнюдь не просторной второй комнаты было, конечно, тесно; и баба Шура мне об этом прямо сказала. Я попросил время на поиски очередного жилья, а она, видя, как мне не хочется уходить, чуть позже сама завела разговор:

– Не нашёл ещё квартиру?

– Не нашёл...

– Уходить неохота?

– Неохота...

– Говоришь – поступать летом будешь?

– Собираюсь...

– Ну и ладно тогда. Живи, уж недолго осталось...

...Пройдут годы, я буду приезжать в Железинку студентом, корреспондентом «Звезды Прииртышья» и при любой возможности всегда забегать к бабе Шуре... Заезжал бы и на могилу – жаль, что не знаю, где она похоронена...

* * *

Прошли-пролетели два года, я поступил на факультет журналистики КазГУ. Уволился с работы, приехал домой в совхоз, чтобы собрать вещи, – уезжать надо было минимум на полгода. Спать лег поздно – прощался с друзьями, бродил вместе с ними по дорогим сердцу местам, с которыми предстояло расставаться. Утром мать будит чуть свет.

– Вставай, к тебе мужики.

– Какие мужики, мам... Сколько времени?

– Скоро семь, а мужики из бригады... Вставай-вставай!

Ничего не понимая, я встал, вышел на улицу. У нашего дома действительно стояла бригадная бортовая машина-развозка с полным кузовом механизаторов. Бригадир, приоткрыв дверцу, одну ногу держал на подножке.

Я поздоровался.

– Тут, видишь, какое дело, – без предисловий начал бригадир, – урожай в этом году хороший.

Я сдержанно кивнул: знаю...

– Ну, вот... А у нас машин на вывозку зерна не хватает. Комбайны могут молотить день и ночь, а приходится стоять. Так что выручай, Дмитрич!

Так меня в жизни ещё никто не называл, и я сразу заволновался...

– Да как же я помогу?

– Ну, как... Ты в газете – напиши.

– Да я уже не работаю, учиться вот еду, в Алма-Ату.

– Ну, так и не теряй время, – подытожил бригадир, – садись и пиши, чтоб добавили машин.

И они уехали. А я пошел писать критическую заметку в «районку» – о том, что люди вырастили хороший урожай, и теперь какие-то бюрократы не дают им работать в полную силу.

...Мой журналистский стаж, страшно подумать, приближается к половине века. Случалось за эти годы всякое, бывали и приятные минуты признания разного рода моих заслуг на газетном поприще. Но, кажется, не было ничего дороже той просьбы бригадных мужиков из такого теперь далекого августовского утра.

КАК Я БЫЛ СТИПЕНДИАТОМ

...Приказ был вывешен в деканате, на доске объявлений. Отпечатанный на стандартном листке текст гласил: «За формальное отношение к учёту посещаемости, за необеспечение руководства группой, за отсутствие личного примера освободить от обязанностей старосты...». Дальше – моя фамилия и витиеватая подпись декана – Темирбека Кожакеевича Кожакеева.

В старосты я не стремился и был назначен им совершенно для себя неожиданно. Мой предшественник загремел с этого поста по пьяной лавочке. И всё было бы ничего, если бы не собачья доля вести журнал учёта посещаемости и ежедневно докладывать об отсутствующих декану, который с маниакальным упорством отслеживал это дело и вёл собственный журнал отсутствующих, применяя к злостным прогульщикам драконовские меры. Он либо лишал их стипендии (если таковая была), либо лишал общежития. Впрочем, иногда и наша братия ставила его в тупик. Как-то он вызвал «забывшего» на занятия Пашку Бабенко и, по обыкновению глядя на него поверх очков, опущенных на кончик носа, сказал:

– Вы не ходите на занятия, Бабенко...

Пашка молчал.

– Мы лишим вас стипендии, Бабенко, – сказал Кожакеев и сделал паузу, зная, что эта мера устрашения действует, как правило, безотказно.

– У меня нет стипендии, – хладнокровно ответил Пашка.

– Тогда мы лишим вас общежития, – не давая опомниться злостному прогульщику, запугивал Кожакеев.

– Общежития тоже нет, – вздохнул Пашка.

Тут было впору задуматься уже самому Кожакееву, ведь с подобным он сталкивался нечасто. И после недолгих раздумий он произнёс:

– Мы вот как поступим с вами, Бабенко. Мы вам дадим общежитие...

Пашка, не ожидавший подобного поворота событий, с удивлением смотрел на декана. А тот продолжил:

– Но если вы и дальше будете пропускать занятия, мы лишим вас общежития!

Таков был наш декан, видевший в каждом студенте заведомого разгильдяя. Я в этом смысле оставался, скорее, исключением: на занятия ходил исправно, учился на отлично, участвовал в научно-студенческом кружке и разного рода общественных делах. И Кожакеев не только назначил меня старостой, но и представил на высшую университетскую именную стипендию – имени Карла Маркса. Она была даже на 20 рублей больше почётной Ленинской и составляла 120 рублей в месяц (при обычной студенческой в 40 рублей).

То есть Кожакеев ко мне благоволил и надеялся, что я буду ревностно следить за посещаемостью. Я же проявлял недопустимый, по его мнению, либерализм по этой части: покрывал прогульщиков, не являлся по несколько дней на обязательные доклады к декану... Кто-то ему (может, даже из моих одногруппников), наверное, «стучал» на меня, а воспитательные беседы декана со мной не помогали...

Утраченной должности мне было не жалко, а персональной стипендии (об утрате её мне тоже шепнули) жалко, и я пошёл к Кожакееву «качать права», заведомо зная, что ничего из этого не выйдет.

Я сразу признал справедливость пункта о «формальном отношении к учёту посещаемости».

– А с другими не согласен, – начал возражать я. – Что значит «необеспечение руководства группой», когда наша группа на первых местах по успеваемости и другим показателям? Или «отсутствие личного примера»? Учусь я по-прежнему отлично, занятия не пропускаю, редактирую рукописный журнал, недавно диплом получил за научную студенческую работу...

– Ты мне тут, Поминов, не философствуй (у него звучало «Поминып» и «не писосопствуй»), – отвечал декан. – Ты игнорировал учёт посещаемости, не оправдал доверия... Мы тебя и общежития лишим...

Последние слова оказались не просто угрозой, и мне даже пришлось какое-то время квартировать у однокурсницы Наташи Баталовой. Но потом Кожакеев, к счастью, ушёл в отпуск, и место в общежитии я всё же получил...

А он меня, кстати, после этого в упор не видел, несмотря на то, что учиться я продолжал на отлично и во всех факультетских делах участвовал...

Когда Кожакеев вручал нам дипломы после окончания учёбы, увидев в стопке синих и мой красный (с отличием), притворно удивился:

– А кто это у нас такой молодец? – хотя, конечно же, не мог не знать – чей это диплом, поскольку он был единственным красным в тот год на нашем русском отделении.

...Говорят, что Кожакеев был хорошим преподавателем (уже тогда – профессор), интересно вёл лекции на казахском отделении по фельетону... Мне об этом судить трудно. Кто-то считает, что и деканом он был хорошим. А вот с этим мне и всем, кто со мной учился, согласиться трудно... Но что теперь об этом говорить, когда он уже давно переселился в мир иной... Пусть душа его покоится с миром...

* * *

Когда люди моего поколения и старше поносят советскую власть, причём это, как правило, люди вполне состоявшиеся, сделавшие при той власти неплохую карьеру, я вспоминаю наш некогда полный жизни, пусть и не шибко богатый, целинный совхоз, от которого в новые, «свободные рыночные времена», почти ничего не осталось, и ещё вспоминаю мой университет – тогда единственный в Казахстане – и наш журфак (их в тогдашнем Союзе не набиралось и десятка).

Какой мог быть блат в тогдашней столице у меня, выросшего в самой что ни на есть глубинке, на краешке Казахстана, в ста километрах от райцентра и двухстах – от областного центра? Ну да, наверное, было на нашем русском отделении журфака несколько «блатных» алмаатинцев, но большинство-то из нас всё равно пробилось в университет самостоятельно.

Жили мы в только что выстроенных первых общежитиях

КазГУграда по существу бесплатно – кажется, это было рублей семь-восемь за весь учебный год. И как жили! Комнаты на двоих-троих. У каждого – удобная деревянная кровать, свой письменный стол. Плюс общий шкаф для одежды. В каждой комнате – балкон (наш выходил на ботанический сад, и весной нас по утрам будили соловьи). На две комнаты – душ и туалет. Были ещё кухни на каждом этаже, которыми, правда, никто не пользовался – покупали чайники и электроплитки, на которых наши девчонки готовили себе сами, а мы у них нередко подкармливались. Но был ещё буфет, правда, один на две общежития, в котором мы тоже перекусывали...

Чего было не жить, не учиться!

На сорокарублёвую стипендию, которую получали почти все, кто учился без троек, прожить месяц было тяжело, но кому-то и это удавалось. Подрабатывали во время учёбы очень немногие из нас. Зато летом в стройотряде, куда брали после первого-третьего курсов почти всех, можно было заработать на прожить едва ли не на весь учебный год. Я, например, заработал за месяц триста с небольшим рублей, а мой однокурсник Васька Дмитровский за три месяца – чуть ли не тысячу. При том, что средняя зарплата по стране была в то время рублей примерно 130-140 в месяц.

Многим из нас помогали, конечно, родители, но были и такие, кто умудрялся обходиться без такой помощи. В том числе большей частью и я – благодаря сначала повышенной стипендии и работе на четверть ставки в университетской многотиражке, потом именной стипендии, потом стройотряду... Хотя и мне из дома время от времени что-то подбрасывали...

Алма-Ата первой половины 70-х годов прошлого века была вполне сытым городом. В студенческой столовой, не отличавшейся, правда, разносолами, можно было сносно поесть за 50-70 копеек. Шашлык из баранины в трёх минутах ходьбы от нашего главного корпуса стоил 23 копейки, хлеб к нему полагался бесплатно, и четырёх палочек на рубль (не каждый день, конечно, а, скажем, после стипендии) хватало даже парням.

В центральном гастрономе, по-студенчески «цэгэ», всегда свободно продавались несколько сортов варёных колбас. Я это знаю потому, что после перенесённой желтухи мне рекомендовали молочную и докторскую. Были же и другие сорта, включая обезжиренную диабетическую. При этом не припомню случая, чтобы при мне хоть кто-нибудь покупал копчёную краковскую по четыре шестьдесят за килограмм в «Кооператоре» рядом с главным корпусом КазГУ, где мы учились. Спросите – почему? Дорого!

Но когда мы учились на старших курсах, всё это изобилие (по тогдашним, конечно, временам) стало постепенно улетучиваться: и те же дешёвые шашлыки, продававшиеся прежде едва ли на каждом углу, и те же колбасы в ассортименте, хотя «ширпотребовские» ещё оставались.

Совсем недорого стоили билеты в театры: драматические (их было два – на русском и казахском языках и ещё ТЮЗ – театр юного зрителя), оперы и балета, консерваторию (в последние мы, правда, если и заглядывали, то редко), на концерты заезжих знаменитостей в недавно отстроенном огромном Дворце имени Ленина. Это я к тому, что приобщение к культуре не слишком опустошало наши студенческие карманы. Особенно если иметь в виду, что билеты можно было взять на самые дешёвые места (в драмтеатр временами – за сорок копеек), а уже во время спектакля или концерта перебраться поближе к сцене... Иначе говоря, утверждение о том, что искусство в стране Советов принадлежит народу, если и было преувеличением, то не таким уж большим.

Всё, как известно, познаётся в сравнении. За пять лет моей учёбы в университете я ни разу не ездил из дома в Алма-Ату и обратно на поезде – только летал. В общей сложности раз пятнадцать. Теперь же, если мне туда нужно, трижды подумаю и нередко предпочту поезд. Потому что на поезде дешевле. А летал я тогда потому, что для студентов существовали пятидесятипроцентные скидки на билеты, в Алма-Ату из Павлодара и обратно они стоили сначала десять, а потом – 12-13 рублей, что даже студенту было вполне по карману. Правда, иногда мест всем желающим не хватало, хотя самолёты в Алма-Ату летали ежедневно и даже по два раза в день...

При чём здесь советская власть? При том, что при всех творимых ею благоглупостях в наши времена она давала шанс подняться в жизни любому, кроме тех, конечно, кто, поднявшись (в том числе и благодаря ей), начинал её поносить или вступал с ней в борьбу. Так ведь и нынешняя власть не шибко с такими церемонится...

Кто-то скажет: это ты не советскую власть защищаешь, а молодость свою, когда и трава была зеленой, и солнце светило ярче, а уж как птицы пели... Может, и так... Хотя не власть я защищаю – что теперь защищать то, чего нет и что нельзя вернуть? Я просто вспоминаю, сравниваю... А то, что сравнение бывает не в пользу новых «цивилизованных» ценностей, то я в этом не виноват.

КАК Я БЫЛ ЛОМОНОСОВЫМ

После окончания университета я попал по распределению в редакцию областной газеты. Все её сотрудники, включая завхоза, имели визитные карточки (большая редкость по тем временам), а по меньшей мере треть журналистов не имела жилья. В этих условиях я, успевший к тому времени обзавестись женой и ребёнком, мог в лучшем случае рассчитывать на общежитие.

Выколачивать его взялся первый зам редактора – П.А.П.

Наверное, в каждой редакции был тогда такой человек... Вот и наш тянул неблагодарный воз всевозможных хозяйственных хлопот, возился с практикантами, доставал дефициты (от входящих тогда в моду паласов до куриного помета на дачу нашему единственному персональному пенсионеру областного значения). П.А.П. был потрясающе неутомим в жизни и потрясающе непредсказуем. Закончив во времена хрущёвской оттепели Высшую партийную школу при ЦК КПСС, он отказался от престижного кресла редактора газеты одной из автономных республик, решив вернуться на милый сердцу Алтай. То было время великих хрущёвских реорганизаций, когда вместо районных газет стали создаваться объединённые. Одну из таких, рассчитанную сразу на пять районов, и возглавил П.А.П. И начал он с того, что, собрав всех бывших редакторов «районок», без обиняков заявил им: они не только никудышные редакторы, но и никудышные журналисты, а посему работа во вновь создаваемой газете – занятие не для них... Впрочем, и сам П.А.П. поруководил недолго: несколько месяцев спустя он разошёлся во мнениях с начальником местной милиции, в результате чего тот остался без двух зубов, а сам П.А.П. – без работы.

Дело и вовсе могло принять уголовный оборот, если бы П.А.П., подхваченный единым порывом, захлестнувшим всю страну, не оказался на Целине. Правда, проявить до конца свои способности в главной газете целины он просто не успел – Целинный край был расформирован за ненадобностью сменившим Хрущёва творцом будущего застоя Брежневым, а с бывшим краем почил в бозе и краевая газета.

Так П.А.П. волею судеб оказался в нашей области, где и возглавил одну из многотиражек. Конечно же, рамки заводской газеты были тесны для его кипучей неукротимой природы, и как-то на журналистской летучке, оказавшись в кулуарах рядом с редактором областной газеты, он с вызовом спросил:

– Ну что, долго еще будете меня гноить в многотиражке?

Тот было опешил от подобного нахальства, но, будучи человеком воспитанным, всё же осведомился: в чём, собственно, дело?

П.А.П. дал понять, что не прочь перейти на работу в областную газету.

– И в каком качестве? – не без ехидства спросил редактор.

– Да хоть уборщицей, – с присущей ему непосредственностью заявил П.А.П.

Ответ редактору настолько понравился, что уже через два дня в областной газете появился новый литраб. В отделе партийной жизни, к которому П.А.П. был прикреплен, он скоро развил такую бурную деятельность, что опасавшийся конкуренции заведующий выдвинул его на заведование другим отделом – сельскохозяйственным. Это была родная стихия П.А.П. – он опять оказался на коне. А тут кстати пришла пора первому заму редактора отправляться на пенсию, и П.А.П. по праву занял этот пост.

Много лет спустя П.А.П. в задушевной беседе признавался мне: столь быстрое возвышение по службе так потрясло его, что, просыпаясь ночами, он не уставал изумляться, спрашивая сам себя: «Твою мать, неужели это правда – я, Петька П. – первый зам?!».

Впрочем, надо отдать ему должное. Сделав столь головокружительную для провинции карьеру за каких-то два-три года, П.А.П. ничуть не изменился: он был всё так же неутомим в жизни и непредсказуем в поступках. Для него не существовало авторитетов в привычном смысле слова... Вот ему звонит первый секретарь привилегированного хлебного района – недоволен критической публикацией. П.А.П. слушает, потом постепенно «заводится» и, наконец, исчерпав аргументы, выпаливает:

– Ну и что: вас, первых секретарей, в области двенадцать, а я один! – и кладёт трубку.

Не слишком церемонился он и в обкоме партии... Идёт очередной инструктаж в сельхозотделе: новый первый секретарь обкома поручил еженедельно публиковать в газете сводки по всем видам сельскохозяйственных работ и сдаче всех видов животноводческой продукции. Указание дурацкое: получается, надо давать по две-три сводки ежедневно. Но возразить «первому» никто из нижестоящих не осмелился, и теперь они «выкручивают руки» П.А.П.

– Кокчетавский вариант не пройдет! – заявляет П.А.П., и у завсельхозотделом обкома партии отвисает челюсть (новый «первый» прибыл к нам из Кокчетав, где он буквально замордовал местных газетчиков публикацией этих самых сводок)...

А строптивость П.А.П. позднее стоила ему республиканской персональной пенсии. «Первому», конечно же, донесли о «выходке» замредактора, и он наотрез отказался подписать ходатайство на этот счёт в республику, когда П.А.П. после бессменной тринадцатилетней вахты на этом сумасшедшем посту, пережив трёх редакторов, уходил на пенсию...

Впрочем, всё это будет потом. А тогда, сразу после инструктажа в сельхозотделе, П.А.П. долго прорабатывали в родном отделе пропаганды и агитации. Но он и не подумал каяться, заявив напоследок:

– Всё равно – газета выше обкома!

Две эти фразы надолго получили самое широкое хождение в редакции. «Кокчетавский вариант не пройдёт!» – говаривали мы друг другу, когда речь шла о заведомо безнадежном деле. А в трудные минуты, когда бывало уже нечего сказать, кто-нибудь произносил: «Ничего, всё равно – газета выше обкома!» – и становилось как будто полегче...

Время, о котором я пишу, юмористы впоследствии окрестили расцветом застоя. Нетрудно представить, насколько не вписывалась неумная натура П.А.П. в номенклатурную обойму, в коей ему полагалось по должности находиться. Если добавить к тому же, что ни многочисленные «разборки» в обкоме, ни собственный «боевой» опыт, ни предпенсионный возраст, по сути, ничему не научили П.А.П. и никак не меняли коренных свойств его характера, можно догадаться, каково жилось ему и его подчиненным. К последним относился и я. П.А.П. приметил меня ещё в практикантах, взяв под свою опеку, так что мне довелось полной мерой испытать и его отеческую (в прямом смысле) заботу, и его деспотическую любовь. Он мог, к примеру, спустившись вечером со своего Олимпа на четвёртом этаже, зайти в наш тринадцатый кабинет и забрать меня к себе домой ночевать... А мог по пустячному поводу устроить выволочку. И обижаться на него было не то что не принято – неудобно: доброта и заботливость по отношению к другим всегда преобладали в нём над сумасбродством и непредсказуемостью. Зато самого П.А.П. два последних свойства всегда вели по жизни и в значительной степени творили его судьбу.

...Итак, П.А.П. предстояло выбить для моей семьи комнату в общежитии. Он вызвал меня к себе и объяснил ситуацию: все крупные предприятия города «обложены данью», в их общежитиях кто-нибудь из наших уже живёт. Поэтому пойдём на химзавод, куда редакция до сих пор с такой просьбой не обращалась и где директором у него давний знакомый – бывший главный инженер того завода, на котором П.А.П. был редактором многотиражки.

Завод, куда мы направились, был особым – суперсекретным. Никто из наших журналистов представления не имел о том, что он выпускает. Зато нашей газете (единственной в стране!) было дозволено упоминать о нём на своих страницах. Но не более того.

...С полчаса мы получали пропуска в заводоуправлении, ещё столько же прождали в приёмной, пока, наконец, не попали в директорский кабинет. Кабинет был огромный, как футбольное поле. Стол директора располагался у противоположной от входа стены, в углу, и с каждым шагом по упруго пружинившему, диковинной расцветки настилу таяла моя уверенность в успехе нашего предприятия...

Тут просто необходимо сделать ещё одно отступление. Проработав в газете несколько лет и побывав на аудиенциях у порядочного количества начальников, я долгое время никак не мог понять – зачем им такие громадные кабинеты. Пока один из них, руководивший, по меньшей мере, лет тридцать, не раскрыл мне глаза.

– Зелен ты, братец, жизни не видел. А тут целая наука – философия, если хочешь знать... Вот ты представь: идёт ко мне сотрудник или того хуже – посетитель... И к тому же настёрный. Сперва его моя секретарша выдержит в приёмной как положено – у него смелости-то и поубавится. Разрешают ему войти. Он дверь открывает, думает, что за ней кабинет, а за ней другая дверь... Тоже, знаешь ли, отрезвляюще действует... Так что пока войдет, от него половина прежнего останется... А тут еще кабинетище – заблудиться можно, и до моего стола ему идти да идти... Пока ко мне доберётся – считай готов, бери его голыми руками... А ты говоришь – зачем...

У меня сложилось впечатление, что сказано всё это было на полном серьёзе. И уж что-то, а душевное состояние воображаемого просителя откровенный начальник передал на удивление точно. В случае, о котором я рассказываю, размеры директорского кабинета настолько подавляли, что, пока мы добрались до самого директора, меня действительно можно было брать голыми руками. Сесть нам было предложено у приставного столика, жалким отростком лепившегося к массивному директорскому столу. Слева под рукой у директора уютно устроился еще один столик – с телефонами. Их было не меньше десятка.

– «ВЧ?» – уважительно спросил П.А.П., указав движением бровей в сторону одного из аппаратов – с гербом в центре циферблата.

Директор небрежно кивнул.

– Третий в области, – уточнил П.А.П. (разумеется, для меня). – Один – у первого секретаря, второй – у председателя облисполкома, а третий – здесь. Снимаешь трубку и говоришь с секретарём ЦК...

Как я потом понял, таким образом он готовил плацдарм для будущего наступления: что может значить для обладателя такого телефона какая-то пустяковина – комната в общежитии. Не знаю, как на директора, а на меня «артподготовка» подействовала. «ВЧ» в моём сознании ассоциировался со следующей картиной: идёт Великая Отечественная война, и командующий фронтом Жуков говорит по прямому проводу со Сталиным...

– Да, – вздохнул П.А.П., – это, конечно, уровень – на такую орбиту вышел...

Директор, поначалу благосклонно кивавший, стал постукивать пальцами по своему полированному столу.

– Да у нас, собственно, мелочь, – сориентировался П.А.П. и открыл принесённую с собой папку, – вот, редакция ходатайствует...

Директор мигом поймал ключевую строчку нашего прошения и благостное выражение с его лица как ветром сдуло.

– Ничем помочь не могу – своих селить некуда.

Иного я и не ожидал и погрузился в ещё большее уныние...

П.А.П. пытался продолжать разговор, напирая то на статус директора, которому должна приличествовать широта натуры, то на благотворительность, которую проявляют в подобных случаях по отношению к редакции руководители других предприятий, то на их прежнее знакомство... Но ни лесть, ни уговоры, ни другие ухищрения на директора не действовали – это был крепкий орешек. Однако и наш, как оказалось, не лыком шит...

П.А.П. вдруг стремительно встал и, указав на меня пальцем, с обидой спросил директора:

– А вы хотя бы представляете – кто перед вами?

– Кто? – слегка смутился тот.

– А я вам скажу, раз так, – тоном, не предвещающим ничего хорошего, сказал П.А.П. – Круглый сирота. Самородок. Целинник. В университет где на перекладных, а где пешком неделю добирался!

Я попытался издать некий протестующий возглас. Мои родители в ту пору были, к счастью, живы и здоровы, а поступать в университет я прилетел на самолёте... Но П.А.П. на всё это, похоже, было уже плевать – его неудержимо несло.

– Молчи! – бросил он мне. – А вы слушайте! – это директору.

– С отличием закончил, – рубил он фразу за фразой, – женился. Ребёнка родил. В газету пришёл...

Я был готов сквозь землю провалиться: мне уже не нужна была комната, хотелось одного – как можно быстрее уйти.

Тем временем в голосе П.А.П. зазвучали трагические нотки:

– А может быть, это наш павлодарский Ломоносов? – вопрошал он. – Вы что, талант хотите загубить?..

Не знаю уж, добила ли директора эта зажигательная речь, или он просто не выдержал осады, но неприступность его сменилась неопределенно-руководящим: «Надо посмотреть...».

Удивительно, но факт: спустя несколько дней я вселился в девятиметровую общежитскую конуру, «временно, в виде исключения, выделенную редакции». Чувство стыда куда-то улетучилось. Я был горд тем, что впервые в жизни обладаю лично мне выделенным жилищем. Я теперь мог достойно принять на свою, пусть и временную (как впоследствии выяснилось, кишашую клопами), жилплощадь жену и полугодовалого сына...

...Прошли годы. Сын-школьник однажды пришёл после занятий в расстроенных чувствах: в классе его дразнят Ломоносовым.

– Успокойся, это у нас семейное, – сказал я.

КАК МЕНЯ ВОСПИТЫВАЛИ ТОВАРИЩИ ПО ПАРТИИ

Характеристики как форма партийного воспитания кадров стали внедряться в практику с приходом в нашу республику нового первого секретаря ЦК Компартии. Он был прислан Москвой для оживления процессов перестройки. Считалось, что Казахстан всё ещё находится на её обочине, а присланный «первый» уже успел продемонстрировать новаторские, революционные методы работы на посту второго секретаря ЦК одной из национальных республик, а затем первого секретаря обкома партии крупной российской области.

Через это чистилище – утверждение личной характеристики – прошли многие. В зависимости от ранга партийного комитета (райком, обком, ЦК) это мог быть колхозный бригадир или директор совхоза, директор завода или даже министр. Республиканские газеты печатали в изложении утвержденные характеристики руководителей-коммунистов – в качестве образцов. Этот опыт подхватывали низовые партийные комитеты.

Не знаю, насколько эффективной была эта мера партийно-политического воздействия, но крови она людям попортила немало. Неутверждение характеристики было чревато прощанием с должностью. Бывало так, что утверждение характеристики откладывалось, и тогда коммунисту-руководителю давался срок на устранение каких-то производственных или иных огрехов... Характеристику одного из павлодарских руководителей бюро обкома обсуждало трижды. И хотя никаких особых прегрешений ни в служебном, ни в личном плане у него не было, всякий раз перед ним маячила реальная перспектива расстаться с креслом...

Но что это я, впрочем, всё о других... У меня ведь есть и собственный опыт по этой части...

Начало моего редакторства как раз совпало с революционными процессами перестройки. Причем уже в их завершающей стадии, когда партийно-государственная машина еще не пошла вразнос, но все предпосылки к этому были налицо: необходимость ускоряться по всем направлениям в соответствии с настоятельными рекомендациями автора нового мышления М.С. Горбачёва соседствовала с не меньшим желанием со стороны партии «держат процесс под контролем». Это был тот самый случай, когда давят и по газам, и по тормозам одновременно... А газета оставалась партийным органом (согласитесь, тут поневоле приходят на ум чисто физиологические ассоциации) и обязана была следовать курсу. Курсу, который требовал то одного, то другого, прямо противоположного вчерашнему.

Тут даже у опытного редактора может крыша поехать. А я был начинающим, неискушенным в хитросплетениях аппаратных игр, сомневающимся в своем праве на редакторство, беспрерывно рефлектирующим... Я свято верил всему, о чем неутомимо вещал наш новый генсек. И хотел делать хорошую газету. Один наш журналист, не лишенный поэтического дара, родил четверостишие:

Напишу я так, что люди –

Девяносто пять из ста –

Будут рвать друг другу груди

У газетного листа.

То есть такой это будет «убойный» материал. А мне – молодому редактору – хотелось всю газету делать такой.

Сказать по правде, мне это не особенно удавалось. Но я надеялся на лучшее. Я поверил в гласность и в меру сил старался расширять ее горизонты на страницах вверенного мне издания. Иногда меня похваливали, чаще поругивали, но какое-то время все было в пределах нормы, в том числе и мои отношения с обкомом партии.

Споткнулся я на неформалах.

Теперь это слово вряд ли услышишь. А тогда оно для одних было едва ли не синонимом свободы, а для других – средоточием некоей зловредной силы. «Формалы» – это были все те, кто отождествлял власть, а неформалы – кто по зову души представляли народ и говорили от его имени, даже если их никто на это не уполномочивал.

Школьный учитель, инженер телецентра, преподаватель института, рабочий, ещё несколько человек организовали инициативную группу. Им до всего было дело... Почему власти не остановят цех химзавода, отравляющий город и горожан? Почему ведётся строительство жилья в пойме? Почему первый секретарь обкома партии на выборах в Верховный Совет не имел альтернативы? Эти «почему» множились, и неудивительно, что именно в неформалах партийная власть усмотрела угрозу своему до сих пор монопольному влиянию на умы и сердца трудящихся.

А когда неформалы и вовсе замахнулись на святая святых – задумали выдвинуть своего кандидата в народные депутаты СССР – чаша партийного терпения оказалась переполненной.

Обком стал вырабатывать жесткий курс по отношению к ним. И проводить его надлежало газете, чьим органом, повторяю, она в ту пору была. Требовалось заклеить «демагогов и популистов, рвущихся к власти», открыть людям глаза на «деструктивные элементы, расшатывающие устои социалистического общества и подрывающие основы социалистической экономики».

Я этому решительно воспротивился. Не только потому, что в душе симпатизировал этим ребятам, которые в открытую говорили многое из того, о чём я думал наедине с самим собой (признаться же в этом открыто тогда было равносильно самоубийству). Как ни молод и неопытен я был, а хорошо понимал: родной обком может простить многое, но только не это. Политическая неблагонадежность партий не прощались никогда. Но вместе с тем я наивно полагал, что смогу убедить тех в обкоме, кто принимает решения, в ошибочности и даже вредности жёсткой линии по отношению к неформалам.

Совсем необязательно любить их, выстраивал я линию воображаемого разговора, а встречаться и говорить с ними надо; и тогда какие-то их вопросы отпадут сами собой, какие-то потеряют остроту. Противоречия, конечно, останутся – ну и пусть, такова сегодняшняя жизнь... Зато никто не упрекнёт власть, что она игнорирует мнение общественности.

Так думал я, и мои аргументы казались мне самому вполне убедительными. Я решил не мельчить и выйти сразу на первого секретаря обкома. И в этом была моя главная – стратегическая – ошибка. Я нарушил субординацию, перескочив сразу две ступени, кои следовало до того пройти, – заводделом и секретаря, ведающих вопросами идеологии. Помимо всего прочего, я сразу настроил их против себя – вопрос-то был нешуточный. Основополагающий! Вторая ошибка была в том, что я бросился к «первому» очертя голову, не «проветилировав», где это возможно, каково его собственное отношение к этой проблеме. Но я ведь, повторю, был молод и наивен, меня в тот момент не очень занимало, что думает первый секретарь (я просто предположить не мог, что жесткую линию задаёт именно он, а не кто иной), мне было важно, что я ему скажу...

Шёл я на встречу, полный радужных надежд, а возвращался... Я был подобен пробитому футбольному мячу: он ещё сохраняет внешнюю форму, хотя весь воздух из него уже вышел. Общение наше напоминало разговор слепого с глухонемым.

Никакие мои доводы отклика не возымели. Наоборот, мне дали понять, что политически я близорук и не вижу («А может, не хотите видеть?!») грозящей опасности...

– А вам известно, что у них уже налажены связи с заграницей, – просвещал меня «первый», – со всеми этими прибалтийскими народными фронтами? Они и литературу оттуда получают...

Мне велено было идти и подумать...

Но на этом дело не закончилось. Следующую прочистку мозгов мне устраивали заведующий отделом и секретарь по идеологии... Наверное, это были худшие дни в моей жизни...

Чего конкретно от меня требовали? Чтобы в газете появился материал, разоблачающий неформалов. А я упорствовал, ведь разоблачать было нечего. Это тянулось несколько недель. Потом меня вновь вызвали к «первому».

– Как вам известно, последние установки бюро ЦК требуют решительных мер по отношению ко всякого рода оппозиции, – сказал он, не глядя на меня.

Я угрюмо молчал.

– В этой связи вам предлагается запустить статью соответствующего содержания, – продолжал «первый». – Таким образом будет сформировано надлежащее общественное мнение вокруг этой группки крикунов. Акция получит политический резонанс, у людей раскроются глаза... Статью обсудят на партсобраниях... Коммунисты, вошедшие в группу неформалов, из партии будут исключены... Чтоб другим неповадно было.

И он вручил мне статью, подготовленную, как я понял, в недрах обкома. Я пробежал глазами текст и ужаснулся: творение было ублюдочное.

– Этого я никогда не подпишу...

– Почему?

– Потому что это тот случай, когда усердие превозмогает разум.

– Плохая?

– Не то слово...

– Ну так сделайте хорошую!

– Из дерьма конфетку не сделаешь.

Помолчали. После чего «первый» с расстановкой сказал:

– Но вы же понимаете... У меня нет другой газеты, чтобы провести линию ЦК... А вы, как видно, и редактором хотите быть, и невинность сохранить...

«Какую там невинность, – подумал я, – тут хоть бы остатки совести не потерять...». А вслух спросил:

– Готовиться сдавать дела?

– Ну, так вопрос пока не стоит, – рассудительно заметил «первый», – хотя, если надумаете, держать не станем...

Размышляя по прошествии лет об этой истории, я, честно сказать, удивляюсь: почему «первый» так долго терпел мою строптивость? Строитель по профессии, довольно быстро вознесшийся на партийный Олимп, он отнюдь не склонен был к сантиментам – головы у нас в области при нём летели куда позначительней моей... Может быть, ему просто никто не говорил того, что он слышал от меня? Или всё же что-то такое было в моём упрямстве, что останавливало его перед последним решительным шагом?

Как бы там ни было, ко мне решили применить ещё одну степень воздействия – «пропустить» через утверждение характеристики на бюро обкома.

От домашних не удалось скрыть моего сумеречного состояния. Матери я сказал в сердцах:

– Припёрли к стенке – хоть в петлю лезь!

Сказал машинально, не особенно задумываясь о смысле слов. А под утро проснулся от тихих шагов матери: в предрассветный час она бродила по квартире, искала меня – ей показалось, что меня нет на обычном месте в постели... Утром за завтраком мать мне сказала:

– Покорись им, сынок, – все равно они тебя обратают.

В редакции мне сочувствовали, но что могли сделать? В качестве превентивной меры при обсуждении характеристики на партийном собрании в её текст вписали рекомендательный пункт – что-то насчет усиления критической линии в газете, утверждения в газетной практике принципов гласности, развития социалистического плюрализма... Но особой надежды на то, что всё это сработает, у меня не было: характеристику потом «доводили до кондиции» в отделах обкома партии. И, разумеется, в окончательном варианте, представленном на бюро обкома, все наши потуги были попросту похоронены.

Газета всё же дала публикацию по неформалам, подготовленную общими усилиями. Лучше бы мы ее не печатали... Материал (по сути, нейтральный) в обкоме восприняли как поддержку неформалов, а те в свою очередь обиделись на газету вообще неизвестно за что.

И вот – бюро обкома. Мой «вопрос» был вторым, сразу после утверждения кадров. Согласно указанному в повестке дня регламенту на обсуждение отводилось 50 минут. Так рассматривались только основные вопросы, а характеристики обычно «проскакивали» минут за десять-пятнадцать. Словом, «парить» меня собирались основательно. Тем более что члены бюро были еще свеженькими, ничем не утомлёнными. Для острастки велено было явиться на обсуждение также двум моим замам и секретарю парторганизации.

Меня усадили на стул – напротив стола, за которым расположились члены бюро. За моей спиной сидели мои замы, а впереди – прямо передо мной – первый секретарь. Зачитали характеристику – в целом лояльную, с традиционным набором биографических данных, положительных моментов в работе, критических замечаний и пожеланий. Никакого упоминания о неформалах и моей примиренческой по отношению к ним позиции в проекте характеристики не оказалось.

После этого я, как и полагалось, встал, и мне начали задавать вопросы.

Первый секретарь горкома (он был членом бюро) спросил:

– Половина ваших подписчиков – жители нашего города... Так?

– Даже больше, – уточнил я.

– Почему же в таком случае город на страницах газеты проходит преимущественно в негативном, критическом плане?

Я ответил, что это не так, и привел аргументы, назвал несколько статей, опубликованных в последнее время.

– Все равно вы не любите город, – с обидой сказал секретарь, – других руководителей представляете в газете, а избрание всех трех секретарей горкома проигнорировали...

Таким образом, неудовлетворительная оценка по части освещения жизни города мне была выставлена. И было положено начало проработке.

Затем секретарь обкома, курирующий строительство, припомнил мне недавний прокол. Мы опубликовали критическую заметку под язвительным заголовком «Когда прокукарекает петух» – о птицефабрике-долгострое. Но она долго перед этим пролежала, и к моменту ее выхода на фабрике уже вывели первых цыплят.

– Кто же прокукарекал? – ехидно спросил секретарь.

Крыть было нечем. Я согласился, что это наша ошибка, но она исправлена, повторный материал опубликован, а виновные, в том числе редактор, наказаны.

Тогда секретарь по строительству припомнил мне и другие прегрешения.

Зампред облисполкома, курирующий сельское хозяйство, тоже не остался в стороне:

– Зачем вы сводку по сдаче животноводческой продукции с критическим комментарием дали на первой странице? Зачем указали цифры падежа скота – это ведь закрытые данные?

Замечание было настолько вздорным, что я лишь развёл руками.

Однако нужный тон разговора был взят, и теперь требовалось закрепить достигнутое. Встал первый секретарь... Застегнул все пуговицы на пиджаке... И вдруг я увидел в его руках густо исписанные листки бумаги. Это было что-то новое: уже год при нем я ходил на бюро обкома, и ещё не было случая, чтобы он, выступая, использовал хоть какие-то предварительные записи. Он вообще любил изъясняться просто и исчерпывающе. Например, при определении наказания проштрафившемуся партийцу:

– Ну что, объявим ему выговор – и привет горячий!

В узком кругу (а подчас и по телефону) он не чурался крепких выражений.

Вторым исключением из правил было заявление, которым «первый» предварил выступление:

– Я выскажу свое личное мнение. Если что – товарищи меня поправят.

Мне стало очень неуютно от всех этих приготовлений, только и успел подумать: «Поправят они тебя, как же...».

Говорил первый секретарь недолго. Остановился на текущем моменте, необходимости выработки четких идеологических позиций и роли в этом партийной прессы, которая была и остаётся важнейшим средством воспитания трудящихся масс; на партийной ответственности журналиста-коммуниста... Суть предъявленного мне обвинения звучала так:

– Для создания дешёвого авторитета редактор заигрывает с негативно настроенными кругами, в целях завоевания ложной популярности ориентируется на разнузданную прибалтийскую и московскую прессу.

«Неужели он сам верит в то, что говорит?» – изумился я.

– Но мы с этим мириться не намерены, – голос «первого» твердел, глаза суровели, – мы не допустим, чтобы газета вышла из-под партийного контроля!

Желающих поправить своего товарища по партии или возразить ему среди членов бюро не нашлось. Председатель облисполкома как-то вяло попенял мне на годичной давности полемическую статью в пользу государственного двуязычия, опубликованную в разгар газетной дискуссии по проекту закона о языках. (Я-то, дурень, по простоте душевной считал, что в пору всенародного обсуждения судьбоносных проектов надо представлять весь спектр мнений). Эта реплика председателя облисполкома едва меня не доконала. Дело в том, что он ко мне, как бы поточнее выразиться, благоволил, что ли... Во всяком случае, так мне казалось. Размышляя перед бюро о возможной линии поведения, я вынужден был с грустью констатировать, что защитить меня будет некому. Мой «идеологический» секретарь был в отъезде, о настроениях других я догадывался. Оставалась надежда именно на председателя облисполкома: я пару раз выполнял его деликатные поручения (готовил за него статьи для республиканских газет и журналов), как-то написал подробный отчёт с заседания исполкома (чего мы раньше не делали), при встречах он меня похлопывал по плечу, однажды дал понять, что поддержал моё выдвижение в редакторы... И вот именно ему я имел глупость накануне бюро позвонить по «вертушке»: мол, будут утверждать характеристику, наверное, придется туговато – прикройте, в случае чего, больше мне рассчитывать не на кого. Ответом было его энергичное: «Хорошо!».

И вот – «поддержал»...

Теперь-то я понимаю, что иначе он поступить не мог. О какой поддержке после такого выступления «первого» могла идти речь? Тут и промолчать-то нельзя было. Возникла необходимость продемонстрировать морально-политическое единство бюро – и он его продемонстрировал. И дело было, в общем, даже не во мне. Вместо меня мог оказаться кто-то другой, и наиболее влиятельные члены бюро обязаны были – каждый по-своему – выдать свою порцию розг отчитывающемуся...

Тут мне кажется уместным одно сравнение. Кто-то посчитает его кощунственным, но у меня возникает именно эта ассоциация. Как раз в то время вышел на экраны один из первых перестроечных фильмов об отечественной мафии «Воры в законе». Там есть такой эпизод. Главарь одной бандитской группировки с сообщниками настигает другого и безжалостно всаживает в него несколько пуль. «Теперь вы!» – командует он сообщникам, и каждый из них тоже совершает по выстрелу в бездыханное тело. У нормального человека возникают вопросы: зачем, какой смысл? А затем, что члены банды теперь повязаны кровью. Отныне это будет их объединять сильнее, чем что-либо другое...

Нечто подобное было и тут. Раз занимаешь должность, облечён особым доверием, отмечен принадлежностью к местной партийной элите, должен играть по действующим здесь правилам, среди которых единство бюро – отнюдь не последнее. Любой из отчитывающихся обязан понимать, где он находится... «Не забывайте, где находитесь!». Эта фраза, очень часто употребляемая в наших партийных коридорах, должна была, по мнению ее произносящих, отрезвить любого...

Словом, спектакль, в котором все роли были давно распределены (в том числе и моя – мальчика для битья), разыграли как по нотам. Мне еще повезло, поскольку обошлось без оргвыводов... Первый секретарь дал поручение доработать характеристику с учётом высказанных членами бюро замечаний, пожелав мне не опускать руки, а засучить рукава...

При всем при том о неформалах на бюро никто даже не заикнулся. Это слово вообще не упоминалось. Когда я через день оказался у «первого», полюбопытствовал:

– Вы это серьёзно говорили на бюро – насчет подражания Прибалтике? Это и в характеристику войдет?

– Да ну, – отмахнулся он, – это я так – для профилактики.

– А как же с неформалами?

– Бог с ними, с неформалами, что у нас, других забот нет?

Он произнёс это машинально, явно занятый другими своими мыслями.

Я вышел из обкома. Смеркалось, накрапывал дождь. И я вдруг впервые за многие годы пожалел, что бросил курить...

* * *

Пройдёт не столь уж много времени, и первый секретарь сам выдвинет меня в святая святых областной партийной организации – бюро её обкома. Что уж было тому причиной, остаётся только догадываться: может, он понял, что я

не враг ему, может, просто решил держать поближе к себе, чтобы самому спокойнее было... Временами я нарушал единство высшего партийного органа, шагая не в ногу, но не так чтобы очень...

Правда, продолжалось всё это недолго, поскольку недолго оставалось жить самой партии... Роясь недавно в старых бумагах, я обнаружил вместе с сохранившимся партбилетом ещё и удостоверение члена бюро Павлодарского обкома Компартии Казахстана. Последнего бюро последнего обкома, как некогда говаривал один мой собрат по этому высшему партийному органу.

* * *

Не хотел, чтобы у тех, кто прочитает эти строки, сложилось впечатление, будто в нашем обкоме на руководящих должностях были сплошь приспособленцы и недоумки. Это не так. Там было немало очень толковых, порядочных людей, с некоторыми у меня до сих пор вполне приличные отношения. С тем же первым секретарем мы потом стали находить общий язык (видно, он все-таки понял: опираться можно лишь на то, что сопротивляется). И когда у него самого наступили трудные времена и ему стало плохо, как мне перед утверждением характеристики, он, по его собственному признанию, испытывал те самые чувства. Оказывается, «нечто человеческое» не чуждо и первым секретарям.

Теперь же, многократно битый (за дело и «просто так»), я иногда думаю: а может, и хорошо, что эта история случилась со мной именно тогда, в самом начале моего редакторства? Ведь как бы там ни было, я всё же научился – жизнь заставила – в критические моменты говорить «нет!» тем, кому мне по роду службы приходилось и приходится подчиняться.

Согласитесь, это тоже немало стоит.

КАК Я ВЫПОЛНЯЛ ПРОГРАММУ «РЫБА»

– Так... Хорошо... Теперь на живот... – негромко сказала Света.

Я послушно перевернулся, подчиняясь ее ловким, умелым рукам.

– Теперь поближе ко мне... Вот так... Хорошо... Теперь расслабились... Расслабились...

Ее голос обволакивал, убаюкивал...

– Поминов здесь? – вдруг раздался чей-то требовательный бас.

От неожиданности я весь ушёл под воду, и Свете пришлось вылавливать меня.

– Закройте дверь, – невозмутимо сказала она кому-то невидимому, не поворачивая головы, – мы сейчас закончим.

Потом она ещё какое-то время хлестала мои телеса упругой струей, завершая сеанс подводного душа-массажа. Затем мне велено было одеваться.

В «предбаннике» меня ожидал незнакомый молодой парень.

– А я от Анатолия Федоровича, – сообщил он, – за вами.

– А что такое: я же в отпуске, видите – процедуры вот принимаю...

– Совет директоров по рыбе, – лаконично сказал парень, – вы в числе приглашённых. Чайников велел без вас не возвращаться.

Я знал: спорить тут бесполезно, и, чертыхаясь, пошел собираться.

Чайников был личностью в своем роде уникальной. Он был абсолютно, патологически добросовестен. Областное начальство, зная об этом, поручало ему самые невыполнимые задания.

Как-то, еще в бытность партии, на областную отчетно-выборную партийную конференцию прислали спецкора «Правды». Обкомовская верхушка была в шоке: во-первых, никогда еще партконференция не устаивалась такой чести, а во-вторых, как выяснилось, нежданный гость – ещё та штучка – даже в редакции его именуют «человеком с дубиной» – за зубодробительные материалы на партийные темы.

После долгих обсуждений в узком кругу спецкора решено было «отключить». Не в физическом, само собой, смысле, а занять на два дня, пока работает конференция, чем-нибудь другим, более приятным для души и тела.

Первый секретарь вызвал Чайникова, в ту пору зампреда облисполкома, ввёл в курс дела, поставил задачу:

– Покажите товарищу область, сами отдохните, расслабьтесь... Произведите впечатление...

– У меня же язва, – с тайной надеждой напомнил Чайников.

– Тут не одним инфарктом пахнет, а вы со своей язвой, – с досадой сказал «первый» и жестковато закончил: – Докладывать будете мне лично – два раза в сутки.

Чем и как ублажал спецкора Чайников – до сих пор остаётся тайной. Известно лишь, что, регулярно выходя на связь, он бодро докладывал «первому»:

– Все в порядке, Петр Иванович, – пьем!

Задание было выполнено: на конференцию журналист так и не попал, отчёт написал, как и полагалось «человеку с дубиной», критический, но умеренно. Все в обкоме остались на своих местах. Чайникову, правда, пришлось залечь в больницу из-за обострившейся язвы. А спецкор вскоре стал одним из лидеров российского демократического движения и даже получил министерский пост в первом ельцинском правительстве. Но это уже другая история...

Анатолий же Федорович из-за вечных своих качеств – обязательности и исполнительности – страдал не раз и не два. Как-то его в пожарном порядке (он даже жену не успел предупредить, что может припоздать домой) бросили улаживать заезжего столичного чиновника – любителя преферанса. От чиновника зависело – дадут или не дадут области денег на строительство новой городской больницы, и поэтому отказываться было неудобно. Да и сам Анатолий Федорович, по правде говоря, любил расписать пульку. Как водится, выпили и закусили, сели играть. Ну и заигрались. Когда Анатолий Федорович вспомнил о том, что дома не знают, где он, уже светало. Жена в дело государственной важности, само собой, не поверила, сказала, что уходит к маме...

Чайников взмолился:

– Не веришь мне – позвони Н., – он назвал фамилию председателя горисполкома (они дружили семьями) и, чувствуя, что она заколебалась, тут же набрал номер. – На, сама и спроси!

Тот в ответ на её вопрос: «Мой был у тебя сегодня?» – ответил: «Да он и сейчас у меня... Позвать?». Словом, неудачно пошутил, а дело дошло чуть не до развода. Преферанс Анатолий Федорович с тех пор разлюбил.

Справедливости ради надо сказать, что Анатолий Федорович был мастером отнюдь не только по части «встретить и проводить». Скорее, это было его хобби. Он и работником считался – каких поискать. Особенно там, где возникал прорыв, или там, где надо было «раскрутить» новое дело. Раз в два-три года его обязательно бросали – как на амбразуру – то на охрану природы, то на выпуск товаров народного потребления. А когда в разгар перестройки выяснилось, что население нашей области крайне недостаточно («преступно мало», как выразился в докладе первый секретарь обкома) потребляет рыбы и рыбных продуктов, Чайникова, разумеется, направили на этот архиважный участок продовольственного фронта.

С присущей ему энергией Анатолий Федорович бросился исполнять ответственное поручение. Ему удалось найти поистине блестящий ход, благодаря которому под специально разработанную программу «Рыба» области были выделены Москвой миллионы тогда ещё полновесных советских рублей. Чайников устроил в области вселенский сбор, пригласив на него руководящих работников ведущих союзных министерств, учёных, рыбоводов, заинтересованных людей из столицы республики, местных промышленных генералов. Многие из выступавших потом говорили, что аналогов подобной встрече во всём бывшем Союзе не было (а теперь уже и не будет, добавим мы от себя).

С зажигательной речью на научно-практической конференции (так решено было именовать мероприятие) по проблемам промышленного рыбозаводства в условиях уникального территориально-производственного комплекса выступил Анатолий Федорович.

– Мы не можем ждать милостей от природы, – бросал он в зал взволнованные слова, – самим выращивать рыбу и давать ее трудящимся – вот наша задача.

– Я обращаюсь к вам, генералы промышленности, – его голос звенел, наливаясь силой, – построим компенсационные рыбные объекты рядом с вашими разрезами, тепловыми станциями и заводами.

– Учёные, рыбоводы, поддержите нас своими советами и рекомендациями!

Прочувствованная речь была подкреплена содержательной культурной программой. Разбившись на группы, участники конференции совершили экскурсии на предприятия, где парились в банях, не брезговали радушным застольем, скромными сувенирами.

Дело было сделано. Почин области, взявшейся решать продовольственную проблему путем ускоренного производства рыбы на промышленной основе, получил высочайшее партийное одобрение. Союзным министерствам-монстрам угольной, металлургической промышленности, энергетики, настроившим в области гигантских предприятий, предписано было выделить деньги на сооружение так называемых компенсационных объектов по рыбозаводству. Конечно же, нагадили эти министерства у нас куда больше, чем под партийным давлением собирались компенсировать. Но не зря же говорится: с паршивой овцы – хоть шерсти клок.

Скоро как грибы после дождя в области стали расти рыбоводные объекты: прудовые хозяйства, искусственные нерестилища, садки на тепловых станциях. Начали строить даже рыбоперерабатывающий комбинат. А потом случились известные события. Не стало ни партии, ни Союза. Тут уж, конечно, было и не до рыбы.

И все же великие идеи, как известно, не умирают. Новое руководство области здраво рассудило, что рыбную проблему, пусть и не с таким напором, всё же следует двигать. Ну, а поскольку никто конкретно этим весьма хлопотным делом заниматься не хотел, было найдено соломоново решение: создать ассоциацию «Рыба», включив в неё предприятия, уже имеющие рыбоводные объекты. Реорганизацию поручили, конечно же, Чайникову, предварительно отправив его с государственного руководящего поста на пенсию.

Вот так на старости лет рыбное дело действительно стало главным и единственным делом жизни Анатолия Федоровича. В возглавляемую им ассоциацию вошли полтора десятка предприятий: они содержали самого Анатолия Федоровича и весь небольшой штат сотрудников. Примерно раз в полгода собирался совет ассоциации, на который Анатолий Федорович непременно приглашал и нас, представителей прессы. Скрываться от него было бесполезно – себе дороже станет. Поэтому я, презрев оздоровительные процедуры, безропотно сел в присланную машину:

– Куда едем?

– На ТЭЦ, там уже почти все съехались.

Компания и правда была в сборе. Директора ГРЭС Власенко и Снежко, кажется, ещё больше потолстели, во всяком случае, обнять друг друга им никак не удавалось – мешали животы... Одинок сидящий за столом начальник управления каналом «Иртыш-Караганда» Гиталов возвышался над ними, как гранитный утес. Настраивали аппаратуру знакомые тележурналисты. Почти все тут друг друга знали. Недоставало только самого Чайникова – он встречал зама главы облминистрации.

Но вот все в сборе, и совет приступает к работе. Начинаем, как водится, с экскурсии по объектам подсобного рыбного хозяйства. Первым делом почему-то показывают свинарник.

– Строили методом народной стройки, – даёт по ходу объяснения хозяин нынешней встречи Снежко, – весь коллектив станции как один выходил...

– Шо мы, твоих хрякив не бачили, – укоряет хозяина его вечный оппонент Власенко, – ты рыбу кажи!

– Дали будэ! – невозмутимо парирует Снежко и приглашает всех в теплицу.

Нам демонстрируют красных калифорнийских червей, которые перерабатывают в гумус перепревший навоз, перемешанный с деревянными стружками. Потом идём на зимовальный пруд, где, как уверяет хозяин, зимуют карпы-производители.

– Во – какие! – он вытягивает руку и другой отмеряет расстояние от ладони до плеча.

Впрочем, гигантские карпы нам показаться почему-то не захотели, оставаясь где-то в тёмных водах пруда.

– Мыкола, мабуть у тэбэ и рыбы ниякой нэма? – не унимается Власенко.

В ответ следует уже знакомое «дали будэ!», и мы идём в оранжерею, оттуда в крольчатник, потом в мини-курятник.

У меня в душе закрадываются подозрения, что никакой рыбы мы сегодня не увидим. Но последним объектом нашей экскурсии становится все же рыбный цех, чем-то напоминающий склад с высоким потолком. Здесь установлено несколько больших чанов чуть выше человеческого роста, в которых, собственно, и выращивают карпа. Рыба приучена к самокормлению – она толкает шланг, соединенный с емкостью, наполненной кормом, и тот сыплется в воду. Всё до гениального просто.

– Урожай собираем в любое время года, – гордо сообщает Снежко.

– Та який там урожай, – комментирует Власенко, – видни слэзы.

– Слэзы не слэзы, а на праздники людям хватает, – не сдаётся хозяин, – ещё и тебя угостить можем.

– Не треба!

– Смотри – пожалеешь, сосед! У меня есть такая рыба – просить будешь!

Снежко ведет всех к огромному – в несколько сотен литров – аквариуму и демонстрирует присутствующим... осетрёнка.

– Изучаем возможности разведения осетровых в условиях искусственных водоёмов, – поясняет он. – Можно, оказывается, выращивать таким образом и стерлядку, и осетра.

– Не богато ж ты пока вырастил, – бурчит себе под нос Власенко, но дуэль он, похоже, проиграл: общественное мнение явно на стороне Снежко с его осетрёнком.

Экскурсия закончена, идём на пленарное заседание. По давно заведенному распорядку слово для доклада берёт председатель ассоциации.

– Я, товарищи, сегодня коротенько, – ударяя на «е», начинает он. – Я без бумажки. Не будет возражений?

Уже зная, что «без бумажки» будет раза в два длинней, ветераны ассоциации возражают:

– Да нет, Федорыч, ты уж лучше читай!

– Ну, как скажете!

Чайников докладывает о главном результате проделанной работы:

– Мы, товарищи, с вами произвели и выловили в отчётном периоде 350 тонн рыбы...

– Это ж сколько будет в расчёте на одного жителя области? – интересуется замглавы облминистрации.

У докладчика этой цифры нет. Все начинают считать: выясняется – чуть больше 350 граммов.

– Почти что ни хрена, – ползёт по залу чей-то зловещий шепот.

– Да, это немного, – соглашается Чайников и тут же идёт в наступление, – но мы сохранили материально-техническую базу, мы накапливаем потенциал, мы решаем проблемы...

Оседлав своего любимого конька – стоящие перед ассоциацией проблемы, Анатолий Федорович, уже в который раз забыв про текст, сыплет терминами, критикует и хвалит, ставит задачи, обращается с просьбами.

Теперь, побывав уже не на одном подобном заседании, я его почти понимаю, привычно отмечая в блокноте проблемные пункты: про необходимость создания собственной базы рыбных кормов, про улучшение

воспроизводства рыбы и нехватку маточного поголовья, про сеголеток, которых необходимо сохранить и довести до товарных кондиций, про недостаток сетеснастных материалов. Я чувствую себя почти профессионалом рыбной отрасли, я ощущаю свою причастность к большому общему делу.

– И в заключение, товарищи, – Чайников делает паузу, привлекая внимание, с укоризной оглядывает зал...

Я догадываюсь, о чём пойдет речь. Знают это и большинство постоянных членов ассоциации, поэтому, отвлекшись от разговоров друг с другом, все смотрят на своего председателя, демонстрируя преувеличенный интерес к тому, что будет сказано.

– Тут, товарищи, ходят всякие слухи... Мол, Чайников нашёл себе тёплое место... К чему, мол, ассоциация... Мол, специалисты даром едят хлеб...

В голосе Анатолия Федоровича нарастают трагические нотки:

– Так вы уж скажите прямо – нужны мы вам или нет? Я, вы знаете, за кресло не держусь. Я готов уйти хоть завтра...

Следом на трибуну громоздится огромный, похожий на медведя, Гиталов. Он смотрит на ней как памятник. Нрава Гиталов крутого, начинал когда-то на строительстве канала экскаваторщиком. Как-то они повздорили с начальником участка, и Гиталов, подняв его на вытянутых руках над головой, сбросил в ложе будущего канала. Потом они подружились. Начальник участка – теперь губернатор одной из сибирских областей, Гиталов управляет каналом. Но после того случая желающих сильно спорить с Гиталовым не находится.

Гиталов числится в передовиках рыбного дела. Но свою речь он начинает, как и положено, с конца. Он знает, чего от него ждут.

– Меня только что обидели, – громогласно заявляет он. – Можно сказать – оскорбили. Скажу больше – обидели нас с вами всех.

Тон Гиталова не предвещает ничего хорошего. Непосвященному человеку не понять причину этого гнева: ничего такого, что бы могло сильно задеть оратора, пока не звучало. Но сейчас всё станет на свои места.

– Меня, всех нас обидели вы, Анатолий Федорович, – гремит, отражаясь эхом, голос Гиталова, – где вы слышали эти разговоры о дармоедах и нахлебниках?

Виновных в зале, конечно же, нет. Но сидящий рядом со мной молодой директор комбината хлебопродуктов Рамазанов (он на совете директоров впервые) на всякий случай опускает голову.

Гиталов, как хороший актёр, чувствуя внимание зала, меняет гневные нотки на укоризненные:

– Вы, Анатолий Федорович, прекращайте эти разговоры! Вы нас не обижайте. Ведь мы для себя давно решили: говорим рыба – подразумеваем Чайников, говорим Чайников – подразумеваем рыба! Правильно я говорю, товарищи?

Звучат одобрительные возгласы. Кульминация спектакля сыграна блестяще. Дальше разговор переходит в привычное рутинное русло самоотчётов и самооправданий, жалоб и просьб, утверждения планов и смет... Так что пересказывать его не имеет смысла.

Тем более что все уже помаленьку настраиваются на следующий этап встречи, именуемый обедом. Так уж сложилось, что эти обеды, как правило, начинаются с запозданием, и поэтому они естественным образом постепенно переходят в ужины. Со всеми вытекающими для гостей последствиями. Главным украшением этих застолий, конечно, становится рыба, во всех ее природных и кулинарных разновидностях. При этом каждый последующий хозяин встречи старается непременно перещеголять своего предшественника количеством предлагаемых гостям блюд. Побывав на трех или четырех последних заседаниях советов ассоциации, смею утверждать, что выдумка наших ответственных кулинаров по этой части неистощима и нет предела совершенству. Если Власенко у себя покорила нас отменным карпом во всех видах, то Гиталов превзошёл его рыбным разнообразием – у него на столе были еще и судачок, и белый амур, и толстолобик, и нежная пелядь. Директор рыбокомбината Жартыбаев потряс членов совета количеством рыбных блюд – их число перевалило за три с половиной десятка. Тут была рыба жареная нескольких видов и рыба заливная, рыба хе и рыба вяленая, рыба, запеченная в тесте, и рыба фаршированная, были рыбные котлеты и беяши с рыбной начинкой, была, конечно, уха и множество прочих рыбных деликатесов, которые остались даже не попробованными ввиду, к сожалению, ограниченных возможностей человеческого организма...

Я говорю это к тому, что задача перед хозяином нынешней встречи стояла не из лёгких. Удивить чем-то особым своих собратьев по ассоциации после всего ими увиденного и попробованного прежде Снежко было трудновато.

Но он оказался не промах, этот хитрован Снежко.

...Столы стояли каре, заставленные всевозможными закусками и разнокалиберными бутылками. Возникла лёгкая толчея, которая быстро рассосалась: каждый давно знал своё место. Количество рыбы на столе было изысканно умеренным, но зато качество – отменным. Особенно хорош был по особому томлёный в духовке «тэцовский» карп – неправдоподобно жирный и нежный.

Завертелся калейдоскоп тостов – за хозяев встречи и здоровье всех присутствующих, за недавно наступивший новый год, за ассоциацию и ее бессменного председателя, за дружбу народов, населяющих Казахстан. Когда слово предоставили мне, я предложил выпить за рыбу, которая нас всех объединяет...

– Не знаю, кто как, а я сегодня точно выполню годовую норму потребления рыбы, – ухватывая очередной бок истекающего соком карпа, заметил сосед – журналист с телевидения.

- Не усердствуй, – на правах ветерана посоветовал я.
- Это почему?
- Ещё бешбармак должен быть.

Вместе с бешбармаком подали и самую крупную «рыбу» – сюрприз от Снежко – трех зажаренных в духовке молочных поросят – с пылу с жару, с золотистой хрустящей корочкой. Поскольку компания была уже изрядно навеселе, поросят встретили воплем восторга.

Стол обрел второе дыхание. Я имел возможность на деле наблюдать реальные плоды мудрой национальной политики хозяев в пределах одного нашего стола. Директор комбината хлебопродуктов Рамазанов, как и положено настоящему казаху, не прибегая к помощи ложек и вилок, с достоинством поглощал янтарные казы, сочный шужук, не чурался карта... Напротив нас неутомимый Власенко с упоением терзал заднюю свиную ножку; кажется, после него даже отходов не оставалось. Сам я, будучи убежденным интернационалистом, не обходился вниманием ни бешбармак, ни поросёнка.

На десерт были еще пельмени. Но я, уже стреляный воробей на рыбном фронте, счёл за благо после второго перерыва удалиться. Потому что знал: пельменями и чаем программа встречи не исчерпывается. Участникам полагается также баня. Эта традиция пошла от Власенко. Именно он, принимая собратьев по ассоциации, заявил им, осоловевшим и окосевшим от еды и возлияний: «А теперь – в баню!». Поскольку дело шло к ночи и кому-то предстояла неблизкая дорога, нашлись протестующие. «Что ж, езжайте, – сказал Власенко, – но имейте в виду – охрана всё равно не выпустит ни одну машину...». А в бане все началось сначала...

...Я шёл к себе домой и думал: зачем всё это им, крепким умным мужикам, которые как держали, так и держат на плечах экономику? Что, у них других забот мало? Рыба-то им ещё зачем? С ней ведь столько хлопот, а лавров пока никто не заработал, да и вряд ли заработает. Я не знаю ответа на эти вопросы. Но я знаю, что они, эти крепкие умные мужики, стали мне понятней и ближе. Они мне интересны. И я знаю, что придёт время, и мне позвонят:

- Лейтенант Поминов? – раздастся в трубке знакомый голос.
- Да, мой генерал, – отвечаю я.
- Не забыл, значит?
- Начальство узнаю по голосу, Анатолий Федорович...
- Ну тогда запиши... Совет директоров в следующую пятницу. Встречаемся на канале, у Гиталова.

И я обещаю быть. Непременно.

1996 г.

КАК Я В ДЕПУТАТЫ ХОДИЛ

Случается иногда так: живёт себе человек, живёт, ни о чём не тужит... И вдруг сваливается ему на голову что-то такое, что сразу выбивает его из колеи, лишает покоя и сна. И человек уже вроде не хозяин своей собственной жизни. Вот и со мной случилось то же...

Это в конце года произошло. Я как раз в отпуск собрался...

Работаю последний день, уже настроился на отдых, и вдруг вызывают... Ну куда нас могут вызывать? На самый, можно сказать, верх... И говорит мне очень высокое должностное лицо примерно так:

- Есть мнение выдвинуть тебя кандидатом в депутаты...
- В депутаты чего? – спрашиваю механически, не вникая в суть дела, у меня же мысли совсем о другом.
- Верховного Совета республики, – отвечает лицо.
- А почему я? – спрашиваю опять автоматически, до меня ещё не доходит.
- Ты человек серьезный и ответственный?
- Вроде так...
- А ты что, хочешь, чтобы в наш высший представительный орган власти прошли горлопаны, популисты, экстремисты и другие безответственные люди?
- Не хочу, – осторожно отвечаю я, и только тут до моего сознания начинает доходить, что дело-то принимает вполне серьезный оборот.

Нет, думаю, надо реагировать решительно:

- Я, – говорю, – тоже не хочу в депутаты...
- Что значит не хочу: ему такое доверие оказывают, а он кочевряжится! – говорит мне высокое должностное лицо так, будто обиделось.

Что ж, про себя думаю: «Вы вроде обиделись, и я вроде обижусь» – и пускаю в дело еще один козырь.

– А может, – говорю, – я вас как редактор газеты не устраиваю, может, место моё кому приглянулось?.. Тогда так прямо и скажите!

– Не говори глупостей, – слышу в ответ, – и вот что: иди домой, с семьей посоветуйся, а ответ дашь завтра к вечеру.

Пришёл домой, выложил все своим. Жена аж в ладоши захлопала:

– Ах, – говорит, – как славно! С тобой поеду – всю жизнь мечтала пожить в столице, и думать тут нечего – соглашайся.

Мать тоже сказала:

– Иди, тебя всё равно дома не бывает, а так хоть по телевизору смотреть будем...

– Вы что, обе с ума посходили? – изумился я, потому что шёл домой, рассчитывая, что моё твёрдое «нет» депутатству найдёт у них поддержку. – Вы что, не понимаете, куда толкаете меня? Вы что забыли, как было с российским парламентом? Или мозги у вас повысыхали?

– Ну да, – грустно так говорит жена, – мечта всей твоей жизни – сидеть в своём кресле, пока не выгонят.

А тут ещё и мать приняла сторону супруги...

– Нет, вы точно с ума посходили, – уже на полтона ниже сказал я, потому что уверенности в своей правоте у меня поубавилось, и ушёл, хлопнув дверью.

Впрочем, уходил я не просто, а с умыслом: был у меня один человек, с которым я всегда советовался в трудные минуты жизни. Уж он-то, думаю, поймёт меня и развеет мои сомнения.

Он меня будто ждал:

– Молодец, – говорит, – проходи... Я тут как раз первую порцию выгнал – по совершенно новой технологии – на горохе и кефире. Горит! Сейчас и продегустируем...

Вы не думайте: этот человек никакой не алкоголик. Он вообще почти не пьёт. Это у него хобби такое после выхода на пенсию – изготовление вин и других более крепких напитков в домашних условиях. Хочу, говорит, в полной мере воспользоваться вековым опытом, накопленным человечеством в этой сфере деятельности...

– Да я к вам по делу, – говорю ему, – мне посоветоваться надо...

– Совет не баран, – тут же отвечает он, – это я могу сколько угодно...

Изложил ему суть дела.

– Жаль-жаль, – сокрушённо покачал он головой, – жаль мне тебя, братец...

– Чего это жаль? – обиделся я, – вроде помирать не собираюсь...

– Жаль мне терять тебя, – говорит, – все же, так сказать, общались, дегустировали. Но ничего не поделаешь – расти надо, расти...

Я чуть было не завыл:

– Да что вы все, сговорились, что ли?

А он уже стопки достаёт:

– Давай-ка мы по стаканчику... из первой партии... по новой технологии... за будущего парламентария...

Оставалась у меня, правда, еще одна надежда. Последняя. Дальний родственник. Номенклатура – клейма некуда ставить. Даже республиканским министром был – всё прошел человек, уж он-то, надеялся, поможет.

– Давай-давай свою проблему, – говорит так деловито, – мы ее мигом расщёлкаем.

– Да вот, в депутаты предлагают идти...

– Ну так в чем же дело: предлагают – иди.

– Да занятие вроде не по мне.

– Ну, это не повод для отказа... Меня когда министром назначали, я тоже всё переживал: справлюсь – не справлюсь, а мне один умный человек сказал: пару лет будешь входить в курс дела – какой с тебя спрос? Ещё год-два будут к тебе присматриваться, пока поймут, что ты не на своём месте, да ещё год пройдет, пока снимут... Зато пять лет министром побудешь. Как в воду глядел – всё один к одному вышло. Опять же из министров в дворники не отправляют... Так что и думать нечего – надо идти. В столице поживёшь, на другой орбите повращаешься. А главное – ответственности никакой. Подумаешь – парламент... Это ж как хоровое пение...

Но меня продолжали терзать сомнения. Лезли в голову поговорки и пословицы великого русского народа, вроде: «Не по Сеньке шапка», «Не в свои сани не садись», «От добра добра не ищут» (в том смысле – жил же как человек, своим делом занимался, чего еще, спрашивается, надо?). Ещё вдруг вспомнилось, как в одной телепередаче местный радикал-демократ предложил для повышения эффективности работы парламентариев принять закон об уголовной ответственности за результаты их деятельности.

– А как же он будет применяться? – спрашивает его журналист.

– По окончании срока полномочий надо провести референдум среди избирателей, – без запинки отвечал тот, – и если они положительно оценят работу парламента, то надо депутатам этого созыва оставить в вечное пользование их служебные квартиры в столице, наградить, назначить пожизненные пенсии...

– А если оценка будет отрицательной?

– Тогда все они должны сесть в тюрьму за свою преступную деятельность.

– А каковы критерии? – допытывается журналист.

– А критерий один: лучше людям стало жить или наоборот – в этом-то любой разберется.

– Ну, – говорит журналист, – в таком случае всем депутатам придётся сидеть поголовно...

– Вот пусть и не лезут в парламент, – отвечает радикальный демократ, – а занимаются каждый своим делом...

Скажите: бред сумасшедшего? Не такой уж и бред, если вспомнить судьбу некоторых союзных, а впоследствии и российских депутатов. Прямо какая-то новая традиция стала рождаться: стал председателем Верховного Совета – значит, обязательно окажешься в тюрьме, как Лукьянов с Хасбулатовым. Лукьянова, правда, тюрьма, как видно, ничему не научила – после неё опять подался в депутаты...

Но я, кажется, отвлекся. А все потому, что мысли тогда одолели – сутки не спал, всё думал. Правда, так ничего и не придумал. А тут опять приглашают в наш местный «белый дом». На этот раз со мной говорил уже сам его хозяин. Разговор был короткий:

– Политику президента поддерживаете?

Я стал приподниматься со стула: последний раз передо мной такой вопрос, хоть и в несколько иной постановке, ставили давно, перед принятием в ряды боевого испытанного авангарда, то бишь Коммунистической партии.

– Сидите! Я рад, что мы в вас не ошиблись...

Я промычал в ответ нечто нечленораздельное.

– Мы пустим вас через СНЕК, – решительно сказал хозяин «белого дома».

– Но я ещё не член...

– Ничего, примем. Идите – и настраивайтесь на победу!

Так вместо отпуска я пошёл в массы.

Не стану рассказывать, как вся моя семья, за исключением разве что престарелой матери, включались в предвыборную кампанию. Как собирали подписи в поддержку моей кандидатуры. Как составляли предвыборную платформу и как я потом не узнал её после корректировки во всё том же «белом доме». Как меня перебрасывали из округа в округ – разумеется, для моего же блага и с целью политического маневра. Как в дикий мороз жена с пятилетним сыном носили по почтовым ящикам и расклеивали листовки в дальних микрорайонах. Честно говоря, жену мне несколько не было жаль: захотела жить в столице, так поморозь сначала сопли! А вот малого жалел, хотя он как-то очень быстро вошёл во вкус и, возвращаясь домой после таких походов, словно с передовой, бодро докладывал: «Папа, а мы с мамой сегодня ещё семь листовок твоих противников сорвали!». Двое старших сыновей занимались более серьёзными делами – опосредованно, через своих друзей, воздействовали на их родителей – будущих избирателей.

Да, чуть не забыл: регистрация моя чуть не сорвалась из-за того, что у меня не оказалось в запасе нужной суммы для кандидатского денежного залога в размере пяти месячных окладов. Еле насобирали... Уже и жена, и мать вроде готовы были дать обратный ход, а нельзя – дело политическое: тут как в воровской шайке – рубль за вход, а за выход два...

Сам я потерял сон и аппетит и впервые за десять лет стал худеть. Я агитировал целыми днями, с утра до вечера. Я агитировал во время обеденных перерывов в заводских цехах и на строительных площадках; на родительских собраниях в школах и на учительских конференциях; на производственных планёрках и технических совещаниях; в кинотеатрах перед началом сеансов и в драмтеатрах перед спектаклем... Агитировал в мусульманской мечети перед началом вечернего пятничного намаза и в православном храме, с амвона, после воскресной службы...

Мне стали сниться кошмарные предвыборные сны... Мне снился церковный батюшка, который с криком «богохульник!» бежал за мной, путаясь в черной рясе и почему-то желая надеть на мою голову тяжёлый церковный колокол... Другой раз проснулся в холодном поту: приснилось, что надо мной совершают обряд обрезания. Хорошо ещё, что проснулся до, а не после...

Но жизнь временами была еще кошмарнее, чем сон. Пришёл агитировать в психдиспансер (сказали: так надо – у них там отдельный избирательный участок), представили меня, стал знакомить контингент со своей предвыборной платформой... Я вообще так за это время насобачился по этой части – чуть не наизусть шпарил. Тут вдруг встаёт один с виду приличный, даже интеллигентный пациент и заявляет:

– То, что вы нам тут объясняете, нам хорошо известно: страна наша, а вместе с ней и мы, я извиняюсь, в анусе... Хотелось бы только знать, как долго мы там будем находиться и выберемся ли вообще?

Я чуть стушевался, хотя виду не подаю: как раз об этом, мол, и хотел вам рассказать, уважаемые избиратели.

Но тут другой поднимается:

– А что такое «в анусе»? – спрашивает. – Это что – в переходном периоде между социализмом и капитализмом?

Чувствую – поплыву. Хорошо, старшая медсестра выручила:

– Если я, – говорит, – правильно понимаю, у нас кое-кто сегодня вечером не хочет смотреть 49-ю серию «Просто Марии»...

Подействовало – успокоились.

Довёл я свою предвыборную речь до конца, перешли к вопросам. Встает ещё один излечивающийся и, прищурившись, вежливо интересуется:

– Так вы что, хотите сказать, что Владимир Ильич Ульянов-Ленин был не прав?

– Ну почему же, – вяло отвечаю, – я этого не говорил.

– Хорошо, – бодро подытожил он, – тогда вот вам наш наказ: передайте товарищам, остающимся на свободе, наш пролетарский привет.

Я пообещал. Старшая сестра, выводя меня бесконечными коридорами обратно, успокаивала, обещая стопроцентную поддержку. А мне, по правде говоря, уже ничего не надо было – ни победы, ни депутатства, хотелось одного – чтобы всё это поскорее закончилось.

...Не буду тянуть кота за хвост: в депутаты я, к счастью, так и не попал. А вот отпуск пошел прахом... И чуть язву не заработал. До сих пор иногда по ночам вскрикиваю. Жена бесится – не может мне простить упущенного шанса. Полгода с долгами рассчитывался: денежный залог вернули через три месяца – без учета инфляции, да еще и за перевод содрали... Одно, считаю, хорошо. Если предположить, что каждому человеку отпущен в жизни лимит на какое-то число дурацких поступков, то лично я значительную его долю уже исчерпал.

Да, чуть не забыл: тот Верховный Совет уже через год распустили. Некоторые парламентарии, правда, отказались покидать здание. Так им свет и воду отключили – подействовало. Так что мне, выходит, даже повезло...

КАК Я В АМЕРИКУ СОБИРАЛСЯ

– Твоя жизнь прошла напрасно, – сказала мне жена.

– Что ты имеешь в виду?

Я сделал вид, что обиделся, хотя примерно догадывался, о чём она ведет речь. Это была старая песня...

– Ну, что ты в своей жизни видел? Ты даже Черного моря не видел, не говоря уж про океан.

– Это ты брось, – осторожно начал я выстраивать линию обороны, зная, что атака – всерьёз и надолго. – Я вырос в Тмутаракани и закончил столичный университет – с отличием, между прочим... Женился на тебе, детей родил...

Аргументов было явно маловато, и я сдержанно, но с достоинством закончил:

– Две книги написал...

– Скажи еще, что смородину и баклажаны на даче выращиваешь, – с презрением продолжила жена и снова перешла в решительное наступление. – Ну почему «этот» – она назвала фамилию, – катается каждый год то в Японию, то в Канаду, то в Америку... А ты себе это можешь позволить?

С «этим» мы вместе учились. У него особый талант – уметь быть нужным... нужным людям, притом всегда с пользой и для себя. Но ведь это получается не у всех... Всё же я собираюсь с духом и начинаю перечислять, где успел побывать за свои сорок лет: Ташкент, Фрунзе, Свердловск, Витебск, это всё, кстати, теперь за граница... Я был на запуске космического корабля на «Байконуре» и при взрыве последнего ядерного заряда на Семипалатинском ядерном полигоне...

Кажется, у меня вот-вот откроется второе дыхание, но надо же что-то оставить и про запас. Выдаю напоследок:

– Я стоял на берегу Финского залива... А это почти что океан...

– Как же это ты ещё про Железинку забыл? – ехидно сказала жена.

– А что Железинка, – подрастерялся я, – это моя родина, я ее люблю...

– Люблю... Дай тебе волю – всю жизнь бы там и просидел...

И вдруг без всякого перехода – под дых:

– Ты мне Прибалтику обещал?

– Обещал, – грустно согласился я.

– А Францию?

– И Францию... Но какие наши с тобой годы?

– На том свете мне будут твои Япония с Францией, – вынесла приговор жена и ушла, оставив меня наедине с растрепанными мыслями и грудой грязной посуды.

Конечно, я был расстроен, но не так чтобы очень: разговор на эту тему был не первый и, наверняка, далеко не последний. Но вскоре случилось нечто совсем невероятное: ко мне пришли представители некоей алма-атинской фирмы, организовавшей вояжи наших казахстанских туристов в Соединенные Штаты, на Олимпийские игры в Атланту. Пришли они для того, чтобы предложить такую поездку и мне.

– Вы что это, серьезно, ребята? – меланхолически спросил я, думая о чем-то своем.

– Вполне, – веско сказал один, представившийся вице-президентом этой самой фирмы. – За нами стоит правительство. Правительство рекомендует включать в группы туристов работников прессы, которые должны рассказать людям о том, как выступают наши олимпийцы. В программе поездки посещение Нью-Йорка, Вашингтона, Орlando, Майями... Ну, и Атланта, конечно. Деловые встречи, семинары, отдых в отеле на берегу Атлантического океана... Да вот тут у нас проспекты – можете посмотреть...

– И сколько же это удовольствие стоит? – просматривая между делом принесенные из типографии полосы, равнодушно поинтересовался я, поскольку был всё ещё очень далёк от того, что мне говорили.

– Семь тысяч долларов, – сказал вице-президент, который чем-то походил на вахтёра из нашего гаража, – но платить можно по частям... Рекламой тоже можно...

Я прикинул: это ж сколько будет рекламы? Выходит на полмиллиона с лишним тенге... Разговор явно надо было заканчивать...

– Нет, ребята, дорого... Да я, собственно, и не собирался...

– Судьба даёт вам шанс, – не сдавался вице-президент, – Америка, Олимпиада, лучшие в мире океанские пляжи... Из вашей области должны поехать десятки человек. Ну, чем вы хуже их?

«Хорошо, что жена тебя не слышит», – с опаской подумал я и распрощался с ними, пообещав подумать.

Поразмыслив немного, созвал для совета членов редколлегии. Слегка смущаясь, изложил суть дела.

– Пуркуа па, как говорят французы, – философски заметил заведующий отделом культуры и мечтательно вздохнул: – Я бы в Париж поехал...

– Я – «за», – как всегда кратко и исчерпывающе изрек ответсек.

– Раз в жизни, – вздохнула вечно печальная профорг, – что тут думать?

– Посоветоваться надо, – неопределенно сказал замредактора, переживший уже трех редакторов.

Не ожидавший такой реакции (почти все – «за»), я призадумался.

Дальше всё вообще было как в сказке. Пока я сидел и раздумывал – звонить или не звонить насчёт неожиданно поступившего предложения в наш местный «белый дом», как мне самому оттуда позвонили:

– У нас есть к вам просьба...

«Вот и хорошо, – подумал я, – у вас к нам просьба, и у нас к вам просьба...»

– Мы просим вас съездить в Атланту, – это было сказано сразу, без всяких предисловий, как будто мне предлагали отправиться куда-нибудь в Баянаул, – сейчас как раз последняя группа формируется, у вас, говорят, были представители фирмы, а вы сомневаетесь... Не сомневайтесь... Обратите там внимание на ритуальные мероприятия: у нас ведь тоже скоро международный турнир – может, потом что и подскажете...

Всё это – и тон, и аргументация – было настолько невероятным, что мне тут же вспомнилось предупреждение знакомого, настоящего гроссмейстера от номенклатуры, величайшего знатока придворных интриг. Наблюдая иной раз преувеличенную ласковость к себе со стороны властей, он хладнокровно констатировал:

– Знаем мы эти восточные хитрости – будут держать в объятиях, пока не задушат.

Меня продолжали терзать сомнения. Не то чтобы я не хотел в Америку, но как-то всё это неожиданно свалилось... Некстати... На работе все в отпусках, на кого оставить дачу? Денег опять же столько нет, занимать придётся...

– Ну вот, можем, если захотим, – с удовлетворением сказала жена, когда я ей все рассказал. – А я как раз тебе летние брюки присмотрела, и недорого... В них и поедешь. Так, ещё шорты надо, новую дорожную сумку... Выходной костюм есть – возьмишь, у вас же там и приёмы, конечно, будут...

– Какие приёмы, – вяло запротестовал я, – мы ведь туристы.

– Я лучше знаю, – железным тоном сказала она, будто только вернулась из Америки, и я понял – лучше смириться.

Следующие дни прошли как в кошмарном сне: надо было собрать уйму документов, купить недостающие вещи, доделать неотложные дела на работе. Помимо всего прочего, с меня затребовали характеристику с места работы, справки о зарплате за два последних года и о составе семьи, о наличии домовладения, о группе крови и резус-факторе, копию свидетельства о браке, штук шесть фотографий специального образца... Я заполнял какие-то анкеты, и всё это приходилось не по одному разу переделывать. Дома попытка продолжалась.

– А куда пойдут эти документы? – спрашивал старший сын.

- В американское посольство.
- А вдруг там узнают, что ты говорил об Америке?
- Что я говорил?
- Что это сытая и самодовольная страна...
- Ну и что?
- Как что: ты позволил себе неуважительное высказывание о США, – не унимался он. – Да и американский посол тебя наверняка приметил: когда он приезжал к нам и проводил пресс-конференцию, ты задавал ему каверзные вопросы...
- С чего ты взял?
- Да её по телевизору показывали, ты ещё говорил, что их дрянные третьесортные фильмы портят нашу молодёжь.
- Ну и правильно!
- А они тебя зарубят!

– Не ссорьтесь, – вступала в разговор жена, – ты иди готовься к сессии (это сыну), а ты лучше проштудируй материалы об Атланте – я тут тебе приготовила. Там единственный в мире музей бабочек, музей героев фильма «Унесенные ветром»... Все посмотри, каждый вечер записывай впечатления – будешь нам рассказывать. Мы тебе список составим, что привезти.

На работе было не легче. Звонили и приходили друзья, знакомые и совсем малознакомые люди – казалось, у всего города не было других дел, кроме моей предстоящей поездки.

Пришла директор местного театра моды Райса. Увидев ее роскошные оголенные плечи, я слегка оробел.

- В Америку едете, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказала она, – поздравляю.
- Собираюсь, – ответил я сдержанно.
- Купите у меня чапан. Шикарный – второго такого в Павлодаре нет. И недорого – всего 15 тысяч.
- Райса, – взмолился я, – ну зачем мне чапан? В Атланте пятидесятиградусная жара – олимпийцы падают в обмороки!
- Но это же лучший сувенир, – не отступала она, – каких-то 200 долларов, и вы будете там, как король...

Сестра с зятем устроили в мою честь прощальный торжественный ужин. Я пытался было протестовать: до поездки минимум две недели, вдруг сорвётся, а тут расходы.

- Нет уж, – веско сказал зять, – положено. А вдруг потом не успеем тебя позвать...

И мы с ним уничтожили за вечер львиную долю их запасов спиртного.

Между тем пролетали дни, мы уже перечислили фирме положенный по договору первый денежный взнос, время от времени я позванивал туда, и меня бодро заверяли, что все идёт как надо, и как только меня включат в группу, мне тут же сообщат о дате вылета. А мою бедную душу опять терзал червь сомнения: я боялся, что такая огласка и все наши грандиозные приготовления могут спугнуть (если уже не спугнули) мою удачу, и поездка может не состояться.

Я уже знал дату вылета группы из Алматы и ровно за трое суток опять позвонил в фирму. Меня опять заверили, сказали, что надо на всякий случай заказать билет в Алматы. Я заказал. И тут же мне позвонили из фирмы:

- Вы понимаете, тут такое дело...
- Какое? – холодеющим голосом спросил я.
- Эти американцы из посольства, они всё время меняют условия. То они работают в субботу, то отказываются. То у них одни требования, то другие...
- Вы можете сказать мне, что случилось?

– Ваши документы не успевают пройти через посольство США. Но вы можете ещё успеть, если сейчас же выедете в Акмолу, оттуда есть завтра утром самолет в Алматы. Вы прилетите, пойдёте в посольство...

– Идите вы вместе с вашим посольством, – прервал я этот словесный поток и, чтобы не уточнять, куда идти с посольством говорившему, положил трубку.

Наверное, я был похож на боксера, уже попавшего в нокаут, но ещё не понимающего, что с ним произошло. Всё же созвал на совет тех, кто подтолкнул меня к мысли пуститься в эту авантюру.

- Се ля ви, – сказал заведующий отделом культуры.
- Ну, и хрен с ней, с Америкой, – сказал ответсек, – мы с тобой лучше на рыбалку поедем.
- Как бедному жениться, так и ночь коротка, – жалостливо поджала губы профорг.
- Может, еще не поздно через Акмолу, – заметил осторожный замредактора.

Но я уже принял решение.

Осталось сообщить все домашним. Мудрая мать с каким-то облегчением сказала:

– Не горюй, сынок: семь лет мак не родил – и голоду не было. Ну ее, эту Америку... Там вон на днях самолет упал, бомбу в этой самой Атланте взорвали...

А жена так и не смирилась:

– Не может этого быть, – сказала твердо, как будто с вызовом, – не верю...

Плевать мне было на Америку. Не очень-то и хотелось.

Мне жену было жалко.

...Самое удивительное, что в Америку в тот раз я всё же поехал. А как там всё было, я уже рассказывал...

1996 г.

КАК Я БЫЛ АКЦИОНЕРОМ

Его звали Рузиль. Он был чертовски обаятелен и коммуникабелен. И он находил меня всюду: не только на работе и дома, но даже выловил один раз в бане, а другой – по телефону – в Москве, где я был в командировке.

Он был новатор – сверхинициативный человек, уловивший веяния нового времени. В Павлодаре он стал известен тем, что «прописал» в нём биотехнологию: сумел наладить здесь с её помощью, практически в кустарных условиях, выращивание субстрата женьшеня из его живой клетки. И сотворённое им чудо на этом не заканчивалось: следующим шагом стал выпуск, по кооперации с суперсекретным химическим заводом, сверхдефицитного в ту пору шампуня, а также лосьонов на женьшеневой основе. Замечу, что те шампуни быстро стали почти столь же востребованными, как знаменитая «Посольская» водка местного вино-водочного завода. И если раньше главным образом её возили как презент в Алма-Ату и Москву, чтобы решать «вопросы», то затем стали добавлять к ней ещё и шампунь павлодарского разлива.

Зачем был я нужен и без того успешному, пользующемуся покровительством городских властей Рузилю? Затем, вероятно, что он хотел и дальше расти во все стороны, а для этого требовалось и общественное признание. Я же был писуч, лёгок на подъём и постоянно пребывал в поиске новых тем.

И наше сотрудничество с ним развивалось исключительно по нарастающей. Мне и впрямь было всё в нём интересно: нестандартность мышления, предпринимательский размах, готовность к риску, которые я вдохновенно живописал в своих материалах, намереваясь создать в будущем убедительный портрет ярчайшего представителя нового поколения людей, так необходимых нашему времени.

Но тут нашла коса на камень: мы с Сергеем Горбуновым выступили в «Звезде Прииртышья» против строительства в Павлодаре завода по производству белково-витаминного концентрата. Строиться он должен был по линии Министерства медицинской и микробиологической промышленности, чтобы в дальнейшем восполнить нехватку природного белка в кормах для животноводства. А возглавить строительство и будущий завод должен был как раз «мой друг Рузиль». Исключительно так он именовал себя по отношению ко мне в то время.

Это особая история – как он, другие сторонники завода, городские и областные власти склоняли нас на свою сторону. Была даже организована поездка павлодарской делегации, в которую включили и меня, на родственные предприятия Минмедбиопрома в Ленинградскую область и в Белоруссию. Совершенно замечательная, надо сказать, была поездка, хотя моих сомнений относительно экологической безопасности нового завода для Павлодара, и без того перегруженного вредными производствами, она не развеяла. О чём я и написал в газете.

Против завода ополчились местные общественники – именно они, кстати, и забили первую тревогу. На нашей стороне выступило и областное телевидение. Республиканская «Казправда» критиковала нас за «местечковый лжепатриотизм», за то, что мы тормозим технический прогресс. Неожиданно мощную поддержку мы получили от центральных газет: «Комсомолки», «Известий», «Сельской жизни» – с их поистине гигантской читательской аудиторией – от 10 до 15 миллионов у каждой.

Министерство и местные власти пустили в ход тяжёлую артиллерию, направив в Павлодар – «для широкой разъяснительной работы» – группу ведущих учёных Всесоюзного профильного научно-исследовательского института во главе с замминистра Минмедбиопрома. И не где-нибудь, а в «Звезде Прииртышья» прошла многочасовая дискуссия: десант представителей министерства, учёных (там одних докторов наук было четверо), с одной стороны, и журналистов, общественников – с другой. И это не был спор продвинутых специалистов с нами, дилетантами, – мы к тому времени настолько поднаторели в теме, что могли дискутировать с посланцами ведомства на равных. Чтобы не углубляться в наукообразные дебри и детали, скажу лишь, что мы не выступали против технологии производства искусственного белка из парафинов нефти как таковой, мы говорили только о том, что Павлодар уже имеет дурную славу одного из самых экологически грязных городов в Казахстане. А новый завод, скорее всего, добавит в уже существующий букет вредных выбросов пусть и незначительную по объёму, но очень существенную для «последствия» долю, что может привести к всплеску аллергических заболеваний. Тем более что подобные прецеденты на уже существующих аналогичных предприятиях были.

Невероятно, но факт: мы победили в той борьбе – решение о строительстве завода по производству белково-витаминного концентрата в Павлодаре власти отменили. И это была, может, самая убедительная – реальная – победа общественного мнения над могущественным ведомством и поддерживающими его республиканскими и местными властями.

Сокрушительное поражение потерпел в этой беспримерной схватке и Рузиль. Но, оказалось, не настолько, чтобы потерять вкус к жизни. Оставаясь директором строящегося предприятия Минмедбиопроста (так оно именовалось, хоть и не строилось), Рузиль параллельно создал концерн малых предприятий, выпускающих продукцию на женьшеневой основе, которые действовали уже не только в Павлодаре, но и в Ленинграде и Калининграде, Прибалтике, на Дальнем Востоке и где-то ещё. Одно из таких мы создали вместе: он, группа преподавателей двух местных вузов и мы, несколько журналистов «Звезды Прииртышья». Идеологом этого малого предприятия, которое получило название «Тривиум» (что означало «троепутье»), конечно же, был Рузиль, убедивший нас в том, что оно будет благодаря уже отработанным на опыте подобных других технологиям сверхприбыльным, а потому появятся средства для реализации наших творческих замыслов.

Мы внесли свои личные деньги в уставный фонд «Тривиума» – по тысяче рублей, в ту пору ещё вполне полновесных. Так, у меня это была примерно трёхмесячная редакторская зарплата. Правда, блестящих финансовых результатов нашему предприятию почему-то достичь не удалось, хотя справедливости ради замечу, что под его эгидой нам всё же удалось издать четыре или пять скромных книжечек собственных творений. Напечатаны они были на самой дешёвой, серой бумаге, все – единого формата и неброского общего дизайна. Очень дорогие для большинства из нас первые книжки.

Предприятие, однако, со временем пришлось закрыть из-за его нежизнеспособности.

Рузиль же не стоял на месте. Он вознамерился в дополнение к уже существующим производствам добавить новое, по выпуску кремов на основе обладающих суперцелебными свойствами морских водорослей под названием агар-агар.

– Это будет такое ноу-хау, – убеждал он меня, – технологическая революция в косметологии.

Был детально разработан процесс создания чудодейственного крема, дело оставалось за малым – достойной упаковкой для него. Нельзя же было это чудо современной косметологии «тарить» в заурядные бутылочки и тюбики.

Рузиль всё и всегда делал основательно. Вот и на этот раз, всесторонне изучив проблему, он сумел выйти на известную французскую фирму «Пешине», которая специализировалась как раз на подобном производстве. Рузиль не только вступил с ней в переговоры, но и сумел организовать приезд её высокопоставленных представителей в Павлодар. Более того – предложил устроить встречу с ними в «Звезде Прииртышья».

Это был конец восьмидесятых годов, времена партийно-советские, Павлодар оставался наполовину закрытым городом для иностранцев, даже из братских стран социалистического содружества... А тут капстрана, да ещё какая – Франция! Но все мы тогда были опьянены перестройкой, новым горбачёвским мышлением... «Почему бы и нет?» – решил я, к тому времени уже редактор газеты. Не помню теперь даже – советовался или нет на этот счет с обкомовским начальством.

Зарубежные гости подружили к редакции на обкомовской «Чайке», которую мне в Павлодаре, кажется, до тех пор видеть не приходилось. К «Чайке» тут же потянулся народ – редакционный и прочий – поглазеть, так что сами французы оказались в тот момент никому не интересны. Я встретил гостей в сопровождении Рузиля на улице, завёл их в свой кабинет, где уже был накрыт представительский стол с пирожными, прочими сладостями и мастерски разрезанным роскошным лебяжинским арбузом, который, похоже, произвёл на зарубежных гостей большее, чем всё остальное, впечатление.

Стали знакомиться. Один из французов, прилично говоривший по-русски, имел фамилию Рославлефф и оказался моим, можно сказать, земляком, выходцем из бывшей Тульской губернии, как и моя бабушка по отцу... Мы с ним чуть-чуть поговорили об этом и все вместе пошли в конференц-зал, где нас ждали журналисты.

С некоторым чувством стыда вспоминаю ту нашу встречу. То, например, как живописал достижения газеты... Они были, конечно: даже по французским меркам большой тираж – больше 150 тысяч экземпляров. Но вот внешний вид её, дизайн – эти серость и убогость, в то время как на их родине давно уже использовали компьютерные технологии, высококачественную печать, цвет... За чем-то говорил про прибыль: мол, мы тут тоже не лыком шиты... Ну да, для тех времён, наших условий это имело значение... Но что стоили наши тогдашние жалкие полмиллиона с чем-то рублей прибыли для них и их фирмы, ворушающей миллионами долларов... Думал произвести впечатление, но вызвал, скорее всего, лишь внутренние улыбки у гостей: и чего, мол, хвост распушил?

За мной Рузиль кратко и убедительно излагал суть «кремового» проекта и планируемого совместного предприятия по производству упаковки для кремов. А потом мой тульский земляк провёл для всех нас ликбез по части организации любого нового бизнеса в условиях рынка: вначале создаётся бизнес-проект со всеми обязательными обоснованиями, подтверждающими его эффективность; и уже с ним (и с чем-то, уже не помню за давностью лет, ещё) надо идти в банк, который (если только заинтересует) назначит экспертизу; и только если она даст положительное заключение, банк может выдать кредит на проектирование... И т.д., и т.п. Из чего вытекало: дело, затеваемое Рузилем, отнюдь не быстрое; о выделении на него собственных средств французскими партнёрами и речи быть не может... Надо отдать должное французам – он основательно прочистил наши тогда ещё далеко не рыночные мозги...

Потом мы награждали гостей памятными медалями «Звезды Прииртышья», какими-то сувенирами, а они отдаривались скромными визитками с закруглёнными уголками. Потом гости с охотой угощались сладостями в редакторском кабинете, запивая их чаем и заедая арбузом. А Людмила Ермолина, когда-то изучавшая французский язык, с восторгом глядела на них во все глаза и даже пыталась заговаривать с ними по-французски.

Само собой, из этого проекта в итоге ничего не вышло. Хотя другие малые предприятия, созданные Рузилем прежде, продолжали работать, их продукция пользовалась спросом и, вероятно, приносила их создателю прибыль. Часть её он инвестировал в создание новых предприятий, привлекая для этого новых акционеров. Я бывал на этих его

предприятиях, поражаясь организации их работы. Так, например, он мне показывал цеха с идеально очищенным воздухом и специально создаваемым в них избыточным его давлением. Только такие технологические условия, объяснял мне Рузиль, обеспечивают высокое качество выпускаемой косметической продукции.

Концерн его так и назывался – «Космофарм». Первая часть символизировала косметику (и отчасти космос, как не без гордости пояснял мне вдохновитель и организатор концерна), а вторая – фармакологию. Далеко, очень далеко смотрел «мой друг» – яркий представитель нарождающегося бизнеса.

Как-то он зазвал меня к себе и, как бы между прочим, показал список:

– Знаешь их?

Фамилии были большей частью знакомы и против каждой – цифры: три, пять, десять...

– И что это означает? – спросил я.

– Это наши акционеры, – отвечал он.

– Как это? – не понял я.

– Люди вкладывают деньги в наши малые предприятия, получают в обмен на них акции, а на акции по итогам года – дивиденды.

Сказал – и смотрит выжидающе.

– И что, выгодно? – тут же попался на крючок я.

– Минимум сто процентов на акцию. Реально же – в два-три раза больше.

Это были какие-то совсем уж запредельные проценты: тогдашние сберкассы гарантировали по вкладам максимум три процента.

Расчёт Рузиля сработал безошибочно: и список фамилий, и озвученная перспектива впечатляли.

Вскоре я стал обладателем трёх акций малого предприятия «Гинзенг», солидно отпечатанных типографским способом, разве что без водяных знаков, отдав по тысяче рублей за каждую. Замечу для сравнения, что купленная моим семейством небольшая дачка с неказистым, правда, домиком (зато в городской черте) обошлась пару лет назад в 3300 рублей. Примерно столько же стоил популярный в народе мотоцикл с коляской – «Урал».

Переживал ли я, становясь акционером? Не без этого, конечно. Но мы с Рузилем регулярно виделись, он возил меня на очередное недавно им открытое малое предприятие. А когда год с небольшим спустя мне на сберкнижку, специально заведённую для этого в «Туранбанке», поступило 7200 рублей (240 процентов на акцию!), я был не столько удивлён, сколько приятно ошарашен.

Возник вопрос: что с этими деньгами делать?

– Забери, – посоветовала жена, – хоть холодильник новый купим, а то наша «Бирюса» давно на ладан дышит.

– Можешь, конечно, и забрать, – сказал Рузиль, когда я поделился с ним своими сомнениями на этот счет, – дело твоё. Но я бы тебе посоветовал на пять тысяч взять ещё акций – предприятия «Флора» – я тебе его показывал. Ещё пять мы дадим тебе авансом, в качестве кредита, за них рассчитаешься через год, когда снова дивиденды получишь. Ну, а оставшиеся деньги пусть полежат – мало ли что...

Догадываетесь с одного раза – что я сделал? Правильно – купил ещё пять акций. Ведь деньги, они что: сегодня есть, завтра нет, да ещё и дешевеют. Акции же работают постоянно, а в случае крайней нужды, уверял Рузиль, их и продать можно будет, притом дороже, чем покупал.

Что было дальше со всеми нами – хорошо известно: окончательный развал Советского Союза, обвал рубля, дикая инфляция. На какое-то время я потерял Рузиля из вида, а когда хватился искать «моего друга» – его и след простыл. Канули в прошлое созданные им предприятия, как и вложенные в них мои и других известных в Павлодаре людей деньги.

А ещё через время мне стал названивать незнакомый журналист, кажется, из Башкирии. Говорил, что ведёт журналистское расследование про местного министра – родного брата нашего Рузиля, замешанного в разных неблагоприятных делишках. «Ваш» же, мол, тоже, говорят, «наследил» в Павлодаре, не поделитесь информацией? Желание поделиться было, но я делать этого не стал – ворошить ту историю не хотелось. Никто ведь меня не неволил – сам хотел подзаработать. Да и Рузиль, наверное, не хотел, чтобы его предприятия постигла подобная участь – так сложились обстоятельства. Ну, а то, что он «кинул» «друга» и притом наверняка не одного, не повинившись и ни разу не объявившись, – какой теперь смысл об этом говорить? Сдаётся мне, однако, что он не пропал в новой для себя «послепавлодарской» жизни, нашёл себя и в ней.

Словом, я на него не в обиде. На память о нашей дружбе у меня остались три акции МП «Гинзенг», справка-сертификат о владении десятью акциями МП «Флора» и сберкнижка канувшего в Лету «Туранбанка», по которой мне пару лет назад вернули мой давнишний вклад в 2200 рублей – что-то около 500 тенге...

1986-2002 гг.

КАК Я ОТКРЫВАЛ КУПАЛЬНЫЙ СЕЗОН

Вырос я в безводном краю. Ближайшая река – Иртыш – протекала в ста километрах от нашего целинного совхоза, а озёра если и были в округе, то солёные – в них не поплаваешь. Искупаться же летом всегда хотелось, и мы, деревенские пацаны, первые уроки плавания устраивали сами себе в котлованах. Один такой образовался в бывшем глиняном карьере, из которого брали грунт для строительства железнодорожного полотна. Со временем его заполнили талые воды, и возник естественный водоём. Для совхозного скота он служил местом водопоя, а для нас на всё лето бассейном, довольно, кстати, глубоким: пытаюсь достать дно, мы уходили под воду «с ручками и ножками».

Второй водоём подобного типа образовался после строительства автомобильной дороги, называемой грейдером. Грунт на её строительство брали тут же, сбоку, и там, где была низина, на обочине всегда возникало по весне море разлитое, в котором мы тоже с удовольствием купались.

Было, правда, одно неудобство в обоих случаях: и тот, и другой водоём располагались километрах в десяти от центральной усадьбы совхоза. Но – охота пуще неволи – расстояние нас не останавливало: ездили на велосипедах, у кого они были, или ходили компаниями пешком.

Сколько же мутной котлованной воды я наглотался, прежде чем научился не столько даже плавать, сколько сносно держаться на воде! И, скажу без ложной скромности, с тех самых пор держусь на её поверхности неплохо, хоть плаваю и небыстро, по-деревенски, не заморачиваясь никакими стилями.

Куда бы потом ни забрасывала меня жизнь, я, если, конечно, это случалось летом, первым делом лез в воду. И со временем в «коллекции» так или иначе лично освоенных мною водоёмов оказались не только озёра, реки и моря, но даже один океан.

О, что это были временами за ощущения! В Железинке я переплывал Иртыш, казалось, вполне спокойный в тех местах, но он едва не вынес меня на стремнину, когда я был уже неподалёку от противоположного берега. К счастью, я всё же как-то выбарахтался тогда, но урок не пошёл мне впредь (об этом чуть позже).

Меня немилосердно трепал в чистых, как слеза, водах Енисей... Хорошо ещё, что у меня хватило ума не заплывать далеко.

А как обжигала меня своим «кипящим молоком» ледяная алтайская Катунь, из которой я выпрыгивал на берег как ошпаренный! После Катунь даже воды Телецкого озера казались почти ласковыми.

Зато Чёрное море, в которое я любил заплывать на рассвете, обнимало меня, как большая и тёплая женщина. А море Средиземное так ласково пощипывало филейные части моего тела укусами-поцелуями мелких невидимых рыбок...

В Атлантическом океане я решил искупаться непременно один, ночью. Это было несложно: наш отель в Майами стоял на самом берегу, а океан, ворочаясь и едва ли не покряхтывая, устраивался на ночь у его подножия. Уже наступал сезон дождей, ночь была чернее чернил, и вода в океане – чёрная и будто маслянистая. Жутковато было плыть в этой чёрной черноте, не видя ничего, даже взмахов рук перед собой, оставляя позади залитый электрическим светом город. Конечно же, я очень скоро повернул назад...

А однажды мне довелось постоять на берегу океана Тихого. Правда, всего один раз, в Японии, куда впервые впустили большую группу казахстанцев – в качестве туристов на зимние Олимпийские игры в Нагано. Мы проехали краешком океанского берега, наша сверхделикатная экскурсоводша Аня-сан сообщила об этом, все тут же завопили, что надо остановиться. И хотя парковки там не было, нам пошла навстречу, водители приткнули наш автобус к металлическому ограждению... Что сделали горячие казахстанские парни? Конечно, полезли в воду! Что из того, что февраль, он и в Японии февраль, что утром шёл снег, и теперь было около ноля градусов? У парней ведь может и не случиться в жизни другого подходящего случая! Они лезли в воду, сбросив с себя одежду, плескались, как моржи, разве что не заплывали.

На Аню-сан жалко было смотреть: она в отчаянии бегала по берегу и как-то очень жалобно, совсем по-бабьи, причитала, путая русские слова с японскими.

Я в воду не полез: зачем, если всё равно не заплывть? Парни же потом весь день до самого вечера чесались: океан здесь не просто горько-солёный, а очень солёный, и притом грязный, о чём он сам всё время напоминал любителям острых ощущений, пока мы не вернулись к ночи в отель.

Меня, впрочем, водная стихия тоже однажды неплохо проучила... Это случилось на Алаколе – удивительном озере, которое и по размерам, и по нраву своему вполне может считаться морем. Попал я туда благодаря коллеге Лёне Резникову, ныне, к сожалению, покойному, а тогда – редактору Семипалатинской областной газеты «Иртыш».

Акимом этой области был в ту пору Галымжан Жакиянов, затеявший в ней большие реформы и решивший оповестить о них всю республику. Для этой цели он и позвал группу редакторов республиканских газет. Приглашение за компанию (отчасти, вероятно, «для массовки») получили и мы с редактором Павлодарской областной казахской газеты Альходжой Мухамеджановым. Жакияновские «связисты» с общественностью уже тогда умели обставлять важные для шефа мероприятия солидно, значительно, и у меня доселе где-то хранится то письмо-приглашение за подписью Галымжана Жакиянова, напечатанное золотистыми буквами и увенчанное его фамильным вензелем.

Сразу скажу, что это была во всех смыслах замечательная поездка – с обстоятельным рассказом акима области о смысле и сути того, что он со своими сподвижниками делает, неформальным общением, путешествием через всю территорию области, почти до китайской границы, многочисленными встречами.

Так что впечатлений было очень много, самых разнообразных и даже экзотических. Мы видели поверженную и уже распиленную на части бронзовую многометровую скульптуру вождя мирового пролетариата В.И. Ленина, уложенную в Семипалатинске на набережной Иртыша будто специально для всеобщего обозрения. Забегая вперёд, замечу, что и в Павлодаре памятник Ленину перекочевал с центральной площади в сквер возле школы на улице его имени не без настоятельной рекомендации Жакиянова – уже акима Павлодарской области. А тогда, в Семипалатинской области, мы побывали также в урочище Борли, на заимке, где родился Мухтар Ауэзов, в мавзолее Абая-Шакарима, на родине Абая в Карауле и на месте, где готовились отпраздновать его 150-летие и планировали установить свыше тысячи юрт...

Был ещё в той поездке Урджар с его неповторимой природой, другие удивительные места. Пока, наконец, ночью, почти уже на рассвете, мы не добрались до Алаколя. Позже нам расскажут, что в здешней его двухкилометровой береговой полосе вода целебная, именно поэтому тут в советские времена располагалась специальная база реабилитации космонавтов, возвращавшихся на Землю после длительного пребывания на орбитальной станции. Здесь они быстрее приходили в себя, восстанавливали свои силы.

В то первое утро на Алаколе перед нами предстало настоящее чудо: не озеро, а море с его неоглядной нежно-бирюзовой гладью и не просто тёплой, а, казалось, мягкой, ласковой водой. И ни ветерка...

Само собой, я, как истинная Рыба по гороскопу, дал волю давно стосковавшимся во мне по водной стихии чувствам. Или, говоря проще и понятнее, углыл – куда глаза глядят. Вода отлично держала меня на плаву, а на спине я и вовсе мог лежать, едва пошевелявая конечностями. Наверное, ещё никогда и нигде я не испытывал такого блаженства. Чего нельзя было сказать о наших кураторах, потерявших меня из виду и с ног сбившихся в поисках лодки для организации «спасательной операции».

Когда я выплыл обратно, мне, уже невзирая на законы гостеприимства, много чего, и вполне справедливо, высказали. Я в ответ каялся (во всяком случае, на словах), обещал впредь «не хулиганить». В душе же нисколько не раскаивался и, более того, останавливаться на достигнутом не собирался. Разве что думал всё сделать уже потихому, без свидетелей.

А вечером был приём в нашу честь. Украшением стола на этот раз стал ягнёнок, приготовленный совершенно особым способом, в собственном соку. Кажется, по-казахски это блюдо называется сырне, и ничего подобного я больше никогда не вкушал...

На приёме был и Жакиянов: он с группой приближённых передвигался автономно от нас, всякий раз оказываясь в нужное время в нужном месте. В перерыве он, с видимым интересом поглядывая на меня, спросил: что, мол, Ю.Д. (да, так, по имени-отчеству), до острова решил сплавить? И поскольку я ни о каком острове знать не знал (до него, как оказалось, было километров десять или двенадцать) и замылся с ответом, он сказал, что тоже подумывал об этом.

– Ну, так в чём же дело? – небрежно отвечал я, уже основательно принявший на грудь под томлённого в своём соку ягнёнка. – Давайте сделаем это вместе.

Жакиянов ещё ничего не ответил, как со всех сторон послышалось: а мы, мол, готовы сопровождать вас двоих на лодке, с закуской... И далее – в том же духе...

Так что «шефу», конечно, доложили о моих «художествах». А запомнил он меня ещё и потому, что я задал ему на первой встрече, после его рассказа о реформах, каверзный вопрос: «Почему же тогда земляки далеко не в восторге от ваших нововведений?». Жакиянов чуть-чуть «поплыл» с ответом, на помощь ему пришёл советник Виктор Ковтуновский (ещё тот был серый кардинал!) – что-то шепнул на ухо – и Жакиянов вырулил: новое, мол, на то и новое, что не всегда и не всеми с ходу понимается и принимается.

То вопрос каверзный, то заплыв хулиганский... Словом, отличился. Хотя героем себя я отнюдь не чувствовал. Думал на том приёме: быстрее бы утро; и тогда ещё один заплыв – где-нибудь в стороне от всех, незаметнее.

К утру поднялся сильный ветер, а на озере бушевал настоящий шторм. Конечно, ни одного купальщика. А для меня возможность впервые в жизни поплавать в шторм.

Я уговорил пойти со мной Альходжу Мухамеджановича, убедив его в том, что лишь окунуться, не более. Заплыть же решил почему-то непременно голым, наказав асакалу шумнуть, если покажутся женщины.

Картина на берегу была жутковатая: от вчерашнего благостного, радующего глаза ультрамарина не осталось и следа – озеро с шумом и грохотом обрушивало на берег мутные волны и, будто нехотя, утаскивало их вместе с пеной и мусором обратно. Я изловчился, поймал свою волну, поднырнул под неё, вынырнул и вместо неба увидел нависавшую прямо надо мной другую огромную волну. Как-то мне удалось поймать и её, удержаться и перевалить дальше, оказавшись далеко внизу, где опять не было видно неба, а навстречу поднималась стеной очередная волна.

Так я с трудом удерживался на поверхности ещё несколько минут, стараясь, чтобы меня не накрыло. Если бы это случилось, не знаю, как бы я выбрался на берег.

Тут и Алеке стал кричать, показывать руками в сторону, откуда мы пришли. Я понял это так, что чужие идут, и стал подгребать к берегу – благо он был совсем рядом. Кое-как вылез из воды и, стоя спиной к озеру, стал натягивать плавки. В этот момент подоспевшая волна так долбанула меня сзади, что я пропахал носом совсем не песчаный, грязный берег.

Я тут же вскочил, в плавках на одной ноге, поскольку на другую я их натянуть не успел. Хорошо ещё – они на другой остались. И пока я пытался всунуть в плавки другую ногу, следующая волна снова размазала мою девяностокилограммовую тушу по берегу, усыпанному мелким камнем.

От третьей волны я убежал на четвереньках, со спущенными чуть не до колен плавками, радуясь тому, что никто, кроме Алеке, не видит моего позора. Кричать и делать упреждающие жесты насчёт идущих на берег людей он начал специально, чтобы выманить меня из воды.

Такой вот наглядный урок преподнесло мне озеро Алаколь, на деле показав – кто из нас с ним есть кто на самом деле. И я теперь лучше, чем кто-либо, знаю, как неправ был пролетарский писатель Горький насчёт того, что во время бури на море «глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах». Не так уж он на самом деле глуп, ибо нечего в бурю без нужды геройствовать. Да и не труслив к тому же, потому что может запросто броситься со скал в бушующее море и выброститься из него на те же скалы, поймав волну. Просто пролетарский писатель наверняка этого никогда не видел. Я видел, как пингвины это делают, пусть только на телеэкране, но всё равно впечатляет. Сам же в шторм с тех пор в воду я никогда не лез, да и возможности такой, кажется, не было.

А история же с моим сверхдальним заплывом на Алаколе, наделавшим когда-то столько переполоха, имела продолжение, причём самое неожиданное.

Какое-то время спустя Галымжан Бадылжанович Жакиянов оказался акимом уже нашей Павлодарской области. Я подарил ему старую «Звезду Прииртышья» со своей давней корреспонденцией «Реформы по-семипалатински», не став, правда, говорить, какое неудовольствие она вызвала в здешних руководящих кругах.

Отношение Жакиянова ко мне как к редактору было ровное, доброжелательное. Я даже вознамерился написать большой очерк о нём, что-то вроде «Галымжан Жакиянов – человек и политик». Стал собирать журналистское досье на него, поделился этим замыслом с уже упоминавшимся его советником Виктором Ковтуновским. Тот поддержал паузу, видно, посоветовался с шефом, и сказал – не надо. Я по инерции продолжал накапливать досье, а писать не стал.

Зато благодаря Жакиянову побывал в Китае – в составе делегации области, ездившей договариваться о сотрудничестве с китайцами в Урумчи и Чугучак. И это тоже была замечательная поездка, в ходе которой мы почти 700 километров проехали от столицы Синьцзян-Уйгурского автономного района до казахстанской границы на автобусе и много чего интересного увидели. Любопытно было наблюдать Жакиянова вблизи – как он ведёт переговоры, общается с разными людьми, включая и нас. Из ярких впечатлений – приём от имени правительства района, где нам подали десятка два с половиной блюд, и хоть они были малыми порциями, съесть всё оказалось невозможно.

Но это, впрочем, не имеет отношения к дальнейшей истории, которую я хочу рассказать. Однажды утром в начале лета в моём редакторском кабинете зазвонила «вертушка» – телефон спецсвязи для областного начальства. Руководитель пресс-службы акима области вежливо осведомился: не хочу ли я съездить в Баянаул?

– В Баян готов всегда, в любое время года, – бодро ответил я, но на всякий случай поинтересовался: – А зачем?

– Галымжан Бадылжанович хочет открыть купальный сезон, – пояснил пресс-секретарь.

– Ну, я-то ему зачем?

– Он вспомнил ваш заплыв на Алаколе, – со значением сказал пресс-секретарь, – и предлагает вам открыть сезон вместе с ним. Если вы, конечно, не возражаете.

Ещё бы я возражал: съездить на халяву в Баян, где я в этом году ещё не был; искупаться в Жасыбае, побродить по его окрестностям. Мечта!

Но это оказалась не просто поездка. Она была обставлена как рабочий визит акима области – со свитой чиновников, специальным пулом журналистов. В первый день аким проинспектировал подготовку к летнему сезону детских оздоровительных баз. На утро планировалось открытие областных соревнований по скалолазанию, презентация новой частной базы отдыха на озере Торайгыр, что-то ещё... А затем – меня накануне предупредили – наш с Галымжаном Бадылжановичем заплыв, символизирующий начало купального сезона.

Жили мы в Баяне отдельно от «группы Жакиянова»; конечно же, основательно «приняли» с коллегами ввечеру... Так что утром, чего уж скрывать, я был не в лучшей форме. Во всяком случае, не для марафонского заплыва. Да и погода не шибко благоприятствовала: вчера было тепло и солнечно, а с утра пасмурно, ветрено...

Доверенные лица акима сначала намёками, а потом и прямо дали мне понять: надо бы отговорить акима от заплыва...

– А то ведь простудим ещё Галымжана Бадылжановича...

Я бы тоже, пожалуй, предпочёл купанию пару рюмок водки под хорошую закуску... Однако не сдавался – держал стойку: ну, нет уж – меня для чего звали? Плыть? Вот я и поплыву, а Галымжан Бадылжанович пусть как хочет; вы, мол, если боитесь за него, сами уговаривайте...

И такие попытки, как видно, делались: угощаясь у костра скалолазов горячим кофе, он мне сказал, что ему советуют воздержаться от заплыва... И видя, что я никак на это замечание не реагирую, добавил:

– Ну, их-то можно понять – перестраховываются...

Я держал паузу.

– Но нас ведь с вами это не остановит, – скорее утвердительно, чем вопросительно завершил он.

– Не остановит... – эхом отозвался я.

И мы вскоре пошли на берег Торайгыра в сопровождении немногочисленной свиты акима и примерно десятка журналистов – пишущих и снимающих.

Нам выдали по большому махровому полотенцу, Жакиянов зашёл в кабинку, чтобы переодеться. Всего их было две – похоже, специально поставили к его приезду. Я же с утра был в плавках, которые успели натереть своими швами мои нежные места, и мне хотелось побыстрее в воду, чтобы охладить их. Впереди на озере, метрах в трёхстах от берега, маячила лодка с фотокорреспондентом и видеооператором – до неё и обратно нам предстояло плыть. Другая лодка, также с двумя фото-видео-специалистами, должна была нас сопровождать.

Испытывал ли я что-то перед заплывом? Ну да: во-первых, досаду на самого себя – и зачем только согласился на эту глупость? И, во-вторых, ещё отчасти неуверенность: «партнёр» меня лет на десять моложе, наверняка в хорошей физической форме, фигура – как у молодого атлета; куда мне против него с моим пузцом и весом за девяносто кило? Отстану – собратья-журналисты потом засмеют, особенно после того, как собкор «Казправды» Серёга Горбунов, пока Жакиянов переодевался, сказал негромко, но чтобы все слышали:

– Попробуй от него отстань – мы тебя сами утопим!

Друг ещё называется! Подбодрил...

И мы поплыли. Слева я, справа – Жакиянов, а ещё правее – его охранник. Он-то, понятно, на работе, а я за что страдаю? Плывём. Жакиянов – красивым классическим кролем; я – то вразмашку, то подгребая под себя, наполовину по-собачьи, наполовину не поймёшь как, этот «стиль» – моё собственное изобретение.

Сначала я всё боялся отстать, потом чувствую – в скорости акиму не уступаю, главное теперь – не выдохнуться, выдержать всю дистанцию. Так мы вровень доплыли до лодки, обогнули её и поплыли назад. И где-то на половине обратного пути я даже почувствовал, что могу, пожалуй, и обойти первое лицо области... Но делать этого предусмотрительно не стал... Хотя, кто знает, может, всё было как раз наоборот: это он меня пожалел и не прибавил хода. Как бы там ни было, финишировали мы вровень, или, как ещё говорят, ноздря в ноздю, заслужив хлипкие одобрительные аплодисменты пишуще-снимающей братии.

Мы пожали друг другу руки, и Жакиянов сказал:

– Ну, что, Юрий Дмитриевич, мы с вами, пожалуй, заслужили по сто граммов.

– Заслужили! – ответил я, подумав про себя: и где же они, эти «заслуженные»? – поскольку никаких накрытых столов вблизи не наблюдалось.

Были они, оказывается – два уже накрытых дастархана в двух юртах, предусмотрительно установленных совсем рядом и умело укрытых от постороннего взгляда.

И мы замечательно угостились хорошей водкой и деликатесами из холодной конины, сладостями с чаем по-казахски и неспешной, необременительной беседой.

...Давно это было... И что потом произошло – тоже известно. Жакиянов стал одним из лидеров оппозиции, возглавивших движение «Демократический выбор Казахстана». Получил срок – по уголовной статье, но, конечно, за политическую деятельность. Отсидел. Живёт теперь в США, наверняка плавает в бассейне и ещё, наверное, в океане – Атлантическом или Тихом.

Что же до меня, то я теперь скромнее стал в желаниях. И хотя с балкона моего дома, хорошо оттолкнувшись, можно допрыгнуть до пляжа на Иртыше, искупаться в нём в прошлом году мне было как-то недосуг. Да и буйки там у самого берега, за которые нельзя заплывать. А я и на воде, и в жизни свободу люблю.

КАК Я ВРЕДИЛ ПРЕЗИДЕНТУ

Каких только ошибок не встретишь на газетной полосе. Их обнаруживал даже в самых именитых изданиях всякий мало-мальски грамотный читатель. За последние несколько столетий с тех пор, как издаются газеты, было предпринято великое множество попыток поставить заслон ошибкам. В частности, у нас в стране не только в сталинские, но и позднесоветские времена, кроме дежурного по номеру и корректоров, подготовленную к печати газету читал еще и специальный человек, именуемый «свежим глазом» или «свежей головой». Считалось, что у читающих сверстанные полосы дежурного редактора и корректора глаз «замыливается» после исправленных ими многочисленных ошибок. А вот «свежая голова» смотрит готовую газету набело, и вот он-то – уже третье сито – обязательно выловит огрехи, оставленные в ходе двух предыдущих читок.

Увы, ничто не помогает. Ошибки вездесущи и всепроникающи. От них не застрахована ни одна газета.

Журналисты-ветераны нашей газеты любили запугивать своих молодых коллег воспоминаниями о том, как одного из редакторов «взяли» прямо на редакционной планёрке. И все потому, что в заголовке «Приказ Верховного Главнокомандующего» в последнем слове в ходе правки выпала буква «л». Кто был главнокомандующим, объяснять, думаю, не надо. Как и то, кто «взял» редактора.

В семидесятые годы был освобождён от своей должности редактор «Звезды Прииртышья» лишь за то, что при правке метранпаж перепутала строчки в подписях под указами (а дежурный по номеру и корректоры недоглядели), в результате чего Брежнев и Косыгин поменялись должностями – первый стал Председателем Совета Министров, а второй – Генеральным секретарём ЦК КПСС.

С заголовками вообще случаются вещи удивительные. Очень часто стремление газетчиков сделать их ярче, оригинальнее оборачивается прямо противоположным результатом. Что, например, может подуматься далекий от знания тонкостей воинской службы человек, прочитав заголовок репортажа «Ночью на директрисе». А для людей военных всё тут ясно: речь идёт о специальном полигоне, где проходили ночные стрельбы.

А вот еще заголовок из рыбацкой газеты советских времён: «Путина в разгаре. Всех коммунистов – в море». А это из заводской многотиражки: «Сталеваары! Ваша сила – в плавках!» Или вот еще: «Близится момент отдачи». О чём это? О скором пуске строящегося объекта.

Иногда любили пошутить наборщики, и тогда появлялась такая, например, «шапка» (заголовок на целую страницу) – «Жратва – ударный фронт». Речь, разумеется, шла о жатве. В слове «странный», вынесенном в заголовок, наборщик мог «по недосмотру» упустить букву «т». И, как правило, всё это обнаруживалось в последний момент...

Что касается ошибок-опечаток (в редакциях их еще именуют «очепятками»), то таких наверняка наберётся великое множество в истории любой газеты. Одна газета в программе телевидения популярных «Бременских музыкантов» перекрестила в «беременных», другая – художественный фильм «Заговор послов» преподнесла как «Заговор ослов» (а причина – пустячок: во время правки «потерялась» в слове буква «п», или линотипистка пошутила, а корректоры зевнули).

На страницах нашей газеты вырос на полях двадцатиметровый сорняк вместо двадцатисантиметрового, животноводы получали от каждых ста овцематок по сто телят, а от каждых ста конематок по сто ягнят. Сыроделы у нас были сыроедами, а видный деятель превращался в «винного»...

Чего только не бывает в газетной практике. В хрущёвские времена журналистам ночи напролет приходилось просиживать, вычитывая пространные речи Никиты Сергеевича, передаваемые по телетайпу с указанием «в номер». Передадут, бывало, «болванку» – заранее подготовленный текст доклада. Его набрали, сверстали, а печатать нельзя: Н.С. любил отвлекаться от текста, выдавать экспромты. Значит, надо ждать бесконечных поправок к переданному предварительно тексту... Но вот получены поправки, их вставили в нужные места речи, а сдавать номер в печать всё равно нельзя. Могут быть ещё добавления особого рода. Такие, например: «Аплодисменты», «Продолжительные аплодисменты», «Смех», «Оживление в зале». Так что порой только к утру и подписывали газету в печать... И поскольку поправок всякого рода бывало великое множество, а внимание притуплялось, да и силы у дежурной бригады оказывались на исходе, иногда случались казусы: путали абзацы речи, теряли их; бывало, поправка приходила уже после выхода газеты... И почти всякий раз тряслись: дежурный редактор и старший корректор особенно, ведь это были промахи «политического» рода, за которые в те времена никому бы не поздоровилось. Но – поразительная вещь – почти никогда и никем подобные упущения не обнаруживались.

Во времена застоя доклады и другие речи первых лиц государства и вовсе редко кем прочитывались, даже теми, кому они были адресованы. Говорят, был случай, когда республиканская газета опубликовала не тот доклад: кто-то из партчиновников в суматохе не разобрался и сунул другой, с предыдущего пленума на аналогичную тему. И никто этого даже не заметил...

Чего только не бывает в газетной практике...

Генеральный директор ТОО «Дом печати» Евгения Александровна Писаревская рассказывала мне, как в заголовке одной из местных газет в результате технологического типографского сбоя потерялся «носик» у буквы «л» и «Лидеры мировых держав» превратились в «Пидеров». «Это теперь, – смеётся она, – я знаю: при любой крупной неприятности – с этим надо переспать. А уж потом... Но тогда... Как же я переживала!».

Случались ошибки во время дежурств и в моей журналистской практике. Но, скажем так, не смертельные, за исключением одной, которая могла стоить головы. О ней чуть позже, а сперва о некоей закономерности. Старые журналистские волки знают: чему быть – того не миновать; если ошибке суждено прорваться на газетную полосу – ничто её не остановит.

Как-то я дежурил по номеру, в котором шло сообщение о вступлении в должность нового первого секретаря обкома партии. Уходя домой, редактор спустился со своего четвёртого этажа к нам на второй, в корректорскую, и отечески наказал мне:

– Сегодня бди особо – новую эру открываешь!

Разумеется, я обещал бдеть.

Вслед за редактором зашёл его зам с тем же наказом, а потом ещё и ответсекретарь...

Я занервничал и, конечно, вляпался. Притом очень по-глупому. Не сверил перед подписанием номера в печать выходные данные: дату выпуска газеты, номер и т.д. Я точно помнил, что просматривал их в «дежурной» полосе, потому и не сверил. А их, оказывается, перелили заново (какой-то знак был чуть-чуть сбит), не поставив меня в известность. И вместо 1983 года у нас номер был датирован 198... годом. Вот уж воистину я открыл новую эру – редактор как в воду смотрел, или, точнее говоря, накаркал. И хотя ошибка была из рода не смертельных, скорее, казусных, переживал я страшно. Зато позднее, сам став редактором, если и заходил изредка к дежурным, никогда не наказывал бдеть особо – ибо это то же самое, что наказывать рыбе плыть, а птице – лететь...

А теперь об ошибке, какие случаются (хочется в это верить!) раз в жизни. Произошло это в апреле 1995 года, когда в газетах разворачивалась кампания по подготовке к референдуму о продлении президентских полномочий Н.А. Назарбаева до 2000 года.

Растолкав с утра все срочные дела, я собирался попить чаю. Чайник уже шумел, когда «заговорила» «вертушка» – номенклатурный телефон спецсвязи.

– Ты свою газету читаешь? – услышал я знакомый голос чиновника из обл администрации, с которым мы были на короткой ноге.

Он явно ехидничал, и я ответил ему в тон:

– А зачем: я же не читатель, а писатель...

– Между прочим, напрасно не читаешь... Влип ты, брат, на этот раз основательно. Так перекрестить президента – это уже не шутки...

– Подожди, я газету возьму...

...Кипел на подоконнике чайник, оседая каплями дождя на оконном стекле, гудел зуммер селектора из секретариата, кто-то заходил и что-то спрашивал... А я сидел и тупо, раз за разом перечитывал строчки...

– Что с вами – вы весь белый? – наконец вывел меня из оцепенения голос секретарши.

...Надо же было такому произойти, чтобы в указе президента об объявлении референдума о продлении его полномочий (главный материал номера – важнейшее политическое событие!) в ключевой строке, в ключевом слове вместо буквы «с» оказалась «н»... И «всенародно избранный президент» превратился во «вненародно избранного...». Если бы кто-нибудь сказал мне, что такое возможно, я, имея за плечами 25-летнюю журналистскую практику, просто не поверил бы. Посмеялся бы, принял за обычную газетную байку... Я потом прикинул: в том номере было около пяти тысяч строк. И ошибке почему-то (по закону подлости, что ли?) суждено было вылезти именно здесь.

Впрочем, в какой-то мере всё даже объяснимо. «Ошибка из-за ошибки» – вещь в газетном деле весьма распространенная. Это случается тогда, когда исправляя одну замеченную дежурным редактором или корректором оплошность, линотипистка допускает другую. В данном случае так и было. Буквы «с» и «н» на клавиатуре у линотипа находятся рядом, и линотипистка, переливая строку заново, сбросила не ту литеру... Так вместо «всенародно избранного» возник злополучный «вненародно избранный». У журналистки – дежурного редактора правки в этой строке не было, поэтому она её в «чистой» полосе, принесённой на подпись, не перечитывала. А корректор (это была её правка) в спешке или по какой-то другой причине пренебрегла железным правилом, требующим после правки перечитывать не только всю строку, но и соседние – верхнюю и нижнюю. Убедившись в том, что «её» ошибку исправили, на остальное она просто не обратила внимания. Словом, это была в первую очередь вина корректора. Но и дежурного редактора-журналистки тоже: как ни крути, а её подпись благословила выход «вненародного» в свет.

Журналистка, надо отдать ей должное, держалась достойно – спросила:

– Писать заявление об уходе?

– Подожди пока, – мрачно отвечал я, – может, вместе писать будем.

Корректорша рыдала и божилась, что сама не понимает – как такое могло произойти.

Поскольку в подобную переделку я попал впервые, позвал одного из ветеранов, бывшего зама. Показал газету.

– Вот это да! – ошарашенно выдохнул он. – Я тридцать лет здесь, но такого ещё не бывало.

И сразу без перехода:

– Наверху знают?

– Пока, наверное, нет...

– Слушай, – загорелся он, – а может, не заметят?

Честно говоря, где-то в глубине души и у меня теплилась надежда: ну, позвонил один человек, а остальные, может, и не обратят внимания. Ведь материал официальный, кто их читает... Конечно же, это было поразительное легкомыслие, чисто русское – а вдруг пронесёт? Тут вполне уместно сравнение с «залетевшей» десятиклассницей: она уже на пятом месяце беременности, а все надеется – вдруг ещё «рассосётся»...

И тут звонки пошли – один за другим: недоумевающие, сочувствующие, язвительные (сочувствующих, кстати, было больше всего, и – поразительная вещь – ни один из читателей не счёл нужным сигнализировать куда-то ещё: властям, в «органы» и т.д.). Один из звонивших, едва я взял трубку, спросил прокурорским тоном:

– Вы что, специально вредите нашему президенту?

– Ну да, мы тут все – идеологические диверсанты, – отвечал я, хотя мне было не до шуток.

Решив больше ни с кем не советоваться, сам позвонил руководителю аппарата обл администрации – по распределению обязанностей он отвечал в ней за связи с прессой. Реакция оказалась на удивление спокойной. Он только спросил: что можно сделать?

– Поправку давать нельзя, – сказал я, – ошибку заметили, может быть, десятки людей. А так на неё обратят внимание тысячи. Но указ можно повторить – в следующем номере.

– Хорошо бы на этот раз без ошибки, – даже пошутил он, – а сегодняшний тираж уже ушел подписчикам?

– Основная часть – да, а тысяч 15-20 ещё нет.

– Можете его отпечатать заново?

– Наверное, сможем...

Так и поступили. Ошибку исправили, заново отпечатали неотправленный тираж, а в следующем номере на всякий случай повторили указ, для подстраховки, ведь часть читателей уже получила его с ошибкой.

Утром на планёрке я мрачно констатировал:

– Если я сижу сегодня перед вами, а не в другом месте, то это свидетельствует о том, что времена и нравы всё же изменились. Но не будем обольщаться – вполне возможно, нами еще займутся.

И занялись. Правда, не власти, а коллеги. Недели две спустя, когда вся эта история, вроде, стала забываться, она вдруг получила уже без преувеличения мировую известность. Вышла «Комсомольская правда» со сверхязвительной заметкой. Заметка эта достойна того, чтобы привести ее полностью.

«У Назарбаева обнаружилось 42647 врагов». Это заголовок.

А вот текст: «И грустный, и смешной инцидент произошел в Павлодаре с областной газетой «Звезда Прииртышья». В официальном блоке материалов президента Казахстана ненароком обозвали «вненародно избранным». Досадную опечатку начальство обнаружило лишь тогда, когда все 42647 экземпляров вредной газетёнки оказались у распространителей.

Экстренные решительные меры в корне пресекли провокацию. За исключением какой-то тысячи экземпляров, весь тираж был изъят и сожжён, а вместо него отпечатан новый. Местное руководство рассудило трезво: уж лучше понести материальные издержки, чем получить обвинение в несоблюдении «идеологической чистоты».

Что и говорить, заметка лихая. Её дали на первой полосе, наверное, ещё и повышенным гонораром отметили: как же, такой казусный факт журналист откопал. И посмеялись, наверное... Ну и чудачки на букву «м» эти павлодарцы, ну и отчебучили!

Автором этих язвительно, талантливых строк был карагандинский собкор «Комсомолки». Написал он их со слов не прижившейся у нас в газете весьма самолюбивой и весьма ограниченной журналистки. Связаться с редакцией, что-то уточнить собкор посчитал лишним. Да и зачем: ведь слова так хорошо ложились на бумагу, особенно про то, как «весь тираж был изъят и сожжён». Воображение, вероятно, рисовало ему картину из эпохи средневековой инквизиции... Глухая тёмная ночь. Пустынная степь. Полукругом стоят с суровыми лицами представители областной администрации, комитета национальной безопасности, прокуратуры... Чуть в стороне – провинившийся редактор с опущенной головой... Перед ними костёр, в который с подъезжающих машин какие-то люди швыряют всё новые и новые пачки газет...

Чушь какая-то, прочитав это, скажет нормальный читатель. И будет прав – чушь, галиматья. Но как ещё можно себе представить сжигание тиража газеты в сорок с лишним тысяч экземпляров? Это вообще задача не из лёгких – сжечь почти две тонны свежотпечатанных газет – они, да ещё в пачках, гореть не будут, разве что бензином поливать... Но так уж захотелось журналисту. Хотя он мог снять телефонную трубку и узнать то, что, в общем, не составляло особого секрета: около 15 тысяч экземпляров газеты с ошибкой действительно не попали подписчикам и были отправлены в макулатуру. Но ведь макулатура – это так неинтересно, тривиально.

Не знаю, думал ли журналист о том, что у его коллег могут быть неприятности после такой заметки. Не знаю также, что думал редактор, благословляющий заметку в свет. Хорошо знаю лишь то, что есть среди нашего брата люди, которые ради красного словца не пожалеют ни отца, ни матери. И рано или поздно им самим это аукнется.

Пора, впрочем, заканчивать нашу историю, у которой, как ни странно, вполне благополучный конец. И тот корректор, и тот журналист, и даже тот редактор остались тогда на своих местах.

А ошибки... Как же без них? Позднее наша газета произвела генерального директора ЮНЕСКО Федерико Майора в майоры. Просто журналистка вместе с корректором решили, что это не фамилия, а воинское звание, и вышло – майор Федерико.

История же с ошибкой в президентском указе имела еще один, и вовсе анекдотический резонанс. Государственная Дума Российской Федерации в апреле 1995 года проводила специальные парламентские слушания. На них с докладом «О положении в Казахстане» выступала председатель республиканского славянского движения «Лад» А.Д. Так вот, среди других примеров, иллюстрирующих главный тезис её речи – о нарушении прав славянского населения в Казахстане, приводился такой: за статью с острой критикой президента и референдума о продлении его полномочий изъят тираж павлодарской газеты «Звезда Прииртышья». По-моему, какие-то комментарии тут просто бессмысленны. За исключением разве одной детали – газета наша называется «Звезда Прииртышья».

Доклад А.Д. был опубликован в 5 (майском) номере газеты «Лад» за 1995 год.

* * *

Чего уж теперь греха таить – вредила наша газета под моим водительством президенту (о чём мы даже сами не подозревали) и в дальнейшем. Второй раз – во время его визита в нашу область. И делали мы это, хоча подчеркнуть, из самых лучших побуждений.

Идея, впрочем, была не наша, а исходила из коридоров власти: нам предложили поднапрячься и в пожарном порядке выдать вне графика «четырёхполоску» о первом дне визита президента. На утро следующего дня намечалась его встреча с активом области – к ней и надо было постараться успеть. Ну, мы и постарались: к назначенному часу наш свежееиспеченный номер раскладывали по столам для избранных и раздавали «массовке» в общей части зала.

Я чувствовал себя героем и принимал заслуженные поздравления:

- Какие молодцы!
- Как быстро сделали!
- И когда успели?

Однако триумф мой продолжался недолго. В зале появился как всегда невероятно озабоченный пресс-секретарь президента и, едва взглянув на первую полосу, как-то уж очень строго спросил у меня:

- А президент у вас где?

Вопрос показался мне не риторическим даже, а бестактным, потому что президент был везде – в тексте и на снимках, на всех четырёх полосах. Я явно читал недовольство пресс-секретаря и не понимал причину...

- У вас президент – где? – повторил он свой вопрос.

– Везде! – начиная закипать, сказал я и стал разворачивать газету. – Вот, вот, вот...

- У вас президент не в центре, – с расстановкой произнося слова, объяснил мне, как нашкодившему школьнику, пресс-секретарь. Выдержал паузу и завершил – как гвоздь вбил: – А президент всегда должен быть в центре.

Разложенные всюду газеты были тут же собраны. Я тупо смотрел на тот злосчастный снимок, который мы, когда верстали газету, посчитали особенно удачным: президент в кругу сопровождающих у ферросплавной печи. Он ведь металлург – это же так символично, ему наверняка самому понравится! Так думали мы, потому и открыли «спецномер» этим снимком. А то, что он не точно в центре, а чуть сбоку, посчитали несущественным. Главное – крупный план, производственный сюжет, президент с людьми...

Было ощущение, что всех нас, кто так старался, и меня в первую очередь, просто обгадили. Те, кто только что меня хвалили и поздравляли, теперь отводили в сторону лица, прятали глаза... Я ушёл, не оставшись на встречу. И на душе у меня было так пакостно, как не было уже очень давно, хотя редакторская доля такова, что и до этого подбрасывала всякое...

Но и после этого я не перестал вредить нашему президенту. Если и не лично сам, то не сумел как редактор предотвратить ещё один вредоносный шаг.

Однажды меня вызвали «наверх» для воспитательной беседы: газета недостаточно усердно проводит нужную линию на очередных внеочередных выборах в Мажилис после «незапного», как выражается одна из наших журналисток, самороспуска этого законодательного органа.

Меня прорабатывали – я вяло отбрёхивался: не надо, мол, чтобы усердие превозмогало разум; услужливый дурак, мол, опаснее врага; нужный результат, мол, и так будет обеспечен...

Так мы какое-то время вяло-миролюбиво переругивались. И поскольку я не сдавался, моя начальница, рулившая внутренней политикой, вдруг заявила: о чём вообще можно говорить с редактором, когда газета даже президенту вредит...

- Да ну? – изумился я, – это каким же образом?

– А вот – полюбуйте! – что пишете! – и она вытащила из стола нашу газету, где что-то было очерчено красным фломастером.

Я стал читать и откровенно не понимал, что в тех строках криминально-вредоносного. Рядовая заметка «Сельчане поддерживают президента». Читать такую вряд ли кто станет, хотя это как раз в рамках «правильной линии».

- В чём дело – вы, может, объясните? – спросил я. – Или я что, читать не умею?

– Или вы, или как минимум ваши корректоры... Посмотрите – у вас тут перенос – «сельча», а «не» на следующей строке...».

- И что?

– А то и выходит – читайте следующую строку: «не поддерживают президента».

- Да это же перенос, это русский язык, вы что тут, с ума все походили? – уже не сдерживаясь, начал орать я.

Но кого и в чём я хотел убедить?

...С тех пор я президенту больше не вредил. И не собираюсь. Хотя как тут можно зарекаться...

КАК Я БРАЛ ИНТЕРВЬЮ У ПОСЛА США И УЖИНАЛ С ПОСЛОМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Мне позвонили из посольства Соединённых Штатов Америки. Согласитесь, подобное даже в жизни редакторов областных газет происходит нечасто. Скажу больше: мне и вообще-то до сих пор ни разу не звонили оттуда. А тут с чего бы это вдруг?

Голос был женский, явно русского происхождения, и принадлежал он пресс-атташе посольства. Удостоверившись, что я – это я, пресс-атташе известила о скором визите к нам в область посла Соединённых Штатов в Казахстане и предложила взять у него интервью.

– Мы хотим, чтобы это сделали вы сами, – уточнила моя собеседница и, выдержав небольшую паузу, добавила: – Мы вас знаем.

– А вы – это кто? – удивился я.

– Я вам после объясню, – уклонилась от прямого ответа пресс-атташе. – Кстати, может быть, будете в ближайшее время в Астане, там и обговорим детали.

В Астане я оказался по делам буквально через несколько дней, позвонил, мы встретились. Пресс-атташе оказалась мне почти родней – казгушницей, притом журфаковкой, и заочно даже меня знала. В посольство США попала благодаря хорошему знанию английского. Мне она, скорее, понравилась: держалась просто, естественно, посольскую даму из себя не строила. Никаких наставлений мне не дала, попросила лишь прислать текст интервью, если оно состоится, для согласования.

Через какое-то время посол действительно приехал в Павлодар. Я побывал на его официальной встрече с акимом области, порадовавшись тому, что он, можно сказать, уже ответил на часть вопросов, которые я ему приготовил, и к тому же прилично изъяснялся по-русски. Так что никаких сюрпризов во время предстоящего интервью вроде не ожидалось.

Встречу назначили на следующий день в гостинице, где остановился посол. Мы пришли на неё вместе с нашим фотокором Валерой Бугаевым. Нас встретила пресс-атташе, вскоре появился посол. Мы пожали друг другу руки, и я задал первый – дежурный – вопрос: что он успел посмотреть в Павлодаре, каковы впечатления?

Ответ рассчитывал получить на русском языке, но тут неожиданно включилась пресс-атташе и залопотала по-английски. Посол также отвечал на английском, а она затем переводила.

Так мы общались некоторое время, и скоро мне стало ясно, что послу неинтересен ни я, ни наш с ним разговор. Ему лишь важно было обозначить своё присутствие в местной прессе, озвучить уже не раз озвученные вещи насчёт того, что в Соединённых Штатах весьма впечатлены экономическими реформами в Казахстане, придают большое значение сотрудничеству с нашей страной, но что у нас также остаются проблемы по части утверждения подлинной демократии... Ну, и далее в том же духе. Мне показалось, что даже на встрече в акимате посол был куда более раскован и коммуникабелен. Здесь же передо мною был человек, застёгнутый на все пуговицы, и говорил исключительно казёнными, железобетонными фразами. Во всяком случае, в переводе они звучали именно так, и расчеловечить его мне так и не удалось.

И хотя я был очень недоволен собой, послом и нашей встречей, всё же решил подарить ему свою книжку, где, кроме прочего, были мои путевые заметки о поездке в США во время летних Олимпийских игр 1996 года. Где-то в глубине души я тешил себя надеждой, что он её просмотрит, может быть, чем-то заинтересуется (той же «американской» её частью) и, чем чёрт не шутит, даже пригласит в гости (не одного, конечно, а в числе других казахстанских журналистов), чтобы мы могли увидеть его страну уже не как туристы и рассказать о ней по-настоящему. Поэтому, вручая послу книжку, я говорил: вот, мол, надеюсь, она вам поможет лучше понять нас, казахстанцев...

Понятно, что это были чистейшие иллюзии...

А впереди меня ждала ещё одна трудноразрешимая проблема. Взвзвись за расшифровку интервью, я ещё более отчётливо понял, что передо мной «сборный железобетон» в его первоизданном виде, и выстроить из него хоть что-то удобоваримое, человеческое не представляется возможным. Всё же попытался перевести текст с «посольского» на хоть сколько-нибудь приемлемый русский и отправил «причёрсанный» текст на согласование, рассчитывая при этом и на некоторую благодарность: мол, как это вам удалось?

Каково же было моё изумление, когда в ответ я получил текст первоначальный, со всеми его штампами, канцеляризмами, формулировками. Я позвонил пресс-атташе и уже как бывшую журфаковку пытался уговаривать, но очень скоро понял, что качество текста её несколько не интересует: ей важно, чтобы ответы посла прозвучали дословно.

И я до сих пор не знаю – кто из нас был тогда больше прав. Наверное, это из той серии, когда «кочка сидения» определяет точку зрения.

Что же до того интервью, опубликованного не в моём, а в «их» варианте, то оно осталось в памяти одним из примеров творческой неудачи. Без них тоже не бывает в нашем деле.

С послами, надо признать, мне как-то вообще не очень везло... Вот, к примеру, другой случай, к которому просится заголовок «Как я ужинал с послом Великобритании».

На этот раз пожелание встретиться с редактором областной государственной газеты выразил сам посол (или это его помощники надоумили). Цель, насколько я понял, – поговорить о текущей общественно-политической обстановке в

области... Я позвонил своим кураторам в наш «белый дом» и попытался уклониться от встречи, поскольку на ней не могла не зайти речь о развернувшемся в Павлодаре «деле Жакиянова», оппозиции и других неприятных вещах. Говорить с послом на эту тему откровенно было небезопасно для моего и без того тогдашнего туманного будущего, а врать тоже не хотелось... Сказал поэтому: глубоко тронут и даже польщён, но увольте меня от этой привилегии... Но вскоре мне позвонил аким области и попросил от встречи не уклоняться: вы, мол, в курсе всех наших дел, и кто, если не вы, лучше и убедительнее всего обрисует их послу... При этом, надо отдать должное акиму, он не высказал никаких рекомендаций, пожеланий, советов... И куда мне было деваться – согласился...

А вечером началось самое интересное... Я приехал на велосипеде с дачи, где поливал высаженную накануне рассаду и где меня нещадно жрали комары, наскоро обмылся в душе и побежал к ресторану «Азия», что неподалёку от нашего дома (там намечалась наша встреча)... Обнаружил, что он на ремонте... Никаких контактных телефонов помощников посла у меня не было... Вернулся домой, позвонил в справочную телефонную службу – нет ли другого ресторана с одноимённым названием? Оказалось, есть кафе, где-то у чёрта на куличках. Еле-еле туда дозвонился... Там мне ответили, что у них сегодня банкет, и зал поэтому занят...

Время меж тем перевалило за половину восьмого, а встреча намечалась на семь вечера. Наугад позвонил в гостиницу, где обычно селят высокопоставленных гостей. Мне ответили: да, остановился такой, но его сейчас нет, и когда будет – неизвестно. Позвонил в приёмную акима области, уже около восьми, но и там ничего не знали... Предупредил на всякий случай, что буду ждать дома...

Испереживался – аж взмок... И не потому, что уж очень хотел этой встречи, пропади она пропадом, а не хотел выглядеть перед начальством необязательным человеком...

В конце концов позвонил чиновник облакимата, сопровождавший посла, ездившего по предприятиям. Сказал, что меня ждут в гостинице, и вскоре мы четвером – посол, его помощник, переводчица (преподавательница местного вуза) и я – сидели в ресторане «Фараон». Заказали салаты, холодную конину (это я), а посол с помощником ещё и судака, приготовленного по особому рецепту... Переводчица попросила лишь сок. Спиртного не заказывали.

Когда мы только рассаживались, я сказал послу, что у меня есть одно условие: я соглашаюсь ответить на его вопросы, если он согласится ответить на мои, с тем, чтобы можно было потом опубликовать наш разговор в «ЗП». Ведь не каждый день к нам приезжают послы таких стран... Условие ему пришлось явно не по душе, но я настаивал, и посол согласился.

А дальше началось самое интересное: диктофону я не очень доверяю, и разговор с героем предпочитаю записывать в блокнот. В таком случае я больше в себе уверен – в том, что правильно понял собеседника (а не понял – переспрошу). И ещё такие записи – фактически уже работа над будущим материалом, часто – половина дела. Конечно же, в данном случае надо было взять диктофон, но я его не взял, понадеявшись на то, что основной разговор будет либо до, либо после еды. А он был именно во время еды.

Посол спрашивал и ел, успевая и то, и другое делать одновременно. Я же едва успевал записывать и, конечно, даже прикоснуться не мог к ожидавшей меня деликатесной конине. Переводчице тоже было не до еды, поэтому она и не заказывала ничего. Посла эти обстоятельства никак не трогали: он просто говорил и ел, не обращая внимания на то, что я к еде не прикоснулся. Отвечая на мои вопросы, рассказал: ему 43 года, женат на египтянке (женился на ней, работая в Каире), у них двое маленьких сыновей...

Опускаю дежурную часть нашей беседы, состоявшую из «общих мест». Скажу лишь, что сначала посол весьма благосклонно оценивал казахстанские реалии и роль в них нашего президента, считая, что мы дальше других стран СНГ продвинулись по пути к рынку. Затем заговорил об опасностях, подстерегающих Казахстан: непрозрачности нефтяных контрактов, коррупции, непонятно на какие цели идущих «нефтяных» деньгах...

Меня посол спрашивал о ситуации в Казахстане и области, о том, как я оцениваю работу Жакиянова в качестве акима области и шаги акима нынешнего. Я не слишком откровенничал, но от ответов не уклонялся. Когда заметил ему, что вряд ли премьер-министр Великобритании стал бы терпеть в правительстве своего назначенца, ушедшего в жёсткую оппозицию к нему и не подавшего до этого в отставку, посол бросил на меня быстрый взгляд, но ничего не сказал...

Обратно в гостиницу шли пешком, и высокопоставленный гость мог на себе почувствовать, что такое павлодарский комар, голодный и злой...

– У вас что, всегда так? – спросил он, то и дело шлёпая себя по разным частям тела.

– В эту пору обычно много хуже бывает, – отвечал я, – а тут совсем недавно их травили.

– Что-то не очень заметно, – сказал посол.

– Это потому, что вам не с чем сравнивать, – не сдавался я.

...Зайдя домой, первым делом попросил есть.

– Ты же с послом ужинать должен был, – удивилась жена.

– Тебе бы так ужинать, – отвечал я, голодный и злой, как павлодарский комар.

...А интервью с послом Великобритании я опубликовал, притом куда более читабельное, чем было с послом США.

КАК Я ДОЛЖНОСТИ ЛИШИЛСЯ

Как-то я подсчитал: за свою без малого четвертьвековую редакторскую эпопею я пережил девятих руководителей области: трёх первых секретарей обкома партии, одного главу администрации, пятерых акимов области, оставив свой пост при шестом. Как такое возможно – спросите вы: сесть в редакторское кресло при социализме и торжестве коммунистической идеологии, пережить их крушение, наступление дикого капитализма со всеми вытекающими из него последствиями, способствовать (так или иначе) утверждению прямо противоположной идеологии? Как это возможно – сменить в своей голове все бывшие плюсы на минусы и наоборот?

Объяснить это в состоянии только прожжённый политик нового типа, всегда знающий – что и как надо делать, разумеется, на словах, а затем с той же непоколебимой убеждённой объясняющий массам – почему делать этого ни в коем случае не следовало. Кто-то скажет: а редактор разве не политик, разве он не должен приспосабливаться к обстоятельствам и даже меняться вместе с меняющимися временами? Меняться, конечно, должен, но и самим собой оставаться – тоже. Я, во всяком случае, пытался, хотя не всегда это удавалось...

Но оставим эти высокие материи и обратимся к жизни как таковой, к суровым редакторским будням разных времён.

В редакционные начальники я попал по советским меркам очень рано: редактор областной партийной газеты в 35 лет – это было совсем нетипично. Может быть, и не единственный случай в Советском Союзе, но, вне всякого сомнения, редкий. Не думаю, что тогдашний первый секретарь обкома партии поддержал мою кандидатуру с большой охотой – скорее, так говаривал один мой знакомый, «скрепя сердцем». Этот «первый» был ветераном номенклатурного движения, пришедшим на партийную работу ещё при Сталине. Блестяще усвоив все правила системы, которой служил, он, без преувеличения, стал «гроссмейстером от номенклатуры», но при этом, конечно, никак не вписывался в перестройку. Его главными чертами были сверхосторожность и сверхвыразительность, и он никогда не изменял своему важнейшему правилу: ничему не удивляться, ничего не принимать близко к сердцу, никогда не отклоняться от линии. Форма для него была всегда важнее содержания. Главное – вовремя отреагировать, обсудить, принять постановление. Заседания бюро обкома при нём превращались в настоящие ритуалы и, случалось, продолжались целый день. Вместе с тем он всегда предпочитал ничего не решать, если была хоть какая-то возможность этого не делать. Как мог столь заурядный, серый человек занять такой высокий пост? Всё просто: он верно служил системе – она его опекала.

Без бумажки «старый «первый» (назовём его так) двух слов связать не мог. Шпаргалки ему писали по всякому поводу, даже дежурные выступления на бюро обкома; подчёркивали слова и выражения в текстах важных докладов, которые желательно было выделить голосом. Но это не помогало: всё и всегда он читал ровно, монотонно, без всякого выражения. Могло показаться, что его совершенно не интересует то, о чём он вещает с трибуны.

Он был сверхосторожен и любую, даже самую маленькую заметку в нашей газете, где упоминалась его персона, прочитывал лично. Но не припомню случая, чтобы он хоть раз в этих текстах что-то поправил.

Можно сказать, у нас с ним не было никаких отношений, всё обычно решалось на уровне завотделом агитации и пропаганды или секретаря обкома, ведающего идеологией. И лишь однажды «старый «первый» обратился ко мне с личной просьбой: его включили в список выступающих на Всесоюзной партийной конференции, и он попросил меня набросать текст будущей речи. Я удивился: неужели в обкоме не нашлось никого, кто бы мог это сделать, – но виду не показал. «Первый» предупредил: никто не должен знать о нашем разговоре, а рукописный вариант я должен отдать ему лично. Не думаю, что зачин написанного мной текста пришёлся «заказчику» по душе, ведь я тогда был ярким горбачёвцем и, конечно, отдал должное его «революционной перестройке», которую наверняка никак не мог принять партиец старой закалки. Дальше в тексте речь шла об экономике области, её проблемах, и вряд ли эта часть могла вызвать особые возражения. Концовку я не написал, оставив её на собственное усмотрение будущего оратора.

Исписанные листы вручил, как и договорились, лично «первому». Он потом не выразил никакого мнения о моём заавторском труде и на конференции не выступал, но текст нашей с ним речи вошёл в итоговый сборник материалов партийного форума. Пишу «нашей», потому что нашёл в опубликованном тексте знакомые строки, к которым я имел отношение.

...Сразу после своей добровольно-принудительной отставки «первый» уехал в Москву, где ему была тут же выделена квартира и назначена пенсия – по высшему для того времени разряду. В Павлодар, где он проработал около десяти лет, «старый «первый» больше не приехал ни разу.

* * *

«Новый «первый» был во многом противоположностью «старому»: молод, честолюбив, уверен в себе. Большую часть предыдущей жизни он провёл на стройке, ещё и потому вопросы привык решать быстро. К перестройке он приобщал область с помощью программ, которые стали с его приходом активно множиться. И какие-то приносили свои плоды, например, программа с говорящим названием «Жильё-91», которая помогла очень многим семьям обзавестись собственной квартирой или домом.

Но были среди инициированных «новым «первым» программ такие, что ставили в тупик даже видавших виды руководителей-хозяйственников: например, программа «Удвоение», призванная за несколько лет вдвое увеличить производство молока и мяса в области. Во все районы и хозяйства были спущены соответствующие задания, создавались комиссии, заслушивались отчёты... И только скорый уход «нового «первого» с должности помешал трудящимся области вступить в эпоху полной сытости.

В разные времена наши с ним отношения складывались по-разному. Бывало и такое, что я отказывался выполнять его прямые поручения, считая их недалёковидными и ошибочными.

– Но у меня нет другой газеты, – сказал как-то он.

– У меня тоже, – отвечал я, – но поддакивающих у вас и без меня достаточно – пусть будет хотя бы один возражающий.

Один на один мы общались с ним временами очень резко. Вплоть до того, что я говорил:

– Я же не учу вас – как строить, потому что вы в этом понимаете больше моего. Почему же вы думаете, что лучше меня знаете – какой должна быть газета и что в ней надо печатать?

Конечно, он запросто мог снять меня с должности, да и сам я временами был готов уйти. Но он почему-то терпел меня и даже ввёл позднее в бюро обкома партии. Наедине, хоть и нечасто, жаловался мне на собственные невзгоды.

Проработал «новый «первый» у нас недолго и, думаю, с облегчением уходил на должность заместителя союзного министра угольной промышленности по строительству. Больше мы никогда не виделись, но, как говорили знающие люди, его жизнь в Москве сложилась вполне благополучно.

* * *

Последним «первым», уж извините за каламбур, у нас стал «старый «первый», уже руководивший прежде областью, но не вписавшийся в руководящую партийную орбиту. Выпускник мореходки, интеллектуал, личность, он и на высоком партийном посту пытался быть самим собой, за что и поплатился.

Казалось бы, теперь справедливость восторжествовала. Но, увы, слишком поздно. «Новому старому «первому», как его окрестили местные остроловы, досталась, по его собственному признанию, незавидная участь похоронщика.

– Раньше я был главнокомандующим, – с грустью констатировал он, – а стал главноугваривающим.

До возвращения в Павлодар он возглавлял республиканский Комитет народного контроля (авторитетная, кстати говоря, была структура), который при нём ликвидировали, якобы за ненадобностью. У нас «новый старый «первый» лишился сперва партийного поста, поскольку сначала в Москве, а затем в Алма-Ате упразднили саму Коммунистическую партию, а затем и поста председателя областного Совета депутатов, поскольку и советы были признаны атавизмом уходящей эпохи.

Как раз в ту пору мы стали с ним общаться «за жизнь», а также на литературные темы. Он уже пробовал писать стихи, а я его беспощадно критиковал, на что он, надо отдать ему должное, никогда не обижался. И очень хорошо, что он не оставил и до сих пор не оставляет этого занятия, не без самоиронии называя его последним оргазмом мозга.

У него есть строки – готовые афоризмы. Вот, например, об итогах перестройки:

«Позади гнилой застой,

Впереди – мираж.

То ли строить храм святой,

То ли рыть блиндаж...».

О советском прошлом:

«Мы самый читающий в мире

И самый нетрезвый народ.

Кто жил в коммунальной квартире –

Тот самый большой патриот».

А это – о сути первых рыночных реформ:

«Коварно обКУПОнили,

Безжалостно ОбПИКали,

Нахально обреформили

И до смерти обСИКали...».

ПИКи, если кто забыл, – это приватизационные инвестиционные купоны, которые должны были сделать нас собственниками казахстанских предприятий, а СИКи – социальные индивидуальные коды для накопления пенсий.

Бывший первый секретарь, ничего для себя лично из этой высокой должности не выгадавший, не «прихватизировавший» ни одного лакомого объекта, живёт в ладу с самим собой. Но ему по-прежнему до всего есть дело: об этом его книги – стихов и публицистики, многочисленные статьи в газетах.

Его девиз – жить стоит! Перешагнув за восьмой десяток лет, он вывел для себя ещё одну важную поэтическую формулу:

«Каждый день у меня день рождения,

Каждый год у меня юбилей»...

И ещё он не перестаёт иронизировать над собой. Когда ему говорят: хорошо, мол, выглядите, мужчинам он отвечает двустышнем собственном сочинении:

«И, несмотря на бравый вид,

Как прежде, пенис не стоит».

Много лет назад в наших отношениях – первого секретаря обкома и редактора газеты – тоже слегка искрило. Теперь же я благодарен судьбе, подарившей мне такого старшего товарища, блестящего собеседника, собрата по литературному цеху.

* * *

После крушения Союза наша газета какое-то время оставалась без хозяина. Она ведь была органом обкома партии и областного Совета депутатов, а поскольку сначала была распущена партия, а затем самораспустились Советы (как водится, не без настоятельной рекомендации сверху), орган остался без государственной крыши. Но не совсем бесхозным: перед роспуском партии коллектив редакции стал соучредителем газеты.

Наше свободное плавание было недолгим: новые власти довольно быстро прибрали газету к рукам, хотя ещё довольно долго сохранялся учредительный триумvirат: акимат области, областной маслихат, коллектив журналистов. Потом, само собой, наше соучредительство было признано незаконным, и при очередной перерегистрации газеты мы этого статуса лишились, как, впрочем, ещё раньше и областной маслихат.

Газета перестала быть самостоятельным юридическим лицом, потеряла право распоряжаться своими доходами, стала одним из подразделений учреждённого властями медиахолдинга, который правильнее было бы назвать «государственным информационно-пропагандистским колхозом». В нём и закончилась моя редакторская карьера. Но об этом чуть позже.

* * *

Что я могу сказать о череде первых лиц области, пришедших на смену первым секретарям обкома? Каждый из них достоин отдельного повествования, иные – целых авантурных романов. Были такие, кто на удивление быстро сориентировались в новых правилах жизни – этой, по сути, игре без всяких правил на первых порах – и не без успеха поучаствовали в первичном накоплении капитала, став впоследствии миллионерами – не тенговыми, разумеется, а долларовыми. Кто-то уже пришёл на этот пост далеко не бедным человеком и, конечно, приумножил заработанное непосильным трудом прежде. Кто-то потом поднялся на ниве отечественного бизнеса, обещая суверенному Казахстану создать даже собственный торговый флот...

К другим судьба оказалась не столь благосклонна... Один аким, оставаясь на этом посту, стал соучредителем оппозиционного движения, за что и схлопотал срок. Он теперь в дальнем зарубежье. И кто знает, может быть, его политическая карьера ещё не закончена.

Другому акиму инкриминировали создание организованной преступной группы, вымогавшей деньги у бизнесменов за получение выгодных государственных подрядов. Он полгода просидел в следственном изоляторе, вовремя умело покаялся и отделался условным сроком. А судьба десятков миллионов тенге полученных им взятки осталась неизвестной. По-хорошему сесть должен был и ещё один наш бывший аким, засветившийся, правда, уже на другом ответственном посту, в громком скандале на десятки миллионов впустую потраченных государственных долларов. Но ему как-то удалось вывернуться...

Были (да и остаются ещё) свои скелеты в шкафу едва ли не у каждого, кто прошёл через этот высокий пост. И едва ли не каждый из них лучше редактора знал – какой должна быть газета... Один аким запрещал в газетных материалах склонять свою фамилию – вопреки правилам русского языка. И тогда приходилось упоминать его персону исключительно в именительном падеже. Он, правда, плохо кончил...

Как мне работалось с ними? Я наивно полагал, что им всё можно объяснить, и тогда они поймут... Что именно? То, например, что им выгодно иметь авторитетную, влиятельную государственную газету, которой люди доверяют. И что с помощью такой газеты можно будет успешнее проводить государственную политику.

Во времена политических катаклизмов, сотрясающих область, я говорил им, что нельзя превращать газету в идеологическую дубину и бездумно молотить ею оппозиционеров всех мастей по принципу «чем хуже, тем лучше, чем чудовищнее ложь, тем скорее в неё поверят». Люди же не дураки, говорил я, они всё понимают и не поверят примитивной пропаганде...

Ещё я агитировал придерживаться принципа разумной достаточности при освещении в газете их многотрудной и многогранной деятельности. Даже припугнуть пытался. Представьте, мол, себе: получили в администрации президента газету, посланную неким «доброжелателем», а в ней пять публикаций, так или иначе посвящённых акиму области!

Мои доводы казались мне настолько убедительными... И меня как будто понимали... Один аким даже обиделся: кто вас заставляет меня пиарить? Но именно ему стала носить пресс-служба на согласование снимки, на которых он был запечатлён, перед их публикацией.

Убирать меня из редакторов тоже начали по его команде. Повод был, по сути, ничтожный: мы опубликовали статью, в которой пенсионер, один из бывших руководителей области, имел неосторожность слегка покритиковать власть нынешнюю. При этом мы даже оговорились в редакционной приписке, что не со всеми суждениями автора можно согласиться...

Публикация тем не менее вызвала неудовольствие действующего акима области. Меня пригласили для воспитательной беседы к его заму. Я каяться не стал – не в чем было. И со мной стали «разбираться» по-другому – я даже не догадывался, сколько для этого способов существует. Не сразу понял, что происходит... А когда умные люди подсказали, решил уйти из редакторов сам. И несколько об этом не пожалел, разве о том только, что не ушёл раньше. Из журналистики же, как и из самой газеты, я не уходил и уходить не собираюсь...

Да, и вот ещё... На Новый год с нарочным принесли поздравительную открытку. Как бы вы думали – от кого? Правильно – от бывшего акима, по чьей команде со мной «разбирались», вознесённого теперь на правительственный Олимп. Я не мог понять – с чего бы это вдруг такое внимание? Потом подумал – по недосмотру, наверное...

КАК Я БЫЛ ЛОМОМ И ТРАМВАЕМ

Дело было в бане. Я уже выполнил норму – сделал четыре захода в парную с веником и потому пребывал в благодушно-расслабленном состоянии. Неспешно одевался...

– Что, уже и трамвай купил? – слышался вдруг незнакомый голос.

Я даже не сразу понял, что это обращаются ко мне. Но в предбаннике вдруг повисла тишина, и по недоумённым взглядам, направленным в мою сторону, я догадался – это меня спрашивают.

Мне бы самому спросить – что явно подпитой мужик имеет в виду, но не понравился его тон, и я небрежно бросил в ответ, что и самолёт, мол, купил, и даже поезд; а теперь вот и к бане присматриваюсь...

Мужик ещё побурчал немного и невнятно, пока я собирался. На том всё и закончилось.

Но через несколько дней жене позвонила подруга и торжествующе сообщила:

– А я сегодня на твоём муже ехала!

– Как это? – тоже не поняла супруга.

– Да как многие это делают – села и поехала.

Подруга, интригуя, выдержала, как хорошая актриса, паузу и объяснилась:

– Да на трамвае я ехала, а на нём впереди надпись: «Историческая личность. Юрий Дмитриевич Поминов».

– Так ты у нас теперь, оказывается, знаменитость, – язвительно заметила супруга, закончив разговор, – уже и трамваи твоим именем называют. А ты такой скромник, что даже от меня это скрываешь.

И сколько я ни доказывал, что ни сном ни духом о таком не ведаю, она мне не поверила. Я же только теперь понял, что имел в виду тот мужик в бане, которого я, выходя, обидел, пусть и сам того не желая.

Стал наводить справки, не без труда выяснил: это в нашем трамвайном управлении решили таким образом если не увековечить, то отдать должное некоторым своим землякам, в числе которых оказался и я. Среди удостоенных именного трамвая были также бывший мэр города, профессор местного университета, актриса местного театра, генерал милиции в отставке, кто-то ещё. Но как и почему в их числе оказался я? В трамвайном управлении меня отослали в госструктуру, ведающую идеологией, где незнакомая мне девица по телефону сразу всё объяснила:

– Вы же у нас проходите как лом...

– В каком смысле? – я был настолько обескуражен, что даже обидеться не успел.

– Ну, то есть лидер общественного мнения. И поэтому мы вас рекомендовали.

А я подумал: хорошо ещё на трамвае не написали, что я лом...

С тех пор и мне стали звонить, иные с ехидцей, сообщая, на ком только что прокатились... Я же хоть иногда и езжу на трамвае, «своего» почему-то ни разу не встречал. И однажды, когда нас приехали навестить сыновья Димка с Пашкой из Омска, я твёрдо решил устроить семейную встречу с Поминовым-трамваем.

На его поиски мы отправились вчетвером: сыновья и мы с супругой. Сначала, просто припарковавшись у обочины, встречали и провожали проходящие в обе стороны трамваи. Но «моего» среди них, как назло, не оказывалось. Тогда мы поехали на окраину города, где трамваи разворачиваются, чтобы навести справки у диспетчера. Но и там ничего не узнали, зато получили телефон диспетчерской трамвайного управления, по которому выяснили, что «наш» в тот день на линию не вышел. Но нам его показали на территории самого предприятия, и мы даже сфотографировались вчетвером на его фоне.

Года через полтора я всё же впервые проехал на трамвае собственного имени. Попался он мне совершенно случайно: я вообще редко езжу на трамваях, чаще на автобусах. Что вам сказать? Трамвай мне достался, прямо скажем, не так чтобы очень – старенький, неухоженный, неказистый, дребезжащий. Одним словом,

неубедительный... У других, я видел, время от времени высматривая «свой», они всё же поприличнее, у кого-то даже новый... Но ведь и мой худо-бедно ещё бегаёт, служит свою нелёгкую службу, и это, наверное, главное...

А теперь он ещё и в стихах известного поэта (а по совместительству моей супруги) О. Григорьевой увековечен. Совсем как у Маяковского – пароход и человек «Теодор Нетте». Или заблудившийся петербургский трамвай у Николая Гумилёва...

Хотите почитать? Пожалуйста!

Товарищу Поминову, трамваю и ЛОМу

(почти по Маяковскому)

Я недаром вздрогнула –

Вот и доверяй!

На остановку

со скоростью пули

разворачивался

и входил

трамвай –

«Поминов Юрий».

Это – он.

Я узнаю его.

Перекарасился и подписался,

Но меня не проведёшь:

– Здравствуй, Поминов!

Где ты ночь

шлялся?

Подъезжай сюда!

Сколько баб собрал!

Но они тебе, надеюсь, платят?

И не ври, что ночь

ты в депо стоял.

Хватит!

...Колеси теперь

по маршруту шесть.

Радуй горожан

свежим словом.

Думала ли я,

что такое есть:

брак с железом!

Да – с трамваем, с ЛОМом!

Пусть в такое в книжках

верят средне:

«Мало ли

что можно

в книжке намолоть!».

А трамвайчик –

оживит внезапно «бредни»

И покажет

человека
естество и плоть!
В наших жилах –
кровь, а не водица.
Едем мы
сквозь сплетни, ругань, лай,
Чтобы,
умирая,
воплотиться
В железяки,
в строчки
и в другие долгие дела.

.....
Мне бы жить и жить,
как жили впредь.
Но сегодня
нет других желаний –
Я хочу, как Поминов, звенеть
И лететь по улицам
трамваем!

(ЛОМ – лидер общественного мнения в Казахстане).

Заблудившийся трамвай
(почти по Николаю Гумилёву)
Шла я по улице Первого мая
И вдруг услышала: «Догоняй!».
По рельсам, стуча, звеня, играя,
Светло-зелёный летел трамвай.
Надпись на морде того трамвая
Была для меня как сюрприз, секрет.
«Юрий Поминов» – я ж его знаю,
Живём мы с ним уже сорок лет!
И мы помчались – легко, крылато
Сквозь тёмный город, сквозь тьму времён.
Но погодите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!
Как-то, признаться, неловко ехать
На муже собственном, на своём.
Ещё и деньги (ну, кроме смеха)
Платить за то, что еду на нём!
Где я? Так томно и так тревожно
Сердце моё стучит в ответ:
«Видишь вокзал, на котором можно
На Поминова купить билет?».

И поняла я – наша свобода –
Строчкой, трамваем, улицей быть.
Пусть молодые стоят у входа,
Пусть они будут за нас платить!
Сердце забилось легко и страстно,
Радостно всё же на свете жить!
Только не ездь, милый, на «красный»,
И пассажиры будут любить!

КАК Я БЫЛ МНОГОЧЛЕНОМ И СТАЛ ДЕДОМ

Один из героев Андрея Платонова свой общественно-политический статус определял так: «И ничего не член». Я же в своей жизни, особенно редакторской, был в прямом смысле многочленом, потому что по должности и общественному статусу должен был состоять в разного рода комиссиях, советах, союзах, обществах, ассоциациях, группах...

Я был октябрёнком, пионером и комсомольцем. И уже рассказал, как состоял членом последнего бюро последнего обкома Компартии... После чего у меня выработалась стойкая аллергия к партийной принадлежности, и я уже почти тридцать лет как беспартийный.

В восьмидесятые годы прошлого века и тысячелетия я состоял во Всесоюзном обществе трезвости. Каюсь теперь: членом этого общества я был неустойчивым, трезвый образ жизни не только не соблюдал, но и не очень к нему стремился. Зато удостоверение члена общества сохранил и думаю, что если бы у нас проходили аукционы, подобные «Сотбису», на которых бы выставлялись реликты ушедшей эпохи, это моё удостоверение, а есть ещё и значок, точно нашли бы своих покупателей.

Как я был лохом, притом неоднократно, я уже рассказывал, но можно, пожалуй, присовокупить сюда ещё одну историю – про то, как я инвестировал в недвижимость... Однажды я получил премию как лучший региональный редактор Казахстана, большую – пять тысяч долларов. И сразу стал думать – куда можно выгодно вложить эти деньги? Тут же нашлись умные люди, посоветовали приобрести недвижимость. И даже подходящий объект рекомендовали – дачу. Там, кроме сада-огорода, был домик на две комнаты, обставленный всем необходимым, включая телевизор и холодильник. Там и зимой можно было жить, если топить печку. Ещё баня имелась – моя давняя мечта.

И я загорелся! Не вечно же мне сидеть в редакторах, говорил я сам себе, когда-то конец всё равно будет, уже и до пенсии недалеко. Буду жить на даче, зимой топить печку... Писать буду что-нибудь, но не по обязанности уже, а для души... И никто меня там доставать не будет...

Решился, словом. Не остановило даже то, что премиальных долларов на покупку не доставало, пришлось добавлять, и то, что дача была в другом городе. Выбраться мне туда всё никак не удавалось. Зато я слышал восторженные отзывы о ней – супруги, дети, сватов... И думал: правильно сделал – наконец-то хоть раз по уму распорядился деньгами. И предвкушал, как сам туда поеду, натоплю баню, запарю хороший берёзовый веник...

А потом баня сгорела. Говорят, в неё ударила молния во время грозы, или произошло короткое замыкание. Или её сожгли... Есть у меня и такое предположение.

Продавали разорённый участок тоже без меня. Вырученных денег не хватило, чтобы заплатить налог на землю и оплатить услуги садоводства. И вот думаю теперь: а может, всё правильно, не зря же говорят: как пришло, так и ушло... Я имею в виду ту премию...

Но хватит о грустном. Ведь всё в жизни относительно. Скажем, одно дело быть свидетелем на свадьбе у друга и совсем другое – свидетелем по уголовному делу, что тоже (как первое, так и второе) выпадало на мою долю.

Главное же, что я стал свидетелем ухода одной эпохи и не столько естественного рождения, сколько искусственного насаждения другой. Какая из них лучше, справедливее – только история рассудит. Хотя все мы давно знаем, что история учит лишь тому, что ничему не учит. Как зачастую и наш собственный житейский опыт.

Что же дальше – спросите вы? Откуда я знаю? В жизни всё почему-то происходит так быстро, что не успеваешь оглянуться. Вроде вчера ещё начинал жить сыном и внуком, а уже сам отец взрослых детей, трижды свёкор (слово какое-

то непоэтическое, как говорил в нашем детстве поэт Цветик, друг Незнайки – знакомы ли эти литературные герои сегодняшним детям?). И, что очень немаловажно, уже трижды дед.

Волей-неволей приходится выстраивать жизнь по новой системе координат и новой шкале ценностей. Когда забываешь обо всём, глядя, как мастерски режет коньками лёд твоя старшая восьмилетняя внучка, которая к тому же на равных сражается с тобой в шахматы. А младшая в ответ на твои не всегда успешные попытки чем-то её

заинтересовать или просто поладить с ней быстро отвечает: «Не будем!» – что в переводе на обычный русский означает: «Отвали!». Зато, если она в настроении, душевно попросится по-испански: «Адиёз!» – потому что в Испании она бывает чаще, чем я в Баянауле.

Внук, когда его начнёшь воспитывать с пристрастием, может ответить: «Я слышу!» – и в этом явственно слышится: «Чего пристал?». Зато когда мы с ним гуляем, его самое частое обращение: «Деда, знаешь что?..». А дальше может последовать что угодно: самое глубокомысленное умозаключение, вопрос, на который у деда часто нет ответа. Да мало ли ещё что...

...Вот он с восторгом рассекает на трёхколёсном велосипеде по залитой талой водой асфальтированной дорожке парка – так, что брызги летят во все стороны. Жалко, что я так радоваться уже не умею. Но мне тоже хорошо – оттого, что ему радостно.

«Четыре возраста мужчины»

(По картине художника Михаила Голубева,
www.mgolubev.ru)

В природе всё не без причины,

И так задумала она:

Четыре возраста мужчины,

А сердцевина в нём – одна.

Вот мальчик. Он доверчив, светел,

В кругу семьи, в кругу добра.

Но ждёт его на белом свете

Совсем не детская игра...

Вот юноша – серьёзен слишком,

Он весь в учёбе и делах,

Но светится ещё мальчишка

В его взрослеющих глазах!

Вот он и бородат, и статен...

Пусть не хватает с неба звёзд,

Но всё ж – мальчишка в нём запрятан,

Как будто в клетке – певчий дрозд.

Он скоро вырвется наружу,

Объявится на склоне лет,

Когда он будет внукам нужен –

Мальчишка, друг, ровесник – дед!

С уважением –

Ольга Григорьева.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Мне захотелось сопроводить эту свою совсем небольшую книжку фотоснимками разных лет. Далеко не все они имеют отношение к событиям и персонажам, о которых в ней рассказывается. Но зато они имеют отношение к другим моим книгам: «Помню и люблю», «Живу», «Свет отчего дома», «Друзей моих прекрасные черты», «Что прошло, то будет мило», к «Запискам редактора», которые я пишу многие годы и продолжаю писать.

По следам этих книг и сложились циклы предлагаемой фотогалереи – «Семья» (от предков до собственных внуков), «Друзья» (одноклассники и однокурсники), «Редакция» (в ней я работаю всю свою жизнь), «Коллеги» (те, что были и есть в моей жизни вне «Звезды Прииртышья») и другие.

Мне почему-то кажется, что эти снимки станут хорошим дополнением и своего рода оправданием творческого метода, которому я пытаюсь всё время следовать, – пишу по сути одну книгу – книгу о собственной жизни.